

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО ВГУ)

На правах рукописи

Сиссе Кумба

**АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗООМОРФНОГО КОДА
НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ В ДУХОВНОМ КРУГОЗОРЕ НОСИТЕЛЕЙ
РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА**

10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Ковалев Г. Ф.

Воронеж – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ЯЗЫК И НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА	8
1.1. <i>Взаимосвязь языка и культуры</i>	<i>10</i>
1.2. <i>Коды культуры</i>	<i>14</i>
1.3. <i>Зооморфный код культуры.....</i>	<i>18</i>
ГЛАВА 2. АНТРОПОЦЕНТРИЗМ ОБРАЗОВ ЖИВОТНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	24
2.1. <i>Антропоцентризм языка и его отражение во фразеологии и паремииологии.....</i>	<i>24</i>
2.2. <i>Антропоцентризм и язык русской народной сказки.....</i>	<i>32</i>
2.3. <i>Различие в антропоцентризме русских сказок о животных и аналогичных по тематике сказок Западной Европы</i>	<i>36</i>
ГЛАВА 3. АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАЗВАНИЙ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ В ДУХОВНОМ КРУГОЗОРЕ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА.....	43
3.1. <i>Тотемные символы персонажей русских сказок, отражающие древний родовой уклад семьи.....</i>	<i>43</i>
3.1.1. <i>Медведь</i>	<i>46</i>
3.1.2. <i>Заяц, волк, лиса.....</i>	<i>51</i>
3.2. <i>Птицы.....</i>	<i>60</i>
3.3. <i>Насекомые, земноводные, пресмыкающиеся, рыбы, грызуны</i>	<i>72</i>
ГЛАВА 4. АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАИМЕНОВАНИЙ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ И ПТИЦ В ДУХОВНОМ КРУГОЗОРЕ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА.....	85
4.1. <i>Собака и кошка</i>	<i>85</i>
4.2. <i>Корова / Бык.....</i>	<i>95</i>
4.3. <i>Лошадь / конь.....</i>	<i>102</i>
4.4. <i>Прочие домашние животные и птицы</i>	<i>111</i>
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	121
ИСТОЧНИКИ.....	126
СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ.....	126
БИБЛИОГРАФИЯ	132
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	149

ВВЕДЕНИЕ

Животные сопровождают человека на протяжении всей его жизни. Их образы участвуют в формировании представлений человека о мире. На протяжении многих сотен лет сложились символические значения животных, которые глубоко укоренились в сознании человека. Животные становятся героями многих суеверий. Символика одних и тех же животных у разных народов зачастую не совпадает. «Зооморфизмы разных языков, "ориентированные" на одно и то же реально существующее животное, могут представлять его (и реально представляют) эталоном разных качеств и свойств. Содержание зооморфизмов в каждом данном языке может отличаться от содержания аналогичных зооморфизмов в любом другом языке» [Гутман 1977, с. 148]. Это связано с особенностями быта, религиозными верованиями того или иного народа. Ф.Н. Гукетлова отмечает, что «в человеческом обществе жили идеи о происхождении людей от животного. Основываясь на наблюдениях за повадками животных, и подмечая их сильные и слабые стороны, человек выделяет основные из них и на этом строит свою характеристику. Именно зооним может отражать различия в национальных культурных представлениях, психологических, ментальных и социальных особенностях и разнообразных обычаях, присущих определенному языковому сообществу и культуре в целом. Зоонимы очень часто встречаются в составе пословиц. Все они получили свои характеристики, которые закрепились за ними как в русских народных сказках, так и в народной мудрости, и во фразеологических оборотах» [Гукетлова 2009, с. 13]. Символическое значение животных закрепляется в языке, впитывается с молоком матери и зачастую не осознается как образное носителями языка. Именно история изменений символического значения животных в русском фольклоре является отражением процесса становления национальной культуры и национальной идентичности русского народа. В связи с этим интерес представляет выявление символического значения животных в русской народной культуре, сформировавшейся в условиях

среднерусских равнин и лесов под влиянием языческих верований древних славян, европейской христианской культуры.

Следует отметить возрастающий интерес лингвистов к языку сказок, языковому выражению названия животных в русском фольклоре и недостаточное исследование языковой репрезентации ключевых образов животного мира в русских народных сказках о животных, фразеологизмах, пословицах и устойчивых выражениях с компонентом «название животного». Все это определяет **актуальность выбранной темы**.

Объектом исследования является зооморфный код названий животных в духовном кругозоре носителей русского фольклора.

Предметом исследования является специфика репрезентации зооморфного кода русской культуры в фольклорных текстах.

Цель исследования – выявить и описать особенности репрезентантов зооморфного кода русской культуры, нашедших свое отражение в языке.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **задач**:

- определить репрезентанты зооморфного кода русской культуры;
- выявить специфику использования названий животных в русских фольклорных текстах;
- выяснить семантический потенциал названий животных;
- определить способность названий животных и их антропонимных наименований выступать маркерами изображаемой в русских народных сказках эпохи;
- выявить особенности зооморфного кода названий животных в современном дискурсе.

Основными **методами**, применяемыми в работе, являются: описательный и сравнительно-исторический. Методологическую основу исследования составляют труды по теории лингвистики, в том числе когнитивной, посвященные феномену языковой картины мира и определяющие теоретические принципы и механизмы описания концептов как ее составных элементов, исследования по лингвофольклористике,

являющие собой образец исследования концептов на локальном языковом материале, а также предлагающие опыты реконструкции языковой картины мира, лингвокультурологические описания персонажей русского фольклора и их характеров в целом в русской лингвокультуре и в ее локальных вариантах.

Ведущим *методом* исследования является описательно-аналитический метод, включающий в себя методики лексико-семантического и текстуального анализа слов, а также их контекстуального комментария.

Интерпретация речевого материала осуществлялась с помощью метода научного описания с применением различных видов лингвистического анализа, в том числе лексико-семантического анализа названий персонажей русских сказок, контекстуального анализа их репрезентации в речи, а также сюжетно-тематического и семантико-синтаксического анализа оценочных высказываний в фольклорных текстах.

Материал исследования был извлечен из «Словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, сборников русских пословиц, современных фразеологических словарей русского языка, собрания «Народные русские сказки» А.Н. Афанасьева. Материал был дополнен данными Национального корпуса русского языка. В ходе исследования было проанализировано более 30 зоолексем и около пяти тысяч их словоупотреблений (фразеологизмов и пословиц), а также образных выражений в русской литературе.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые предметом исследования стал вопрос о специфике репрезентантов образов животных – персонажей русских сказок – в связи с их способностью выступать маркерами антропоцентризма во взгляде на древнюю славянскую семью, представленную в виде родовой (добрачной) общины.

Теоретическая значимость заключается в попытке выявить репрезентированную в русском языке символику зооморфного кода культуры, объяснить ее особенности и проанализировать характер

антропоцентризма различных образов животных в русских народных сказках.

Практическая значимость исследования состоит в том, что материалы работы могут быть использованы в практике лингвокультурологических исследований, преподавания русского языка и русского фольклора иностранным учащимся.

Положения, выносимые на защиту:

1. Зооморфный код является универсальным явлением, но в языке русских народных сказок он сохраняет и передает уникальную специфику древнерусской языковой картины мира.

2. Специфика наименования животных – сказочных персонажей (*лисичка-сестричка, зайныка* и др.) – позволяет говорить о русской народной сказке как наиболее древнем фольклорном тексте (в сравнении с русской народной фразеологией), аккумулирующем представления о характере древней родовой славянской семьи общинного типа, где еще не были развиты брачные отношения.

3. Анализ антропонимов, используемых в языке русских народных сказок в качестве имен собственных персонажей-животных (*Михайло Потапыч, Лиса Патрикеевна* и др.), свидетельствует о возникновении и развитии поздней древнерусской семьи, обусловленном принятием христианства.

4. В современном дискурсе наименования животных, являясь средством репрезентации кругозора носителей русского фольклора, не только реализуют свои древние значения, но и, вступая в контекстуальные связи, расширяют свою семантику.

Апробация работы. Основные положения исследования изложены в докладах на следующих научных конференциях: «Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся» (Воронеж, 2015); «Студенческое сообщество и развитие гуманитарных наук в XXI веке» (Воронеж, 2016); «Студенческая наука как ресурс инновационного

потенциала развития» (Воронеж, 2018, 2019); «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 2021). Результаты исследования обсуждались на научной сессии филологического факультета Воронежского государственного университета (2019 и 2020), также опубликованы в рекомендуемых ВАК РФ научных изданиях: «Вестник воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика» (Воронеж, 2019); «Неофилология» (Тамбов, 2020); «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» (Воронеж, 2020).

ГЛАВА 1. ЯЗЫК И НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА

Закреплению термина *картина мира* в науке способствовали в начале XX века физики Г. Герц и М. Планк. Они употребляли его по отношению к физической природе. В дальнейшем термин *картина мира* стали употреблять и по отношению к живой природе, психике, к различным сферам духовной культуры. Научные исследования в лингвистике и культуре позволили определить типы культур и культурно-антропологические матрицы, которые обуславливают восприятие природы, общественного порядка, сущности человека.

Проблема языковой картины мира начала подниматься русскими лингвистами в конце XX века. Это было связано с идеей о том, что каждый язык представляет собой уникальную систему представлений и категоризации мира, однако, если мы обращаемся к истории лингвистических идей, то мы увидим, что само понятие *языковая картина мира* восходит к идеям Вильгельма фон Гумбольдта, выдающегося немецкого филолога и философа XIX века. Позже в трудах неогумбольдтианцев (Й. Трира, Л. Вайсгербера, Г. Ипсена, П. Хартмана и др.) впервые появляется термин *языковая картина мира*. Американские этнолингвисты (Э. Сепир, Б.Л. Уорф) заложили основные гипотезы, получившей позднее название гипотезы лингвистической относительности.

Работы Анны Вежбицкой, австралийского лингвиста польского происхождения, способствовали популярности термина *языковая картина мира* в России, особенно ее статья «Имеет ли смысл говорить о «русской языковой картине мира?»» [Вежбицкая 2008].

Философским источником представлений о языковой картине мира как о некоем медиуме понятийно-логической репрезентации мира стала концепция раннего Л. Витгенштейна.

Для нас важно подчеркнуть древнее понимание семьи. Семья является сложным механизмом возобновления общества, обеспечивая исполнение

нескольких функций по сохранению и непрерывному возобновлению жизнедеятельного процесса общественного развития – биологической, социальной и духовной.

Реализация всех этих функций осуществлялась через традиционный семейно-родовой уклад. Семейно-родовой уклад в древности очень отличался от современного, хотя люди жили семьями, как и мы, сами эти семьи жили совместными группами – родами. Все члены рода были связаны друг с другом родством, обычно через семью матери или брак. Родовые общины были достаточно крупными, чтобы защитить и прокормить своих представителей, однако не настолько большими, чтобы стать неуправляемыми.

В общеславянскую эпоху употреблялись характерные именованья по родству: *брат, отец, сын, сестра, мать, дочь, чадо, дитя* и др., то есть слова, характеризующие два наиболее близких поколения, объединенные кровно-родственными связями. Слова *муж* и *жена* в древности больше отражали половозрастное различие и значили ‘мужчина’ и ‘женщина’. Остальные термины родства представлены в древних источниках значительно реже. При этом термины, обозначающие лиц – родственников мужского пола, употребляются примерно в два раза чаще, чем соответствующие термины, обозначающие лиц женского пола. Это нашло подтверждение в этимологическом словаре М. Фасмера, где слово *жена* значит *женщина*, а слово *муж* – *человек* [Фасмер-2, 46, 670].

В древности мужья жили в многоженстве и жены также в многомужестве, поэтому дети тех и других считаются общими детьми, и они без исключения воспитывались в духе взаимопомощи, коллективизма, подчинения личных интересов интересам общины. Община выступала как совокупный воспитатель. На каждом ее члене лежала обязанность заботиться о детях, руководить их поведением. Основные педагогические функции выполняли, как правило, ближайшие родственники и наиболее опытные, авторитетные сородичи [Днепров, Корнетов 1989, с. 10]. Различия в

воспитании детей определялись их полом. Мальчиков готовили преимущественно к мужским видам деятельности (охота, изготовление орудий труда), а девочек – к женским (собирачество растительной пищи, ведение домашнего хозяйства, уход за детьми). Это обуславливалось господствующей системой половозрастного разделения труда и соответствовало потребностям производственной жизни [Омельянчук 2010, 10].

В исторической науке принято считать, что род происходит от какой-то женщины, в Золотой век – век матриархата – она управляла этим Родом, была жрицей, хранительницей огня и домашнего очага.

В древнерусском обществе женщина имела не только свободу, но и право выбора. Не жених посылал сватов к своей возлюбленной, а, как указывают древние источники, сама женщина выбирала в те далекие времена отца своим детям, только она знала, чувствовала сердцем того мужчину, от которого можно было смело рожать здоровое потомство.

1.1. Взаимосвязь языка и культуры

Антропоцентрическая парадигма характерна для современной науки, под которой понимается переключение интересов исследователя с объектов познания на субъект, это значит, что анализируется человек в языке и язык в человеке. Язык изучается как продукт культуры, как ее значимая часть и условие существования, как фактор формирования культурных кодов.

В.А. Маслова обращает внимание на то, что культура – это не просто совокупность артефактов, то есть вещного мира, созданного руками человека, это мир смыслов, которые человек вкладывает в продукты своей деятельности и в саму деятельность. Создание новых смыслов само становится смыслом деятельности в духовной культуре – в искусстве, религии, науке [Маслова 2004, с. 17]. Культура отражает достаточно полно этико-нравственную сторону уклада жизни, нормы обычного права, принципы обыденного поведения народа.

Г.Д. Гачев отмечает, что каждая национальная целостность представляется своеобразным Космо-Психо-Логосом, что должно пониматься как метакод национальной онтологии, охватывающий и поясняющий все области жизни данного социума. Присущая каждому народу собственная «сетка мыслительных координат», предрешённая ландшафтными, географическими, историческими и культурными причинами и реалиями, лежит в основе «возлюбленной непохожести» народов и культур, и которой «... дорожить надо, это наша общая ценность. Ценить надо то, что не я и не мы, а значит, знают и умеют то, что восполняет – моё уникальное тоже умение и понимание...» [Гачев 2008, с. 5]. Выведенный им единый стержень национальной культуры способствует восприятию и миропониманию как своей, так и чужой культуры, учит видеть в различиях дополнение обогащение своего мировоззрения чужой культурой, а в сопоставлении «голосов» этих культур и миров выявлять «голос единого человечества». Неподдельный интерес представляет для нас прочтение учёным этнокультурных терминов (ландшафт, язык, быт, танец, застолье и пр.) как текстов, заключающих в себе национальную систему ценностей, логику, психику и психологию этноса, так как фольклорные тексты выполняют интегративную функцию: они сохраняют и транслируют последующим поколениям заключенный в образах и мотивах духовный опыт (знания, оценки, критерии поведения), способствуя формированию этнического самосознания, обеспечивая возможность единения живших и живущих. Полноценная передача народной мудрости возможна лишь в форме текста, а текст подразумевает определенную организацию. Прозаические жанры фольклора оказываются в этом отношении весьма показательными. Трудности их интерпретации носят объективный характер и обусловлены особенностями воспроизведения. Это доказывает справедливость сказанного Г.Д. Гачевым: каждый народ на земле имеет свое призвание, свою идею, свою энтелехию как Божий замысел о нём. Развитая

учёным методология применима к воссозданию ментальности любого этнического социума, в том числе и осетин [Гачев 2008, с. 14-15].

Каждая локальная культура имеет свою языковую систему, которая позволяет ее носителям общаться друг с другом. Культура передается посредством языка. Язык является средством хранения и передачи информации, основным средством общения. Благодаря языку возможно накопление знаний, а также их передача из прошлого в будущее. С его помощью люди передают и фиксируют символы, нормы, обычаи, информацию, научные знания и модели поведения. Таким образом, язык – это и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие ее существования.

Как пишет В.А. Маслова, «язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее, и культура – это не просто совокупность артефактов, то есть вещного мира, созданного руками человека, это мир смыслов, которые человек вкладывает в продукты своей деятельности и в саму деятельность. Культуры различных народов отличаются друг от друга поведенческой реакцией человека на мир» [Маслова 2004, с. 9]. По мнению В.А. Масловой, деятельность субъекта в мире основывается на установках и предписаниях, извлекаемых им из культуры [Там же]. Еще В. фон Гумбольдт писал: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он вступает в круг другого языка» [Гумбольдт 1985, с. 37].

В языке отражается национальная картина мира и менталитет любого народа. *Национальная картина мира* – это «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном сознании. *«Менталитет* определяется как специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной личности, социальной или этнической группы людей, а *национальный менталитет* – это

национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации. Менталитет народа проявляется прежде всего в его характере, действиях, коммуникативном поведении. Менталитет формируется под влиянием экономических условий, политических изменений, социально-политических процессов, природных явлений, контактов с другими этническими группами и т.д.» [Попова 2007, с. 4-9].

Языковая картина мира не стоит в ряду со специальными картинами мира (химической, физической и др.), она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт народа. В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир [Маслова 2004, с. 68].

«Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру, задает нормы поведения. Каждый национальный язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка... Язык не только отражает реальность, но интерпретирует ее, создавая особую реальность, в которой живет человек» [Там же, с. 68-69]. «Все тонкости культуры народа отражаются в его языке, который специфичен и уникален, так как по-разному фиксирует в себе мир и человека в нем» [Там же, с. 3]

Язык, как известно, обладает способностью накапливать в семантической структуре культурный и исторический опыт народа, в нём отражаются культурные, народно-психологические и мифологические представления и «переживания» [Толстой 1995, с.1].

Изучение языка позволяет нам проникнуть не только в современную ментальность нации, но и в воззрения древних людей на мир, общество и самих себя. Отзвуки давно минувших лет, пережив века, сохраняются

сегодня в пословицах, поговорках, фразеологизмах, метафорах, символах культуры и т.д. [Гудков 2003, с. 142].

По мудрому замечанию В.А. Масловой, «тайна языка – главнейшая из тайн человечества: если ее раскрыть, то раскроются многие сокрытые в веках или утраченные знания» [Маслова 2004, с. 4]. И далее: «Язык служит средством накопления и хранения культурно-значимой информации. В некоторых единицах эта информация для современного носителя языка имплицитна, скрыта вековыми трансформациями, может быть извлечена лишь опосредованно» [Там же, с. 12].

Изучением связи языка и культуры занимается наука лингвокультурология, сформировавшаяся на стыке двух наук. Предметом лингвокультурологии являются мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке.

Таким образом, язык является неотъемлемой частью культуры, основным инструментом ее усвоения, это действительность нашего духа. Язык выражает специфические черты национальной ментальности. Язык есть механизм, открывший перед человеком область сознания. С другой стороны, культура включена в язык, так как вся она смоделирована в тексте.

1.2. Коды культуры

В энциклопедических словарях код определяется как совокупность знаков (символов) и система определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов для передачи, обработки и хранения (запоминания). Правила, регулирующие код, устанавливаются по соглашению между носителями одной и той же культуры [БЭС 2003, с. 423].

Код культуры – это система условных символов, знаков, смыслов, которые заключены в любом предмете материальной и духовной деятельности человека. Культурный код должен быть:

- самодостаточным для производства, трансляции и сохранения человеческой культуры;
- открытым к изменениям;
- универсальным.

Коды культуры, по мнению В.В. Красных, «представляют собой «сетку», которую культура набрасывает на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и кодируют. Коды культуры занимают центральное положение в национальном культурном пространстве, являются структурообразующими элементами последнего. Сама культура при этом выступает как совокупность различных кодов. Коды культуры универсальны, но их проявления, удельный вес в каждой отдельной культуре, метафоры, в которых они реализуются, национально определены и обусловлены этой культурой, коды культуры образуют систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры» [Красных 2002, с. 232].

Несколько иначе определяют это явление Д.Б. Гудков и М.Л. Ковшова. Для них культурный код – это система знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов, которые «прочитываются в этих знаках» [Гудков 2007, с. 7-9].

Д.Б. Гудков обращает внимание на то, что, во-первых, под чрезвычайно широким термином «реальный код культуры» понимается совокупность самых разных кодов, каждый из которых образует собственное «семантическое поле»: природно-ландшафтный (*лес, море, гора, вода, песок* и др.), архитектурно-домостроительный (*дверь, порог, крыша* и т. д.), вещный (*нож, рубаха, нитка, карман* и т.д.), сюда же могут быть, вероятно, отнесены зооморфный, в какой-то степени соматический и другие коды [Гудков 2004, с. 40].

В.Н. Телия определяет культурные коды как «вторичные знаковые системы, использующие разные материальные и формальные средства для

кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума» [Телия 1996, с. 288].

По соотношению «означающее – означаемое» в рамках определенного культурного кода языковые единицы могут быть условно разделены на две группы. Как указывает В.Н. Телия, в одних «культурно значимая информация воплощается в денотативном аспекте значения (это слова, обозначающие реалии материальной культуры или же концепты культуры духовной и социальной)», в других «культурно значимая информация выражается в коннотативном аспекте значения» [Телия 1996, с. 235]. Иными словами, в одном случае сам объект, на который указывает слово, оказывается наделен символической функцией, в другом – эту функцию выполняет само слово, а не та реалья, на которую оно указывает.

Д.Б. Гудков обращает внимание на то, что имена, принадлежащие тому или иному коду культуры, обладают, помимо общеязыкового, еще и особым символическим значением как знаки вторичной семиотической системы, причем значение это отнюдь не является ситуативно обусловленным, но закреплено за соответствующей единицей языка. «Классические» толковые словари, как правило, не описывают эти значения, игнорируя их, что делает необходимым и актуальным введение подобных описаний в лексикографическую практику [Гудков 2004, с.48-49].

Выделяются следующие основные коды культуры:

- соматический (телесный);
- пространственный;
- временной;
- предметный;
- духовный;
- биоморфный [Красных 2001, с.6].

Названные коды являются базовыми, с их помощью может быть объяснен механизм многих тропов – метафоры, метонимии, олицетворения и др. Эти коды универсальны как феномен, свойственный человеку разумному

и культурному. А сама культура выступает как совокупность различных кодов.

По мнению В.В. Красных, «стереотип есть некоторая структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ-представление феномена, стоящего за данной единицей, в его (образа-представления) национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов ассоциаций)» [Красных 2003, с. 232].

Стереотипы тесно связаны с действиями и поступками. Они возникают в определенных житейских ситуациях и мотивируют определенные установки и поступки. Стереотип, по определению Е. Бартминьского, – это «представление о предмете, сформировавшееся в рамках определённого коллективного опыта и определяющее то, что этот предмет собой представляет, как он выглядит, как действует, как воспринимается человеком и т.п.; в то же время – это представление, которое воплощено в языке, доступно нам через язык и принадлежит коллективному знанию о мире» [Бартминьский 2005, с.528].

Основными функциями стереотипов являются стабилизация картины мира и программирование поведения в рамках определенной социальной группы. Описывая действительность упрощенно, схематично, создавая субъективные мифологические или идеологические представления, стереотипы могут препятствовать взаимопониманию людей как внутри этнических сообществ, так и особенно в межгрупповой коммуникации [Перова 2011, с. 41-43].

Таким образом, коды образуют систему координат. Коды культуры универсальны, но их проявления, удельный вес в каждой отдельной культуре, метафоры, в которых они реализуются, национально определены и обусловлены этой культурой [Красных 2002, с. 232].

Изучение кодов культуры помогает выявить характерологические черты мира эмоций и менталитета народа. Их реконструкция по материалам языка поможет воссоздать особенности восприятия и понимания явлений действительности человеком.

1.3. Зооморфный код культуры

Человек неразрывно связан с животными. На протяжении веков роль животных в жизни человека была исключительно велика. Включение знаний о мире животных в систему образных средств характеристики самого человека расширяет и углубляет его знания о самом себе посредством сравнений, поисков сходств с образами реалий окружающего мира. Возникая на основе образного представления о том или ином животном, зоохарактеристики человека отражают самобытность языков через систему оценочных образов-эталонов, образов-стереотипов, образов-символов, характерных для того или иного лингвосообщества, традиционно являющегося источником метафорических сочетаний слов.

Согласно Библии, Ной не только заботился о защите своей семьи, но он также привел по паре каждого вида животных в свой ковчег, чтобы спасти их от Потопа. Аристотель в своей книге «О душе» отметил, что существует сообщество живых существ, в которое люди и звери входят вместе или к которому принадлежат. В большинстве мифологий, даже если мы ограничиваемся только европейской мифологией, есть божества, представляющие собой полуживотного и получеловека. В христианстве Иисус родился среди животных в хлеву. Поэтому очень рано человек подумал об этой близости к животному, и задал себе вопрос о его отношениях с ним: животное, друг, компаньон, раб.

Несомненно, что человек не всегда был царем природы. Необходимо признать, что животные – это живые существа, а не «меблированная собственность» – такое представление о том, что животные могут понимать и радоваться, развивалось в XIX веке. Во всех древних цивилизациях люди и

звери жили очень близко друг к другу и, по большей части, близкой жизнью. Более того, животные, как и люди, были созданы Богом, источником всех живых существ. Поэма о сотворении мира в начале Бытия показывает их значимость и разнообразие: «роение живых существ в водах», птицы в небе, крупные морские змеи и «все крылатые люди», скот, твари, дикие звери на земле, все «созданные в соответствии с их видом». Затем появляется человек, уникальный, поскольку «по образу и подобию» Творца создан для того, чтобы доминировать над другими живыми. Однако, как и другим, Бог повелевает: «Будь плодотворными и плодовитыми, наполни землю ...».

Мудрый Кохелет продвигал сходство дальше: «судьба человека и судьба зверя одинаковы: как один умирает, так умирает другой, и это то же самое дыхание, что они оба имеют» [Еккл, 18]. В этом смысле дети человека подобны животным, тоже выходящим из пыли и возвращающимся в прах. Позже сам Иисус сравнивает общую заботу Отца о людях и маленьких птицах: «Разве два воробья не продаются за копейки? Однако ни один из них не упадет на землю без вашего Отца ... Так что не бойтесь» [Евангелие от Матфея 10, 29-31]. К лучшему или к худшему, жизнь людей и животных имеет много общего. Иаков, благословляя своих детей перед смертью, сравнивает некоторых из них с животными: Иуда – львенок, Иссакар – твердый осел, Дан – змея, Нефтали – лань и Вениамин – волк [Быт. 49:1-28]. Неудивительно, что в религиозных песнях для обозначения жениха и невесты используют лексемы, обозначающие животных: по незапамятным обычаям тех, кто любит друг друга, даже сегодня называют *лань*, *олень*, *газель*, *голубь* и т.д.

«Зооморфный код культуры представляет собой чрезвычайно интересный и самобытный языковой пласт, выявляет специфику мировосприятия носителей языка и культуры. Существование этих кодов является универсальным. Однако зооморфные коды, стремясь к сохранению универсальных черт, отличаются национальным своеобразием. Животные, втянутые человеком в мир его преобразований, играя символическую роль в

мифопоэтической картине мира, выступают как эталонные носители тех или иных качеств человека, отражают опыт народа, говорящего на данном языке. Для раскрытия культурного содержания зооморфизмов необходимо описание языковых символов, стереотипов, эталонов, включающих зоонимы» [Гукетлова 2009, с. 13-14].

Через сравнения с животными отражаются состояние, черты характера человека, его отношение к самому себе и другим людям, к окружающему миру. Как утверждает С.В. Перова, паремии с зоолексемами не только являются неотъемлемым компонентом языковой картины мира отдельного этноса, но и регулируют нормы поведения людей [Перова 2011, с. 41-43].

Такие лексические единицы номинации представителей животного мира, как *волк, лиса, медведь, заяц, еж; корова, бык, овца баран, коза, козел; собака, кошка; курица, утка, гусь; воробей, ворона, сорока; щука, лец, ерш; змея, лягушка, рак, червь; муха, комар, пчела* создают метафоричность обыденной народной речи – как сами и их производные, так и называемые посредством их свойства, а также проявления человеческой личности, которые позже, в процессе метафоризации противоположной направленности, начинают приписываться субъектам живой и неживой природы и вписываются в песню, игру, сказку, вступают в семантические оппозиции внутри паремиологических текстов. И, соответственно, они могут становиться (хотя и не все на данном этапе) маркерами тех или иных качеств или проявлений человеческого характера, допустим:

овца - безобидный, послушный;

баран – глупый, упрямый;

еж – не приветливый, неуступчивый;

гадюка – подлый, коварный, злобный;

щука – хитрый, ловкий;

муха – надоедливый, утомительный для окружающих [Червинская 2010, с. 5].

С.В. Перова обращает внимание на то, что «стереотипы тесно связаны с действиями и поступками. Они возникают в определенных житейских ситуациях и мотивируют определенные установки и поступки. Под стереотипами понимается «представление о предмете, сформировавшееся в рамках определённого коллективного опыта и определяющее то, что этот предмет собой представляет, как он выглядит, как действует, как воспринимается человеком и т.п.; в то же время – это представление, которое воплощено в языке, доступно нам через язык и принадлежит коллективному знанию о мире». Основными функциями стереотипов являются стабилизация картины мира и программирование поведения в рамках определенной социальной группы. Описывая действительность упрощенно, схематично, создавал субъективные мифологические или идеологические представления, стереотипы могут препятствовать взаимопониманию людей как внутри этнических сообществ, так и особенно в межгрупповой коммуникации [Перова 2011, с.41-43].

В языке наблюдается также тенденция индивидуального именованья характера человека зооморфами (названиями животных), русской ментальности в целом не свойственного (сравните обычные в русском языке оскорбления типа: *овца, свинья, ворона*, да еще на неуклюжую женщину – *корова* или *лошадь*). А из зарубежья пришло еще и оскорбление типа *осёл, ослиная башка* и т.д.

Последним этапом активизации зооморфов в русском просторечии стала тенденция заимствования во все речевые узусы лексики жаргонной, часто по характеру своему грубой, вульгарной, бранной, обценной. Многие лексические единицы при этом заимствуются из тюремно-лагерного, уголовного жаргона. Однако, подхваченные городским арготизмом, они обрастают новыми значениями и семантическими оттенками, экспрессивной агрессивностью в тенденции ранить и оскорблять объект речи – собеседника, либо некое третье лицо, о котором ведется речь.

Более традиционными можно считать зооморфы, называющие сексуальный предмет в целом:

а) по его притягательности (*орел* – гордый, восточного типа; *лев* – смелый, отважный; *кот* – ласковый, обходительный, всегда своего добьется; *бык* – напористый, сильный, мужественный; *теленочок* – добрый, покладистый, послушный, ласковый, говорится о мужчине; *кошка* – ласковая, грациозная, женственная; *овечка* – безответная, послушная, покорная; *коза* – шустрая, веселая, изобретательная; *лиса* – хитрая, умная, дипломатичная, подлиза; *телка* – покладистая, не сопротивляющаяся, чрезмерно доверчивая, говорится о женщине);

б) по неприятности (*козел* – противный, вонючий, глупый, нахальный; *баран* – тупой, непонятливый, неповоротливый; *мерин* – старый, глупый, выживший из ума, сивый; *верблюды* – горбатый, плюющийся; *клуша* (курица) – тупая, немодная, вся в домашних делах; *корова* – толстозадая, неповоротливая, глуповатая; *вобла* или *селетка* – худосочная, плоскогрудая.

Все эти зоонимы для русской ментальности в основном новые, либо же они недавно приобрели значения, ставшие актуальными. Приведем только несколько из многочисленных жаргонных речевых примеров:

тигрица – 1) женщина легкого поведения; 2) женщина, открыто ищущая половых контактов;

хорица – 1) женщина легкого поведения; 2) женщина, занимающаяся оральным сексом;

хорек, кроме названного значения, – 1) человек грязный, неопрятный; 2) портящий воздух кишечными газами; 3) с дурным запахом от одежды или от тела, изо рта; 4) ворующий домашнюю птицу; 5) женщина, намеченная как *жертва* для насильственного полового акта;

хорь (так же) – 1) руководитель, начальник; 2) женщина, как доступный сексуальный объект;

форель – псих, ненормальный человек;

чушка – 1) глупый человек; 2) колхозник или деревенский житель; 3) азиатской национальности; 4) грязный, неопрятный человек; 5) презируемая и преследуемая в тюремной камере, в лагере заключенная (первоначально *свинья*);

ящер – активный гомосексуалист [Червинская 2010, с.9].

В сознании представителей разных народов ассоциативно-символическая связь поведения того или иного животного с определенными чертами характера, особенностями поведения человека различна.

Воспроизводимые из поколения в поколение, эталонные сравнения связаны с определённым миропониманием, потому что они являются «результатом собственно человеческого соизмерения присущих ему свойств с «нечеловеческими» свойствами, носители которых воспринимаются как эталоны свойств человека» [Телия 1996, с. 285]. При изучении эталонов возникает интересный вопрос о причинах и источниках культурной мотивации эталона-сравнения в разных языках. Почему в русском языке медведь олицетворяет неуклюжесть, косолапость, а во французском языке *ours* – нелюдим, бирюк. Орёл в русском языке – храбрый, гордый. Русское выражение *Он не орёл* в отношении человека намекает на отсутствие в нём храбрости.

Зооморфный код культуры несет в себе отголоски мифологических воззрений, тотемических культов, обрядов, ритуалов народа, которые восходят к древнейшим пластам мировоззрения. Каждая культура создала свой символический образ того или иного животного.

Зооморфный код культуры как составляющая языковой картины мира, закрепляется в лексике, фразеологии, паремиологии. При передаче смыслов с одного языка на другой сохранение образов и символики, используемых данным кодом культуры, часто становится семантическим камнем преткновения.

ГЛАВА 2. АНТРОПОЦЕНТРИЗМ ОБРАЗОВ ЖИВОТНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. *Антропоцентризм языка и его отражение во фразеологии и паремиологии*

Антропоцентристский подход в настоящее время является наиболее актуальным, так как взаимодействие человека и языка предстает в том ракурсе изучения языка, который до сих пор не был исследован в достаточной степени. Антропологическая лингвистика – это «условное название направления лингвистических исследований, выдвигающих в качестве методологической основы «антропологический принцип» (язык как часть человека) и изучающих языковые явления в диаде «язык – человек». Например, изучение языковой способности на основе анализа сложной инфраструктуры мозга, обеспечивающей овладение языком, его знание и использование; апелляция к интуиции носителей языка и самого лингвиста (интроспекция); исследование познавательной функции языка как формы представления мира; исследование взаимоотношений языка, человека и общества; исследование взаимосвязи языка, духовной культуры народа, народного менталитета, народного творчества и др.; придание языку черт человека, в результате чего создается образ языка-организма, языка-системы, языка-механизма и пр.; изучение человека посредством описания языка и мн. др.» [Сулейменова, с. 20].

Таким образом, если язык антропоцентричен и предназначен для человека, то и вся языковая категоризация объектов и явлений внешнего мира ориентирована на человека, на индивидуальность. В. фон Гумбольдт отметил, что язык опосредующим звеном между человеком и окружающим его миром, изучение языка подчинено «цели познания человеком самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [Гумбольдт, с. 383]. И «создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества. Язык – не просто внешнее средство общения

людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения, а этого человек только тогда сможет достичь, когда свое мышление поставит в связь с общественным мышлением» [Гумбольдт, с. 13]. Язык понимается им как непрерывное духовное творчество, как явление, которое отражает характер народа. Эта метафизическая идея заставила ученого сделать следующие выводы: «Язык не есть произведение деятельности, а невольное изливание духа, не дело народа, а дар, назначенный ему в удел его судьбою», язык «происходит в человеке из глубины его индивидуальности, для него самого неисследимой, и из деятельности дарованных ему сил» [Гумбольдт, с. 13].

Расцвет антропоориентированных исследований обусловлен становлением в конце XX в. когнитивной дискурсивной парадигмы и, как следствие, возросшим интересом к человеку и его потребностям как детерминантам деятельности, что ставит человека в положение мерила различных явлений.

Фразеологизмы и паремиологии полностью фиксируют принцип антропоцентризма, так как они являются образным отображением действительности и самого человека как их неотъемлемую часть национального восприятия. Они также отражает обусловленные национальной культурой особенности мировосприятия его носителей. По мнению В.А. Масловой, «культурная информация хранится во внутренней форме фразеологических единиц, которая, являясь образным представлением о мире, придает фразеологизму культурно-национальный колорит» [Маслова 2001, с. 82]. В.Н. Телия подчеркивает, что основной целью лингвокультурологического анализа фразеологических единиц является «выявление и описание культурно-национальных коннотаций, узуально сопровождающих значение в форме образных ассоциаций с эталонами, стереотипами и другими культурными знаками и соотносимых друг с другом

посредством когнитивных процедур, придающих этим коннотациям осмысление» [Телия 1993, с. 310].

Фразеологизмы играют особую роль в создании языковой картины мира. Они – «зеркало жизни нации». Природа значения ФЕ тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке.

«...история фразеологического состава языка – это не только история его формирования, но и история мировидения и миропонимания народа, поскольку отбор образов и их оязыковление – это результат культурной интерпретации самих фрагментов действительности с целью выразить отношение к ним – ценностное или эмоциональное» [Телия 1996, с. 285].

Антропоцентрический характер русских фразеологических единиц находит отражение в их семантике, семантическая группа «внутренние качества человека». При всей универсальности выделения черт характера человека и стандартной оценке оппозиционных характеристик, во фразеологии получают образную интерпретацию национально своеобразные ситуации, в которых проявляется та или иная черта характера человека, реалии, связанные с историей культурой, образом жизни народа, носителя языка.

Стереотипы животных являются древнейшими и имеют особое культурное значение, так как они основаны на образном представлении о том или ином животном в восприятии того или иного народа, поэтому фразеологизмы и паремиологии с компонентами животных наиболее ярко и непосредственно отражают национальную самобытность языка через систему оценочных образов-эталонов, характерных для данной лингвокультурной общности: *конь, лошадь* рассматривается как животное сильное и здоровое (рус. *сильный как лошадь, здоровый как лошадь* ‘нечто крупное, большое’; *лошадиная доза* ‘большая доза’).

Пословица *Пересел с коня на осла* предполагает какое-либо понижение, например, в должности, что обусловлено более низким статусом осла по

отношению к коню. В разговорном стиле лексема *осел* обозначает ‘глупый человек’. Отличительной чертой коня является, в частности, его голос, называемый *ржанием* (метафорически *ржать* значит ‘громко смеяться’). Это животное может быть также представлено словами *мерин*, *кобыла*: *врет как сивый мерин*, *бред сивой кобылы*, *не пришей кобыле хвост*. Примерами стереотипного восприятия животных могут также служить *свинья* прежде всего как ‘нечто грязное, неаккуратное’: рус. *насвинячить* ‘напачкать’; *есть как свинья* ‘есть с жадностью, чавкая’ и т.п.; *кот* ‘ловкий’, ср. *кошачья ловкость*; ‘везучий’, ‘живучий человек, живуч как кошка’. Среди диких животных *лев* утвердился в языке как символ отваги, силы: *сражаться как лев* [Перова 2011, С. 42-43].

Таким образом, фразеологизмы с компонентом *животное* описывают свойства человеческого характера, особенности поведения, внешность, эмоциональное и физическое состояние, артефакты (то, что создано человеком), одно и многоактантные ситуации социального взаимодействия, в которых оказывается человек на протяжении своей жизни, этапы жизненного пути и ритуалы, например, при описании внешних и внутренних характеристик человека происходит образное сравнение с окружающим, в частности с животным, миром. Активным является перенос *животное* → человек, который характеризуется как положительными, так и отрицательными ассоциациями. В основе такого переноса – сходство с каким-либо животным на уровне его отдельных признаков, например,

Лиса символизирует хитрость, изворотливость, пронырливость и красоту это отражено в фразеологизмах: *Не сули лисицу в год, а дай ее в рот!* *Трудно лисе, лапку положит, а то и вся уберется*; *Лиса и во сне кур считает*; *Кто попал в чин лисой, будет в чине – волком*; *Кто в чин вошел лисой – править волком будет*; *Кабы лиса не подоспела, то овца волка бы съела*; *Лиса живет хитростью, а заяц прыткостью* и др.

Исследование четко показывает, что русские фразеологизмы с компонентом *лиса* описывают хитрую и изворотливую женщину.

В современности образ лисы чрезвычайно популярен в политической

сфере, с помощью ее образа описывают хитрых и жестоких лидеров (примеры из национального корпуса русского языка):

Вездесущий лиса Леопольд, надо отметить, в эти дни вновь оказался в Париже и с удовольствием отобедал со своим давним приятелем адвокатом Набилем Азари, когда-то очень пособившим ему в одном щекотливом и дорогостоящем конфликте [Дина Рубина];

– *«Лиса»: ядовитое и очень остроумное вразумление политиков и журналистов, которые в своих грозных или восторженных заявлениях по поводу наших демографических проблем и способов немедленного избавления от них постоянно демонстрируют полное невежество [«Демоскоп Weekly»];*

Итак, мы отмечаем, что фразеологизмы с компонентом *лиса* описывают хитрого и изворотливого человека.

Волк – символ агрессии и дикой природной силы, и существует много фразеологизмов и пословиц с компонентом «волк», которые отражают его символику жадности, жестокости, бесхитростности, лени, нечестности, чуждого и др.: *волк в овечьей шкуре* «о недружелюбном человеке», «о плохих деяниях»; *волки и овцы* «о жадных и беззащитных»; *Волк вечно голоден (Волк голодает, лиса – лакомка)*, это отражается в устойчивом сравнении *голодный (проголодаться) как волк, как волчонок. Смотреть как волк (волком)* «о людях, испытывающих друг к другу враждебные, злобные чувства» [Даль -1, с. 205].

Однако стоит заметить, что существуют фразеологизмы с лексемой «волк», имеющие положительные коннотации: *морской волк; старый волк* – «об опытном человеке».

Итак, во фразеологизмах волк наделен такими символическими значениями как: глупость, бесхитростность злость, опасность, и человека, обладающего этими качествами, принято сравнивать с волком.

В русской культуре *заяц* является эталоном слабости и трусости. Это нашло свое отражение в пословицах и фразеологизмах зафиксированных В.И.

Далем: *Труслив, что заяц, блудлив, что кошка; Жаден, как волк, а труслив, как заяц; Пуганый заяц и пенька боится; Заяц по селенью бегаёт, к пожару; Весной и заяц на слуху сидит; Без собаки зайца не поймаешь; Душа, как у зайца, в пятки ушла (от страха); как заяц, бояться и собственной тени 'быть чрезмерно трусливым, часто без каких-либо реальных оснований'; заячья душонка, иметь заячью душонку, Бегают ему, что зайцу, приложив уши (о трусливом человеке); дрожать (трястись) как заяц, как заячий хвостик 'испытывать сильный страх' [Даль 1863, с. 600].*

Стереотипное представление о зайце как трусливом животном, нашло языковое воплощение и в современности, так как в национальном корпусе русского языка мы встречаем такие примеры: *Волк любит зайца за то, что заяц дал ему возможность доказать, что он, волк, быстрее и сильнее (Алексей Славовский); Ведь в нём самом нет ни храбрости и силы льва, ни скорости зайца, ни мудрости филина! (Сергей Седов).*

Представление о том, что заяц очень быстро бегаёт, находит отражение в таких устойчивых сравнениях и пословицах: *бежать как заяц (только пятки сверкают); пуститься / припустить / бежать, нестись во всю прыть (как заяц); дать дёру, как заяц из-под куста; иметь заячью прыть; Мелькнул только куцый хвост – зайца и след простыл; Без собаки зайца не поймаешь: Без труда и зайца не поймаешь; Быстро заяц бегаёт, да дешево стоит; Выпустил зайца из рук, а того, что в поле, не поймаешь; Где заяц ни бегал, а в тенета попал; Забегать зайцем вперед.*

Способность зайца запутывать следы, чтобы уйти от врага, нашла отражение в выражении *петлять как заяц*, что значит «уходить от прямого ответа или от ответственности».

На основе этого представления в русском языке у слова *заяц* появилось новое метафорическое значение «безбилетный пассажир, безбилетный зритель» (например, *ехать зайцем*).

Медведь – символ силы, царства и мужества, отражен во многих пословицах: *не дал Бог медведю волчьей смелости, а волку медвежьей силы;*

Богатый силен, что медведь, хорошо медведя в окно дразнить; здоров, силен как медведь «о мужчине, обладающем большой физической силой» и др.

И в современном русском языке символика медведя сохраняется во фразеологии:

Бурый медведь быстрый, ловкий и очень сильный зверь [Геннадий Снегирев]; *Медведь умён. Недаром таёжные охотники говорят: "Медведь как человек, только ружья нет!"* [Геннадий Снегирев]; *Когда только начал Пётр I строить Петербург, напугал солдат медведь, выскочивший из-за моих деревьев, и стали меня звать Мишкиным или Мишиным* [Любовь Городнёва]; *И медведя плясать учат; Медведь не тянет (нейдет), так водильщику не лопнуть стать* (ср.: в современном языке эта мудрая поговорка до сих пор сохраняется: *два медведя в одной берлоге не живут* [«Общая газета», 1996]; *Ловить, как медведь перепелку; И медведь костоправ, да самоучка*; (ср.: Учение и медведь костоправ, да самоучка (Даль) [Гаспаров 2001]. И медведь – костоправ, да – самоучка, – раздаётся голос сбоку и глупый смех; оглянувшись, я вижу Егора – он куда-то совсем исчезал и только теперь появился [Гагарин (1945-1948)]; *Кого медведь драл, тот и пня боится* (ср.: И тогда Коля, живо помня, что случилось с ихней артелью на Таймыре, взял с Акима слово: сельдюк узкопятый пойдёт на промысел один, без связчиков – *кого медведь драл, тот и пня боится* [Астафьев. Царь-рыба 1974]) *Не та земля дорога где медведь живет, а та где курица скребет.* В сказках братьев Гримм «Беляночка и Розочка» и «Медвежатник» показываются различные аспекты образа Медведя. В первой сказке авторы стремятся раскрыть Медведя как символ власти, царства, мужества, силы и его связь с человеком. В конце сказки медведь убил карлика, и его медвежья кожа внезапно упала, и девушки увидели красивого принца. Медведь в этой сказке – это животное, умеющее говорить и мыслить: Медведь говорил: *«Не бойтесь; я не причиню вам вреда, я только прошу вас разрешить немного согреться, потому что я замерз»* [Grimm 1859: 8-18]. Мы отмечаем тут персонификацию медведя, поэтому его превращение в

принца основывается на этой логике. Вторая сказка «Медвежатник». Это история молодого солдата, который сделал пасту с дьяволом, чтобы стать богатым. Он должен был носить зеленый камзол демона и шкуру медведя семь лет, эти семь лет он не должен мыться. В конце истории очарование разрушено благодаря любви красивой девушки с чистым сердцем [Grimm 1859: 117-123]. Опять же, под этой кожей медведя скрывается человека. Он растет интеллектуально, духовно и стал свободен, так как чем выше духовное и интеллектуальное развитие человека, тем он свободней и счастливей. Очень важно отметить, что медведь связан с властью (в данном случае с королевской властью), поскольку он превращается в принца или в красивого богатого человека.

Таким образом, в русских, да и в других сказках человек придаёт модели мира антропоцентрическую интерпретацию, в которой значительную роль играет антропометричность, то есть сопоставимость окружающей действительности с доступными человеческому восприятию образами и символами. Качества и черты характера человека, получившие закрепление во фразеологии, мотивируются самыми различными жизненными и вымышленными ситуациями, внешними признаками и поведением человека и отражают национально маркированные реалии и национальный менталитет.

Образ того или иного животного может описывать внешность, действия и речемыслительную деятельность человека: лиса – хитрый человек, волк – злой человек, заяц – трусливый человек и т.д. Стереотипы в сознании каждого народа имеют свою специфику, обусловленную национальными особенностями мышления данного народа. Многие из стереотипов народа находят отражение в его пословицах и поговорках. По мнению В.А. Масловой, «культурная информация хранится во внутренней форме фразеологической единицы, которая, являясь образным представлением о мире, придает фразеологизму культурно-национальный колорит» [Маслова, с. 82]. Б.А. Ларин обращает внимание на то, что

«Фразеологизмы всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Отрадное – как свет утра отражается в капле росы» [Ларин, с. 125].

2.2. Антропоцентризм и язык русской народной сказки

В.И. Даль дает два определения слово *сказка*: во-первых, она является объявлением, вестью, оглашением, во-вторых сказка – это мысленный рассказ, небывалая и даже несбыточная повесть, сказание [Даль-4, с. 196-197]. Д.С. Лихачев понимает сказки как коллективно созданные и традиционно хранимые народом устные прозаические художественные повествования такого реального содержания, которое по необходимости требует использования приемов неправдоподобного изображения реальности [Лихачев 1986, с.500]. В Энциклопедическом словаре представлено следующее толкование: Сказка – это: 1) вид повествовательного, в основном прозаического фольклора, включающий в себя разно жанровые произведения, в содержании которых, с точки зрения народа, отсутствует строгая достоверность; 2) жанр литературного повествования (литературная сказка). Д.Н. Ушаков трактует сказку как повествовательное произведение устного народного творчества о вымышленных событиях. Проанализировав данные определения, можно сказать, что сказки – это жанр устного народного творчества. Они позволяют лучше понять традицию и культуру любого народа, отражают национальный дух народа и связаны с мировоззрением данного народа [Ушаков, 2012]. А.Н. Толстой утверждал, что «Сказка – это великая духовная культура людей, которую мы собираем по крохам, и через сказку раскрывается перед нами тысячелетняя история людей» [Толстой, 1935, с. 43]. Сказка является настоящей народной энциклопедией настоящего, прошлого и будущего, которая понятна в любой русской семье. Под народными сказками Э.В. Померанцева понимает, как эпическое устное художественное произведение, преимущественно прозаическое, волшебное, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел. Один из

признаков, отличающих сказку от других жанров устной прозы, является то, что сказки – предания и былинки, то есть рассказы, преподносимые рассказчиком слушателям как повествование о действительно имевших место событиях, как бы маловероятны и фантастичны они не были.

Русские народные сказки закрепили ключевые слова и выражения, которые не меняются на протяжении веков и легко узнаваемы. Они четко прослеживают народные фольклорные традиции и проявляют свойства, характеризующие менталитет народа. Назовем традиционные национальные образы русских сказок. Это, прежде всего, образы положительных героев; им противопоставляются отрицательные. Они несут в себе сокровища великой мудрости, накопленной целыми поколениями. Бытовые истории погружают нас в атмосферу волшебства и чуда. Русская народная сказка имеет свою концепцию языковой картину мира, которая является частью фольклорной картины мира. Языковая картина мира русской народной сказки насыщена образами, которые позволяют воссоздать быт и особенности мировоззрения русского человека.

Известно, что русская сказка играет воспитательную роль, но она воспитывает не только детей, но и взрослых людей. Дети простым и увлекательным способом открывают для себя важные жизненные истины. Сказки дают ребенку первое впечатление о мире и человеческих отношениях. Они учат детей с ранних лет тому, что хорошо, а что плохо, какова роль каждого члена семьи или общества, а также гендерным представлениям. Из сказок дети получают понимание, что мальчики должны быть активными, решительными, смелыми и уметь постоять за себя, потому что они являются будущими отцами, а девушки как будущие матери должны быть нежными, любящими, умными. Поэтому говорят, что в каждой сказке есть элементы действительности.

Первые сборники сказок появляются в конце XVIII века. Эти сборники, называемые «лубок», были предназначены для среднего класса и часто были не приняты элитой, однако великие русские писатели конца XVIII – первой

половины XIX века, такие как А.Н. Радищев и А.С. Пушкин, часто читали их и даже сами написали замечательные сказки. Самый известный и полный сборник русских народных сказок, состоящий из 600 сказок, был издан А.Н. Афанасьевым в 1855-1863 годах. Часть сказок была получена А.Н. Афанасьевым от В.И. Даля, который, передавая их ему, сожалел, что некоторые из них печатать нельзя. «А жаль, – сказал Даль, – они очень забавны».

Исследованию русских народных сказок посвящены работы К.С. Давлетова, В.М. Жирмунского, Е.А. Костюхина, И.П. Лупановой, Е.М. Мелетинского, А.И. Никифорова, В.Я. Проппа, В.Н. Топорова и др.

При описании внешних и внутренних характеристик человека происходит образное сравнение с окружающим, в частности с животным, миром, и активным является перенос «животное → человек», который характеризуется как положительными, так и отрицательными ассоциациями. В основе такого переноса – сходство с каким-либо животным на уровне его отдельных признаков, как, например, семантическая группа «внутренние качества человека». Структуру этой группы образуют лексемы, связанные с обозначением внутреннего мира человека: его мышления (ума, глупости), чувствования (эмоций). Данные внутренние процессы представляют человека наделенным определенными качествами: умом или глупостью, трудолюбием или ленью, храбростью или трусостью, скромностью или самовосхвалением / хвастливостью, старательностью или халатностью по отношению к делу и т.п. [Кузнецов 2008, с. 9].

В русском языке трусливого и слабого человека принято сравнивать с зайцем (*труслив как заяц*), человека старательного, прикладывающего все усилия для достижения цели, сравнивают с *лисой*. Человека, обладающего знаниями, определённым мастерством и опытом, принято шутливо называть *старым волком*.

Поэтому важно отметить условность названия сказок о животных, так как животные персонажи – это человеческие характеры, а сказки описывают

конфликты между людьми и даже между социальными классами, т.е. сказки о животных – это сказки о людях. И за образами животных можно угадывать социальные отношения людей. Н.М. Ведерникова подчеркивает, что «мир зверей» есть форма выражения мыслей и чувств человека, его взглядов на жизнь: «Говорящие животные, рассуждающие и ведущие себя, как люди, становятся поэтической условностью» [Ведерникова 1975, с. 71].

В сказках о животных речь идет о человеческом мире и даже об укладе семьи, так как семья является одним из фундаментальных институтов общества, придающим ему стабильность и дееспособность. Известно, что многие идеалы и моральные ценности того или иного народа отражаются в сказках.

В каждой сказке есть элементы действительности, и М. Горький обращал внимание на то, что «если бы вы детям преподнесли сказку, где петух и кошка не разговаривают на человеческом языке, они не стали бы ею интересоваться» [Русское народное поэтическое творчество 1971, с.13], то есть животные позволяют нам без объяснения понять характер главного героя, они в сказке становятся своего рода персонификацией действий, и поэтому названия животных используются в сказке для обозначения тех или иных качеств человека, таких как *упрямство, хитрость, слабость, доброта*. Например, лисой называют хитрого человека. Глупого и жадного человека принято сравнивать с волком: *Сытый волк смиреннее ненасытного человека*.

Итак, если язык является единственным невольным свидетелем эпох, то опыт поколений наиболее ярко отображается в фольклоре и в том числе в народных сказках, так как они – основополагающие для коллектива ценности, оценки и стереотипы.

Фольклорное видение мира раскрывается в коллективе через систему ценностей, отобранных и упорядоченных в соответствии с народной философией, особенностями народного мировосприятия и миропонимания.

Животные в сказках говорят и действуют, как люди. И под образами животных подразумеваются люди, тогда сказки приобретают

иносказательный характер. Символика животного строится обычно так, что в ней совмещаются черты животного и человека и образ того или иного животного связан с образом конкретного человека по должности, что и даёт основание понимать его переносное значение, поскольку сказка всегда была отражением народной жизни в ее динамике, и, следовательно, животные служат своеобразным зеркалом народного сознания, национальных традиций, которые могут дать представление о сложной культуре русского народа.

2.3. Различие в антропоцентризме русских сказок о животных и аналогичных по тематике сказок Западной Европы

Существует различие в антропоцентризме русских сказок о животных и аналогичных по тематике сказок Западной Европы. Особенно показательны различия позиций Лисы в русской сказке и Лисы в немецкой, французской и даже в чешской сказках: в русских сказках фигурирует именно *Лиса* как хитрая женщина, в то время как в западноевропейской сказке действует безнравственный *Лис* – пройдоха и любовник.

Представление о лисе как о хитром зверьке характерно для многих народов, однако Лис в западной культуре предстает не только хитрым, но и льстивым, умным, ловким, тактичным, двуличным существом.

Слово *Renard (лис)* во французском языке происходит от главного героя (*Goupil* – Лис – первоначальное имя лиса). «Роман о Лисе», который приобрел огромную популярность, быстро распространялся и переводился на различные европейские языки в XII в. Слово *Renard* – собственное германское имя *Renart, Raginhard (ragin = conseil (совет)+ hard = dur (трудность))* [Dictionnaire étymologie, URL].

Басни Жана де Лафонтена о лисе несут сатирический характер, Лафонтен использовал Лиса для того, чтобы описывать хитрого, ловкого, лукавого, коварного, льстивого, изворотливого, соблазнительного и сдержанного человека или критиковать власть, придворных чинов и

магистратов. В басне «Лис Муха и Ежик» Лафонтен называет их едоками «Nous ne trouvons que trop de mangeurs ici-bas: Ceux-ci sont courtisans, ceux-là sont magistrats».

Поэтому неудивительно, что Жан де Лафонтен олицетворяет своего лиса, давая ему человеческие характеристики: господин Лис (*monsieur le Renard*) или «Maître – хозяин», которые символизируют благородство.

В его баснях сложился следующий образ лиса: он умен, хитер, коварен, лицемерен и обладает яркими человеческими чертами. Он всегда выходит сухим из воды, всегда торжествует над своими противниками.

Так, в басне Жана де Лафонтена «Лис и Ворон» (в переводе) лис, обхитрив ворона, стал давать ему урок жизни («всякий льстец живет за счет того, кто его слушает»). В этой басне Лафонтен критиковал двух великих актеров французской сцены XVII в., придворных, которые льстили и говорили все, что хочет услышать власть (власть здесь символизирует ворон).

В басне «Лис и Козел» Лафонтен описывает лиса как рассудительное, вероломное и коварное существо: попав в колодец, лис заманил козла в тот же колодец, с его помощью вышел из колодца, оставив козла там. Здесь тоже лис дает козлу урок жизни или совет «*L'ami, si tu avais autant d'intelligence que de poils dans ta barbe, tu aurais observé avant la sortie*» (Друг мой, если бы у тебя было столько интеллекта, сколько волос на бороде, ты бы смотрел на выход, прежде чем войти в колодец). Лафонтен показывает, что козел может судить только по тому, что он видит. Лис, наоборот, тщательно всё исследует (ср.: Лис видит мир во всей его сложности, он стремится сразу к нескольким целям, изобретает множество стратегий и в большинстве из них проигрывает, потому что растрчивает силы [Дмитрий Соколов]).

Лис представляет собой очень хитрого персонажа, но его обхитрили аист, петух и кошка. Так, басня «Лис и Аист» учит нас, что любой обманщик должен ожидать, быть обманутым в свою очередь. В басне «Лис и виноград» лису не удастся схватить виноград, поэтому он говорит, что тот еще не

созрел, что он слишком зеленый. В басне «Лис и Петух» представлен мудрый и опытный петух, который, обхитрив лиса, сказал ему, что обмануть обманщика – двойное удовольствие (ср. *A malin malin et demi = on trouve toujours plus fort, plus rusé que soi* – всегда найдется кто-то сильнее, хитрее тебя).

В романе «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери, который был написан в 1943 г., лис помогает главному герою понять истинную ценность жизни и, в первую очередь, дружбы. Лис изменил сознание человека и открыл путь к перестройке общества. В том же году в детской книге «Оранжевая корова» Лис является ключевым героем.

В книге «Господин Лис» Роальда Даля описывается хитрое и умное существо: лис находит выход, чтобы избежать голодной смерти. Интересно отметить контраст в образе лиса в западных сказках, так как он имеет как положительные, так и отрицательные коннотации.

Поэма-сказка И.В. Гете «Рейнеке-лис», которая была написана в 1793 году, является шедевром мировой классики. По словам автора, его произведение – несвященная, мирская Библия.

В «Рейнеке-лис» рассказывается о том, как Рейнеке-лис, прохвост и мошенник, благодаря своему таланту мастерски убеждает в правдивости придуманных им историй, с честью выпутывается из всех щекотливых ситуаций и, в конце концов, торжествует победу над всеми своими противниками.

В европейской культуре лис ассоциируется с лестью, ложью, лукавством и хитростью, но также с умом и мудростью.

Таким образом, лиса в русских сказках или лис в западных баснях говорят и действуют, как люди. И под образами животных подразумеваются люди, тогда сказки приобретают иносказательный характер. Символика животного строится обычно так, что в нём совмещаются черты животного и человека, и образ того или иного животного связан с образом конкретного человека по должности, что и даёт основание понимать его переносное

значение, поскольку сказка всегда была отражением народной жизни в ее динамике, и, следовательно, животные служат своеобразным зеркалом народного сознания, национальных традиций, которые могут дать представление о сложной культуре русского народа.

Упоминаем, что Жан де Лафонтен не создал эти басни, его в XVII в. вдохновили басни Эзопа из греческой античности. На Лафонтена опирался знаменитый русский баснописец И.А. Крылов. В своих баснях он часто заимствует сюжеты из басен Лафонтена.

Если образ волка в русских народных сказках имеет негативную коннотацию, то символическое значение волка в Европе не однозначно. Рассмотрим различные представления о волке от античности до начала XXI века.

В античности образ волка встречается в греческой и латинской мифологиях, где он олицетворяет зло и дикость, а также иногда выступает как защитник. В греческом мифе волк кусает непослушных маленьких неразумных детей и делает им хромыми. Поэтому волк уже использовался, чтобы напугать детей, для того, что они были осторожны и послушны. Волк в трудах Гомера символизирует воинственность и военные ценности. Эзоп, как и большинство сказочников, использует волка, чтобы указывать пальцем на нечестие человека.

В средневековье символика волка отражена в романе «Роман о Лисе», в котором Ysengrin (волк) обозначается такими качествами как глупость и жадность, и лис впервые противопоставляется волку, Волк сохраняет образ дикого зверя, он лишен всякой совести и ума, а лис наделен всеми человеческими свойствами. Те отношения волка с лисом – это отношения животного с человеком, где человек, благодаря его хитрости, господствует над неразумными животными.

В басне Жана де Лафонтена «Волк и лис», которая была опубликована в 1678 году, Лафонтен создает образ сильного и довольно умного волка. В

этой басне волк является великим иллюзионистом и красноречивым оратором.

Лафонтен любил говорить, что он использовал животных, чтобы обучать человека. Он наделяет волка разными чертами характера: волк символизирует индивидуальную свободу, противостоящую рабству («Волк и собака»), он, попеременно, жестокий, злой, наивный, неблагодарный, жадный, рассудительный и духовный, он также философ и мыслитель. Поэтому Лафонтен использовал волка для передачи разных идей, взяв на себя разные роли, что иногда объясняет неоднозначность его образа. Волк занимается различными делами, такими как несправедливый королевский прокурор, придворный, осуждающий лиса, исполнитель королевских решений.

Лафонтен настаивает на том, что волк останется волком навсегда, и человек является волком для человека. Таким образом, в XVI веке в сказках и баснях волк наделен антропоцентрическими признаками.

В одной из версий сказки «Красная Шапочка» волк съел бабушку и Красную Шапочку, но охотник берёт ножницы и вспарывает спящему волку брюхо. Тогда бабушка и Красная Шапочка возрождаются, т.е. волк – символ перерождения. Действительно, волк является учителем и целителем, потому что бабушка больше не болеет, а менее наивная девушка теперь бдительна. Она была исцелена от своего невежества.

Можно сказать, что каждый получает свою награду: охотник уносит домой снятую с волка шкуру, бабушка, съев пирог и выпив вина, поправляется, а маленькая девочка выучивает жизненный урок: «Уж с этих пор я никогда не буду сворачивать одна с большой дороги без материнского позволения».

В XIX веке волк присутствовал в литературе так же, как и в предыдущие века. Жан-Франсуа Бладе, например, в середине XIX века написал серию рассказов, взятых из устных рассказов Гаскона, в которых животные высказывают свое мнение. Волк представлен как довольно

сильное животное, он вечно голоден и готов поглотить других животных (или даже человека). В некоторых сказках, наконец, его образ немного похож на его символику в романе «Роман о Лисе»: его легко обмануть и превратить в насмешку.

В самом начале XX века у Джека Лондона был натуралистический подход к образу волка в романе «Крок-Бланке». Эта работа воссоздает историю волка с исключительной смелостью, к которой читатель испытывает эмпатию. Волк больше не связан с безнравственным и пожирающим существом. Он имеет взаимные и уважительные отношения с достойным учителем. Дж. Лондон представляет волка как воплощение таких ценностей, как любовь к свободе и уважение.

Итак, в сказках волк также имеет неоднозначное значение, как медведь.

Если в русской культуре древняя символика Медведя сохраняется, то в западной Европе он уже лишен своей власти и статуса короля животных. Образ медведя был заменен львом. Это объясняется появлением христианства в Европе, которое уничтожало языческие культы, и медведь стал в глазах европейцев вором и гурманом. Образ медведя как вора отражен в норвежском мифе, где медведь украл солнце, и также встречается в мифологии индейцев северной Америки. Этот миф помогает объяснить создание земли и ее географическое положение. В начале создания мира медведь царствовал над Небом, где он ревностно охранял весь свет и жар Вселенной. Все животные жаловались на холод, и им удалось вернуть солнце в небо. Затем все было заморожено, и наводнения заменили лед, так и была создана земля индейцев северной Америки.

Представление о зайце как о трусливом и даже глупом зверьке (Ср. *И заяц умен, да задним умом...*) характерно для многих народов, однако подобное представление о данном животном все же не является универсальным. Во многих культурах заяц (или кролик) предстает хитрым и сообразительным, но никак не трусливым. Такое понимание нашло отражение, в частности, в «Сказках дядюшки Римуса» американского

писателя Дж. Харриса. Известный советский мультфильм «Ну, погоди!» тоже не показывает зайца трусливым.

Итак, если язык является единственным невольным свидетелем эпох, то опыт поколений наиболее ярко отображается в фольклоре и в том числе в народных сказках, так как они отражают основополагающие для коллектива ценности, оценки и стереотипы. Фольклорное видение мира раскрывает в коллективе оценки и стереотипы через систему ценностей, отобранных и упорядоченных в соответствии с народной философией, особенностями народного мировосприятия и миропонимания.

Присутствие Волка, Лисы, Медведя и Зайца как основных персонажей в сказках разных народов оказывается естественным, обоснованным с точки зрения истории развития самих народов.

ГЛАВА 3. АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАЗВАНИЙ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ В ДУХОВНОМ КРУГОЗОРЕ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

3.1. Тотемные символы персонажей русских сказок, отражающие древний родовой уклад семьи

Народные сказки часто становятся предметом исследования ученых, что способствует накоплению огромного количества информации о названном жанре.

Основой для возникновения сказок о животных послужили рассказы мифологического характера, связанные с охотничьим периодом в жизни наших предков и тотемическими представлениями о животных, первопредках человека. Однако в вопросах о времени происхождения, о месте происхождения, о причинах и предпосылках происхождения сказок о животных мнения учёных расходятся. По словам Якоба Гримма, животный эпос возник в процессе созерцания первобытным человеком окружающего мира.

Н. Будур отмечает в сказочной энциклопедии, что сказка о животных – особый вид устного народного творчества, распространенное по миру, главными действующими лицами в которой являются животные [Будур, 2005, с. 463]. Под сказками о животных В.Я. Пропп понимает сказки, в которых животные представляют собой основной объект или субъект повествования [Пропп, 2000, с. 353]. В своей диссертации «Четыре ступени сущности языковой репрезентации социотипических характеристик персонажей в сказках о животных» И.И. Тукаева утверждает, что время происхождения сказок о животных, должно опираться на сами сказки, где кажется возможным определить, на какой ступени развития находился человек во время создания сказки. Многие учёные рассматривают предпосылки появления сказок о животных с разных точек зрения, однако ряд исследователей сходится во мнении, что одним из основных источников

происхождения сказок является тотемизм [Тукаева 2015, 31]. Н.П. Андреев признает фольклор подлинно народным творчеством, утверждая, что сказка рождается ещё в доклассовом обществе, что животные сказки создаются на стадии тотемизма [Андреев 1938, с. 6]. Народные сказки о животных представляют собой древнейшие в своём жанре. Возникновение русских сказок о животных В.Я. Пропп причисляет к эпохе, когда основным средством существования для людей была охота. В сказках о животных сохранились следы периода первобытного быта, когда человек ещё не умел воспроизводить продукты потребления, а умел лишь брать их у природы [Зуева, Кирдан 2002, с. 142]. По своему происхождению сказки о животных связывают с тотемизмом, мировоззрением первобытных охотников, которые считали некоторых животных священными. Они также верили в магическую связь между своим родом и этими животными [Пропп 1957, с. 41]. В.П. Аникин считает, что появлению собственно сказок о животных предшествовали рассказы, связанные с животными и поверьями о них. Рассказы были предназначены для обучения правильному почтительному обращению к животным. Позднее на основе них были созданы сказки о животных [Аникин 1977, с. 49].

Тотемизм был связан с материнским родом. В словаре С.И. Ожегова под тотемом понимается как обожествляемое животное, считающееся предком рода, обладающее магической силой и являющееся предметом религиозного культа [Ожегов 2009, с. 2996], т.е. тотем является обожествленным животным, считающимся предком рода, обладающим магической силой и являющимся предметом религиозного культа. Но с распадом древнего материнского рода и установлением патриархата произошел переход от почитания тотемных животных к их осмеянию.

Но следы тотемизма в русской сказке сохранились слабо. Наиболее архаична сказка о медведе на липовой ноге в тех ее вариантах, где человек, посягнувший на медведя, наказан (медведь съедает старика и старуху).

Смысл этих сказок в те времена состоял прежде всего в передаче молодым людям жизненного опыта и знаний о животном мире.

Н.П. Дашкевич, В.М. Гнатюк, А.Н. Веселовский и другие исследователи народного творчества также подчеркивали мнение о тотемическом происхождении сказок о животных. К тотемизму восходят сюжеты, которые связаны с происхождением людей от животных, вскармливанием детей животными, браком с животными [Веселовский 1940, с. 516].

Ю.А. Кошкарлова подчеркивает, что сюжет о браке встречается в сказках о медведе, например, в сказке «Медвежье Ушко», где логическим продолжением связи медведя и девушки является появление на свет *Медвежьего Ушка*. Существует ряд вариантов наименования этого героя (*Василий Медвеух, Медведко, Медведович, Панфил – медвежий сын* и др.), который «совсем человек, только уши медвежьи», иногда он до пояса человек, а от пояса медведь, или кожа у него медвежья, а лицо человеческое. Растет «Медвежье Ушко» не по дням, а по часам; наделен он богатырской силой, однако люди находят его опасным для себя. По сюжету «Медвежьему Ушку» приходится уйти из деревни, он совершает ряд подвигов и выходит в финале сказки победителем. В ряде вариантов сказок о Медвежьем Ушке финал является трагичным – герой погибает от удара камнем. Данный вариант сюжета более древний, так как в мустьерскую эпоху убивали медведя камнем; ритуальное убийство медведя для праздника также предполагало архаический способ охоты: даже в XX веке, несмотря на наличие огнестрельного оружия, охотники убивают медведя стрелой из лука или копьем [Кошкарлова 2009, с.101].

Медведь, Волк, Лиса и Заяц являются самыми популярными и главными персонажами русских народных сказок о животных. Ю. Мариничева приводит следующие данные о частотности появления тех или иных главных персонажей сказок о животных: лиса (около 50 % анализируемых текстов), волк (42%), медведь (28%), заяц (25%), петух (19%)

[Мариничева 2011, с. 225]. Она также замечает, что животные в русских сказках «являются не только персонажами, но и вполне определенными стратегиями поведения, действия и поступки конкретного человека, носящими имя лисы, волка, медведя и зайца [Там же, с. 223]. Например, у В.И. Даля имеется несколько вариантов значения слова *лиса*. Само слово *лиса* может выступать как прозвище человека: «Лиса, лукавый, хитрый человек» [Даль 1881, с. 254]. В этимологическом словаре М. Фасмера есть глагол *лисить* ‘лестить’ и прилагательное *лисоватый* ‘хитрый, лукавый’ [Фасмер 1996, с. 500].

Домашние животные встречаются гораздо реже, мы полагаем, в значительно более поздних сказках: собака, кот, козел, свинья и др. Если в сказке встречаются и дикие и домашние животные, то главную роль играют дикие. Согласно В.Я. Проппу, сказок только о домашних животных в русском репертуаре нет вообще, а в международном их не более 5-6 [Пропп 2000, с. 370-371].

Этот факт свидетельствует о том, что сказки о животных были созданы, когда человек ещё не имел домашних животных, когда основным способом пропитания была охота на диких животных. В связи с этим В.Я. Пропп делает следующий вывод: животный эпос создавался на стадии доклассового развития общества. Попытаемся проанализировать символику Волка, Лисы, Зайца и Медведя как отражение древнего родового уклада семьи в русских народных сказках.

3.1.1. Медведь

В этимологическом словаре М. Фасмера лексема *медвѣдь* восходит к праславянскому языку: *medvĕďь (первонач. «поедатель меда», от мѣд и *ĕd-) представляет собой табуистическую замену исчезнувшего и .-е. *ḡkPos, др.-инд. ḡkṣas, греч. ἄρκτος, лат. Ursus <...> Ср. др.-инд. madhuvád- «едящий сладкое», лит. mės-ėdis «тот, кто ест мясо» [Фасмер-2, с. 589]. П.Я. Черных, указывая, что медведь – это «хищное млекопитающее животное с массивным неуклюжим телом, покрытым густым мехом (бурого, белого или, реже,

черного цвета), крупной головой и короткими, но сильными конечностями», считает вслед за Срезневским, что «старшее значение слова было «медовая снедь», откуда «едающий, поедающий мед» (ср. совр. рус. *медоед* — «млекопитающее животного семейства куньих», *Mellivora indica*); знач. же «*ursus*» вторичное, метонимического характера, возникшее на почве табу» [Черных-1, с. 519].

Медведь является яркой, главной и основной тотемной фигурой в русском фольклоре, в связи с этим название данного животного было табуировано (то есть был запрет, наложенный на имя медведя, нельзя было называть, упоминать зверя по имени) в отличие от других животных. Славяне, особенно охотники, видели в медведе человека в связи со способностью медведя передвигаться на двух лапах, и, поскольку культ медведя изначально имел тотемическую и промысловую основу, был традиционно связан с представлением о медведе как о божестве, сыне верховного небесного божества, человеке-предке, культовом герое, что, естественно, предполагало табуирование его названия у всех славян. Первоначальная индоевропейская лексема заменилась описательным наименованием по признаку склонности этого животного к сладкому, что также указывает на культовую значимость медведя в славянской мифологии. Нельзя было называть зверя уже известным именем, так как считалось, что имя может быть услышано на любом расстоянии. Чтобы не навлечь беду, славяне стали называть медведя описанием того, что он ведает мёдом (или ест мёд), знает, где находится мёд (*вѣдати* + мёд). В более поздние времена это описание получило шуточную окраску. У русских существовало и до сих пор используется множество именовании медведя: *он, сам, хозяин, старик, овсяник, мохнатый, космач, лапистый зверь, косолапый* и др. [Мадлевская 2007, с. 146].

С приходом христианства медведь в русском фольклоре получил христианские имена, как бы вводящие его в семейную структуру

патриархальной семьи русской сказки: *Потапыч, Михаило Иванович, Михаил Потапыч, Топтыгин*.

Связь медведя с человеком находит отражение в сказках братьев Гримм «Беляночка и Розочка» и «Медвежатник», что было указано нами ранее.

Поскольку медведь является одним из основных героев русских сказок, он аккумулирует мощь, власть, волю, знание, опыт, является символом божества, царства, мужества, он считался чистым животным и полноправным хозяином леса, что отразилось в пословицах и поговорках русских: «Хозяин в доме, что Медведь в бору: как хочет, так и ворочит», «Медведь в лесу, так и шкура в лесу». Медведь являет собой положительную природную силу. Он обладает большой силой и, кроме того, богатой шубой, поэтому в сказках ему отводится роль помещика и защитника. Ю.А. Кошкарлова отмечает, что «медведь во многих русских народных сказках выступает также защитником и покровителем диких животных, арбитром в их спорах. Медведь у русских считался также и охранителем домашнего скота» [Кошкарлова 2009, с. 101]. В представлениях крестьян медведь – это человек, Богом превращенный в зверя в наказание за прегрешения (не гостеприимство, убийство родителей, желание обрести власть над людьми). Также считалось, что на человека медведь нападает только по указанию Бога в наказание за какой-либо грех [Мадлевская 2007, с. 143-144].

Таким образом, поскольку медведь – человек, его наделяют вполне человеческими качествами: «он может радоваться и горевать, как люди, понимает человеческую речь и сам иногда говорит, наделен разумом» [Мадлевская 2007, с. 143]. Поэтому для наименования медведя служили различные названия, отражающие его старшинство над животным миром: «хозяин», «старик», «дед».

И, действительно, кого же именно русские люди воспринимают в качестве деда, как не пожилого, мудрого, сильного и великодушного учителя

жизни, поэтому в сказках отражают не столько характер животного, сколько социальный статус старейшины в древней славянской родовой семье, и ему отводится роль защитника и арбитра.

Итак, в сказке «Волк и Олень» судьей выступает медведь – по возрасту старик, а значит обладает мудростью и жизненным опытом, чтобы творить суд: *«Весь день они судью искали и только к вечеру нашли. Это был старик медведь».*

В сказке «Медведь и собака» медведь пожалел собаку, накормил её и помог выжить в лесу и вернуться домой: *«Ребенок закричал, бабы бросились за медведем, догоняли, догоняли, не могли догнать, так и воротились. Мать плачет, бабы тужат. Откуда ни возьмись, прибежал пес, догнал медведя, отнял ребенка и несет его назад. – Смотрите, – говорят бабы, – пес-то отнял ребенка! Мать уж так рада-радешенька. – Теперь, – говорит, – я этого пса ни за что не покину! Привела собаку домой, налила молока, накрошила хлеба».*

Медведь в сказках помогает также людям, так, в сказке «Царевна-лягушка» он внёс свой вклад в воссоединение Иван-царевича с женой: *«–Где мой медведь? Он бы мне расколол его (ларец). Явился медведь и ну колоть – расколол. Утка выскочила оттуда и улетела»* [Афанасьев 1984, с. 268].

В сказке «Звери в повозке» медведь выступает с волком и зайцем против лисы, они как одна семья обхитрили лису: *«Пока она ходила, медведь с волком съели лошадь – одну шкуру оставили – и говорят зайцу: Пойди, косой, налови воробьев! Заяц пошел, наловил воробьев. Лисица выбрала славную оглобелку; приходит к телеге, а уж на ней нет ни медведя, ни волка, ни зайца»* [РНС 1995, с. 16].

В сказке «Три медведя» рассказывается про семью медведей, где показан устойчивый уклад семьи, которая живет в доме, где все вещи на своих местах, где существует строгий порядок. Здесь медведь – хозяин, глава семьи, которого все почитают.

Образу медведя в сказках была присуща также брачная символика. У русских, например, приснившийся девушке медведь сулил ей жениха и замужество (данный сюжет ввел А.С. Пушкин в романе «Евгений Онегин», где Татьяна видит во сне медведя). И в мифопоэтических текстах медведь часто выступает как символ жениха. Медведь символизирует сильного, умного мужчину, который добивается любви избранной девушки [Мадлевская 2007, с. 144].

Однако возникает вопрос: если медведь хозяин леса, у него человеческие свойства и он обладает большой физической силой, почему он во многих сказках бывает обманут? Напомним, что в сказках отражаются не только народная мудрость, но и народные представления и стереотипы. И образ того или иного животного связан с образом конкретного человека по должности, например, медведь – хозяин, царь леса, он аккумулирует мощь, власть, волю и опыт, является символом царственности и начальства (ср.: «Царь этот царствовал, как медведь в лесу дуги гнет: гнет – не парит, переломит – не тужит» [Даль-2, с. 1832]). В.В. Химик полагает, что согласно русским народным представлениям, начальник, по сути – дурак [Химик 2010, с. 46]. А.В. Пузырёв подчеркивает, что «образ *медведя* в русских народных сказках ассоциируется с образом начальника (не случайно – *Михайла Потапыч Топтыгин*). Именно начальников русские люди чаще всего воспринимают как глупую, агрессивную, страшную (и одновременно трусоватую) силу, которую можно и нужно обманывать. Медведь, как свидетельствуют русские народные сказки, – начальник леса» [Пузырёв 2008, с. 34]. Поэтому в русских сказках помещик всегда глупее мужика, а медведь простоват, глуповат, его легко обмануть (сказки «Мужик и медведь», «Машенька и медведь», «Лиса и медведь» и др.). Объяснение подобного выделения медведя из ряда животных содержится в тех же фольклорных жанрах – пословицах и поговорках, отмечающих основной признак медведя – его силу: «*Богатый силен, что медведь*», «*Не дал Бог медведю волчьей смелости, а волку медвежьей силы*».

Крайне интересно наблюдать сочетание силы и трусости, показанное в сказке «Заячья избушка», когда сильный, могучий медведь оказывается самым настоящим трусом, не способным на достойный поступок.

Сказки о медведе описывают жизнь русского народа периода крепостного права. Тогда крестьяне платили оброк и отработывали барщину (работали в доме медведя). Медведь-хозяин решал, когда отпустить Машу (сказка «Маша и медведь») и сколько содрать с мужика «Вершки и корешки»). Становится понятным, почему медведя постоянно пытались обхитрить. В русских сказках помещик всегда глупее мужика, простоват, его легко обмануть.

Итак, образ медведя в русских народных сказках глубоко антропоцентричен. Табуирование названия медведя отражает его важность для социума древнего восточнославянского этноса. Кроме того, его роль и социальное положение в сказке отражают не столько характер животного, сколько социальный статус старшины древней славянской родовой семьи, поэтому в сказках ему отводится роль защитника и помещика. Поскольку в русских сказках помещик простоват, глуповат и его легко обмануть, лексема *медведь* имеет положительную и отрицательную коннотацию и используется для характеристики крупного, сильного, пожилого, доброго и хозяйственного, но и также грузного, глуповатого, неуклюжего человека и даже дурака.

3.1.2. Заяц, волк, лиса

Лиса – лисичка, лиска, рыжая, Патрикеевна, кума – является символом женского начала, нечистой силы, огня, очищения в славянской культуре [Гура 1997, с.199]. У славян было особое отношение к лисе как к тотемному животному, несмотря на то, что лиса в славянском язычестве, в отличие от могущественных тотемов животных, таких как волк и медведь, занимает скромное положение. Однако, она является одним из главных героев русских сказок. Такое отношение к лисе нашло языковое воплощение в рассказе

К.Д. Ушинского «Лиса Патрикеевна», в котором говорится о том, что лисичка хороша собой, что у нее шубка теплая, золотистого цвета, ходит в безрукавке, а на шее носит белый галстук. Удивительно, что в рассказе Лиса получила отчество от имени *Патрикей*, имеющего античные корни: по-гречески *patricos* – «отчий», по латыни *patricius* – «благородный». Правильнее поэтому было бы говорить не Патрикеей, а Патрицей. Но в старину латинское «ц» на Руси произносили как «к». Поэтому и получалось – Патрикеей. Так что давалось лисе знатное происхождение [Даль-3, с. 20].

К специфическим особенностям образа лисы в народных представлениях относятся ее хитрость, коварство и целеустремленность. Лиса побеждает не столько силой, сколько умом и хитростью, может обхитрить даже человека, как, например, в сказке «Лиса и волк» (варианты названия «Лисичка-сестричка и серый волк», «Битый небитого везет»): лиса, притворившись мертвой, обманула мужика, который вез в санях рыбу, и перетаскала у него весь улов [Афанасьев, с. 15-17]. Недаром говорят «хитрый, как лиса».

Лиса в сказках иногда попадает на ее собственную хитрость и обман, как, например, в сказке «Лиса, Медведь и Мужик». Лиса пыталась обхитрить всех, используя свои первичные козыри (обман, коварство, лицемерие, хитрость, очарование и др.), но сама стала жертвой своей хитрости и обмана. Сказка дала развитие пословиц: *Каждая лиса свой хвост береги* (от сказки, где лиса выставила хвост собакам); *Всякая лиса свой хвост хвалит. У лисицы хвост долог, а на свой не сядет. Лиса своего хвоста не замазает* [Даль, с. 254]. В сказке А. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино» лиса наделена всеми лисьими качествами из русского фольклора. Она хитра, коварна, льстива и добивается своего путем обмана и ложной доброты.

В образе лисы в сказках доминирует хитрость, притворство и склонность к обману, уловкам. Лиса для достижения своих корыстных целей пойдет на все, будет притворяться слабой и беспомощной, пускать в ход все свое обаяние и красноречие. Однако в сказках лиса играет роль учителя, так

как показывает истинную реальность жизни, она учит своих «жертв» не доверять никому слепо, не рассуждая, иными словами, она также показывает, что трусость, доверчивость и наивность могут привести к гибели, как в сказке «Заячья избушка»: лиса попросилась к зайцу в дом и его же из дома выгнала. За зайца заступаются другие звери, но прогнать лису смог только Петух. (Ср. *развесить уши как заяц* «вести себя как растяпа; например, дать себя обмануть»).

Поэтому иногда образ лисы в сказках совпадает с символикой женщины, так как женщина в сказке – собирательница и хранительница, представляется во всеоружии своих инстинктивных качеств, таких как выносливость и чуткость, дальновидность и интуиция. Сказка выступает путеводной картой, на которой отмечены все возможные препятствия, она пробуждает инстинкты, которые заставляют замечать опасность и поступать иначе, не становясь добычей злого.

Сказка учит не бояться темноты в сущности, а вовремя ее увидеть, воспринять и прийти на помощь, уничтожить разрушительную энергию. Женщина как зоркое и бдительное существо, сталкиваясь с проблемой, по примеру животных, начинает петлять и путать следы, чтобы, оказавшись позади проблемы, увидеть ее в иной перспективе.

Образ лисы в русских народных сказках намного интереснее образов других животных. Так как она рассудительна и видит мир во всей его сложности, она стремится сразу к нескольким целям, изобретает множество стратегий. Наблюдая за поведением лисы в сказках, человек видит себя. Однако помним, что главная функция сказок – воспитание, каждый образ животного имеет воспитывающее значение, и в сказках о животных абстрактное понятие о чертах характера народа конкретизируется через образы животных. Поэтому лиса часто достигает желаемого и выходит сухой из воды, но иногда тоже бывает наказана из-за хитрости, чтобы показать детям, что, с одной стороны, хитрость в жизни нужна, а, с другой стороны, хитрых надо опасаться.

Волк – несчастный, бесхитростный, постоянно попадающийся на хитрости лисы: *Кто волком родился, тому лисой не бывать; Лиса семерых волков проведет* и др. Поэтому волк вечно голоден (*Волк голодает, лиса – лакомка*), это отражается в устойчивом сравнении *голодный* (проголодаться) *как волк / как волчонок*.

Интересно подчеркнуть, что от слова *волк* происходит прилагательное *волчий* и глагол *волковать* – охотиться за волками. С прилагательным *волчий* образуются устойчивые сочетания: *волчий аппетит* «*Владеет он сотни тысяч денег, пароходы у него и барж, мельница и земля ... Дерет он с живым человеком шкуры ... Аппетит у него – волчий ... Он живые люди до нищенской сумы объедает*» [Горький. Тронул]; *Волчий закон* «*Зэки хотят жить, их ведет по тайге угрюмый волчий закон*» [В.С. Березин], «*Сердце обливается кровью, но сейчас еще не время нагибаться к отстающим во вред себе и своим. Еще действует волчий закон*» [Александр Болдырев]; *Волчьи слезы – лицемерие*; *Волчий билет*: «*По словам правозащитников, человек, который хоть раз попался на «исламской деятельности», получает волчий билет на всю жизнь*» [Сергей Долмов], *несмотря на «волчий билет» племянника, дело быстро устроилось на банкете, данном владельцем особняка для избранного общества*» [А.Г. Колмогоров]; *Волчий садок – Волчий аппетит; Волчье время – «зима»* [Даль-1, с. 205-207].

Н.М. Шанский утверждал, что лексема *волк* имеет этимологическую связь с глаголом *волочить* – тащить. Буквально значит «*таскающий (домашний скот)*» [Шанский 1971, с. 89]. Е.Н. Нагорная подчеркивает, что данная историко-деривационная база так или иначе используется в имени: волк – дикое хищное животное. Его переносное значение еще более. В метафоре появились семы сочувствия к одинокому, полному злоключений образу жизни хищника [Нагорная 2004, с. 183], восхищение его способностью выживать и набираться опыта: «*человек, много испытавший, привыкший к невздам, искушенный в каком-л. деле*» [ССРЛЯ -2, 1991–1993, с. 416-417]. В толковании переносного значения намечены варианты в

виде оттенков, которые можно представить следующими признаками: 1) испытавший невзгоды, 2) привыкший к ним, 3) искушенный в каком-то деле. Каждый из них может быть актуализирован в том или ином тексте. Лексема же в целом таит в себе много потенциальных возможностей для переосмысления, что успешно реализуется в языке [Нагорная 2004, с. 184].

Однако реальный волк обладает совсем не теми качествами, которые ему обычно приписываются. Если обобщить этнографические наблюдения А.А. Меняйлова, то волк:

- никогда на человека не нападает [Меняйлов 2005, с. 63];
- необычайно умен и способен на многоходовые комбинации [Там же, с. 26];
- чрезвычайно коллективное животное в рамках волчьей стаи, включающей сотни и тысячи семей на громадных территориях [Там же, с. 97];

Следовательно, можно сказать, что символическое значение волка в народных сказках о животных изменено до неузнаваемости. В своей статье К.Ю. Гончаров рассматривает возможные варианты внедрения современных образов сказочного волка. А.А. Меняйлов задается вопросом: почему все качества основного персонажа народных сказок о животных – волка – искажены до противоположных? Волк, самый умный и хитрый зверь, предстает глупым. Волк не нападает на скот и тем более на человека без крайней необходимости [Меняйлов 2005, с. 98]; тем не менее пастухи боялись волков и этот страх был перенесен в сказки.

Волк является антиподом лисы в русских сказках, он постоянно попадает на хитрости лисы.

В сказке «Лиса и волк» волк дважды поддается на обман лисы: когда она учит его, как ловить рыбу в проруби на собственный хвост, в результате чего хвост примерз ко льду, и когда избитый бабами, с оторванным хвостом волк вынужден везти на себе попавшую в тесто лису, у которой, якобы, вылезли мозги, волк пожалел и довел ее: «А волк ей навстречу: «Так-то

учишь ты? Меня всего исколотили!» – «Эх, куманек, – говорит лисичка-сестричка, – у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили; я насилу плетусь». – «И то правда, – говорит волк, – где тебе, кумушка, уж идти; садись на меня, я тебя довезу». Лисичка села ему на спину, он ее и понес. Вот лисичка-сестричка сидит, да потихоньку и говорит: «Битый небитого везет, битый небитого везет». – «Что ты, кумушка, говоришь?» – «Я, куманек, говорю: битый битого везет». – «Так, кумушка, так!» [Афанасьев 1984, с. 1-7].

В сказке «Лиса-повитуха» Лиса хитростью получила желаемый мёд, ещё и заставила волка признаться в том, чего он не делал. «Ну, хорошо! – говорит лисица. – Давай ляжем на солнышке, у кого вытопится мед, тот и виноват». Пошли, легли. Лисице не спится, а серый волк храпит во всю пасть. Глядь-поглядь, у кумы-то и показался медок; она ну-кто скорее перемазывать его на волка. «Кум, кум, – толкает волка, – это что? Вот кто съел!» И волк, нечего делать, повинился. [Афанасьев 1984, с. 15-17]. В сказке «Лиса-повитуха» мы видим, как волк и лиса живут семьей, где показан устойчивый уклад семьи, которая живет в доме.

Крайне интересно употребление лексемы *кум* и *кума* в этих сказках как обращение друг к другу. В словаре С.И. Ожегова *кум* – это крестный отец ребенка по отношению к его родителям и крестной матери этого же ребенка (крестника). Соответственно, *кума* – это крестная мать ребенка по отношению к его родителям и крестному отцу крестника, то есть кум с кумой имеют духовную связь, волк и лиса якобы имеют такую духовную связь [Ожегов 2009, с. 1133].

Почему животные всегда поддаются на хитрости лисы? Обращение к истокам показывает, что в древности мужчины жили в многоженстве и женщины также в многомужестве, такая форма брака была и в древнеславянском обществе, так как в дохристианский период существовали две разновидности брака: моногамная и полигамная, поэтому род возникал от матери.

Поскольку лиса является образом женского начала, она имеет власть над остальными тотемными животными, поэтому в русских народных сказках лиса играет роль учителя, как так показывает истинную реальность жизни, она учит своих «жертв» не доверять никому слепо, не рассуждая, иными словами, она также показывает, что трусость, доверчивость и наивность могут привести к гибели. Так, в сказке «Заячья избушка» лиса попросилась к зайцу в дом и его же из дома выгнала. За зайца заступаются другие звери, но прогнать лису смог только Петух. (Ср. *развесить уши как заяц* «вести себя как растяпа; например, дать себя обмануть»).

Лиса также является хранительницей ценностей. К ним относятся благоразумие, самообладание, гостеприимство, справедливость, честность, благодарность, доброта, щедрость. Эти ценности являются основополагающими для русского народа. Любой герой сказки, лишенный одной из этих ценностей, строго наказывается. Например, в сказке «Колобок» главный герой был наказан лисой из-за непослушания и неблагодарности, поскольку именно женщинам дано истинное право карать.

Казалось бы, лиса и волк должны были бы выполнять роль супругов, но этого не происходит. К тому же лиса в русской сказке получила весьма характерный эпитет *лисичка-сестричка*. Объяснение этого эпитета заключается в том, что в древние времена у славян род жил обособленно, а после того, как браки перестали заключать внутри большой семьи, появилось железное правило: не женятся на тех, с кем вместе едят, ведь все молодые люди, сидящие за одни столом, автоматически считались братьями и сестрами. Реальная родственность крови в этом случае играла менее важную роль, да и случалось такое нечасто в силу все той же обособленной жизни.

Различие по отношению к лисе и волку указывает на важность рода для социума всего древнего славянского этноса, лису жалеют и любят, так как она происходит из этого рода, волк – он чужой.

Отношение зайца с лисой – отношение маленького ребенка со злой и недостойной женщиной.

В русских сказках сложился следующий образ зайца: это слабое существо, а слабого человека принято сравнивать с зайцем: *труслив как заяц*.

Но стереотипное представление о данном животном связано также с проявлением любви и нежности, так как заяц не агрессивен, беззащитен и он маленький. В словаре С.И. Ожегова отмечены уменьшительно-ласкательные апеллятивы *зайка, зайнька, зайчик, зайчишка*. Таким образом, заяц в русских сказках – это маленький ребенок, который не может защититься от врагов, поэтому боится каждого шороха. Именно поэтому остальные животные ему постоянно помогают, что отражено в сказке «Лиса, Заяц и Петух». «О чем, зайчик, плачешь?» – «Отстань, петух! Как мне не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала» [Афанасьев 1984, с. 27]. Отношения зайца с лисой – отношения маленького ребенка со злой и недостойной женщиной, у нее просто нет добрых чувств и желаний. И наблюдение за поведением зайца и его образом в народных русских сказках показывает, что заяц не уверен в себе, у него заниженная самооценка, он прячется от приближающейся опасности, он сильно дрожит и трясётся от страха, поэтому он спит с открытыми глазами; спит, как заяц – так говорят о том, у кого чуткий сон [Гура, с. 177-199].

В стихотворении «Дед Мазай и зайцы» Н. Некрасов описывает доброго деда, а зайцы были показаны автором как дети, которые не знали, что сделать, они просто хотят спастись от половодья, а в рассказе Л. Толстого «Русак» мы встречаем доброго и быстрого зайчишку, заяц перескочил через дорогу, подошёл к своей старой норе, выбрал местечко повыше, раскопал снег, лёг задом в новую нору, уложил на спине уши и заснул с открытыми глазами.

Однако заветная мечта зайца – стать храбрым, поэтому он иногда выдает желаемое за действительное (хващается, что никого не боится). См., например, сказки «Зайцы и лягушки», «Заяц-хвоста» и др. Так, в сказке «Зайцы и лягушки» зайцы жалуются на свою жизнь, на то, что им приходится бояться и людей, и собак, и других животных. Чем в страхе жить

и мучиться, они решили утопиться. Но, придя на озеро топиться, они увидели, что лягушки, испугавшись их, прыгнули в воду. Тогда зайцы передумали топиться, потому что поняли, что лягушкам приходится еще хуже, т.к. они боятся даже зайцев [Афанасьев 1984, с. 27]. Этот сюжет лежит в основе пословицы, зафиксированной В.И. Далем: «Заяц от лисицы, а лягушка от зайца бежит».

В сказке «Заяц-хваста» заяц хвастается, что он никого не боится, но потом действительно спас ворону от собак [Афанасьев 1984, с. 27] (сравните существующее в русском языке выражение «как (косой) заяц на пеньке» – ‘расхвастаться’).

В бирманской сказке «Мудрого кролика насморк спас» кролик оказался умнее медведя и Обезьяны, он даже обхитрил самого царя зверей льва, этот мотив нашел воплощение и в индийской сказке «Хитрая лиса», в которой показывает, как заяц не поддался на уловку лисы и спас себе жизнь благодаря своей храбрости.

Герои рассказа Е. Чарушина «Путешественники», зайцы, – смешные и проказливые.

В ходе анализа мы отметили, что стереотипы в сознании каждого народа имеют свою специфику, обусловленную национальными особенностями мышления данного народа. Многие из стереотипов народа находят отражение в сказках, так как культурная информация хранится в народном фольклоре. Поэтому в символе волка, лисы и зайца в сказке отражается менталитет и уклад жизни русского народа, относящийся еще к родовой семье.

Символика животного строится обычно так, что в нём совмещаются черты животного и человека и образ того или иного животного связан с образом конкретного человека по должности, что и даёт основание понимать его переносное значение, поскольку сказка всегда была отражением народной жизни в ее динамике, и, следовательно, животные служат

своеобразным зеркалом народного сознания, национальных традиций, которые могут дать представление о сложной культуре русского народа.

Медведь, волк, лиса и заяц являются тотемными символическими персонажами русских сказок, которые отражают древний родовой уклад семьи, где медведь – старина или дедушка, волк – мужчина, лиса – женщина и заяц – ребёнок. Ещё одно доказательство того, что слова *муж* и *жена* не существовали в то время, мы можем найти в этимологическом словаре М. Фасмера: слово жена обозначается *женщина*, а слово муж – *человек*.

3.2. Птицы

Образ птицы начал играть большую роль в славянской культуре еще задолго до появления письменности, и даже первая система письменности в Месопотамии или в Египте использовала фигуры животных, чтобы создавать символы или буквы (Сова – буква М, Гриф – буква А), позволяющие появление первых текстов или мифов, поэтому они наделены большим символическим значением в культурах многих народов.

Птицы в различных мифопоэтических традициях считаются неизменным элементом религиозно-мифологической системы и ритуалов. Широко известно представление о птицах как о первопредках, тотемах племени. В качестве тотемов выступают голубь, орел, аист, ворон, сова, филин, воробей и т.д. В славянском мифологическом представлении считалось, что благодаря птице появился Мир, именно поэтому птицы часто упоминались в мифах о создании Мира, по этой причине они занимают важное место в славянской мифологии и обладают разнообразными функциями.

Ворон – демонический персонаж русской мифологии. Он считался самой мудрой и вещей птицей. В сказках он добывает мертвую и живую воду, представляет ветер. По христианским традициям, эта птица стала символом дьявольских сил и др.

Образы птиц в сказках – это своего рода зеркало человеческой души и характеристика каждой человеческой души определяется в сравнении с чертой другого человека или животного, поэтому человеческий род самоопределяется по отношению к животному миру. Там, где человек соотносит себя с другими представителями природы, пролегают границы культуры. Птицы олицетворяют свободу, счастье, удачу и влюблённых, а также с образом птиц часто связываются мотивы созерцания, любования, добра, начала, надежды, положительного перехода, возрождения, утра, весны, солнечного восхода, прилежания, домашнего уюта, отцовского наследия, магического мира. Их во многих мифах считают разумными союзниками человека, ведущими происхождение от великой птицы демиурга – носителя божественного послания и творца нижнего мира (земли); это объясняет позднейшее толкование птиц как посланников в сказках тот, кто понимает птичий язык, наделён важными знаниями.

Символическое значение птиц не означено, так как священные и сильные птицы часто противостоят злым силам, указывают дорогу и приметы на погоду, а темные или нечистые несут плохие вести, сопровождают темную силу, несут болезни и даже смерть, таким образом они могут быть не только добрыми вестниками, однако и символизировать явления природы, которые были непонятны нашим предкам, например:

Соловей (разбойник) – вихрь, буря, ураган.

Сокол (ясный сокол) – молния, гроза.

Орел (сильный, быстрый) – ветры.

Ворон – вещий.

Аист – особо почитаемая птица в славянской культуре, наделенная человеческими свойствами, так как согласно легенде, аист имеет человеческое происхождение: «Бог дал человеку мешок с гадами и велел выбросить его в море, в огонь, закопать в яму или оставить на вершине горы. Человек из любопытства развязал мешок, и вся нечисть расплзлась по земле; в наказание Бог превратил человека в аиста, чтобы он очищал землю

от гадов» [Гура 1997, с.646]. Связь аиста с человеком отражена в сказке братьев Гримм «Царь Аист», в которой царь превратился в аиста.

Аист считается священной птицей, символом жизни. Согласно русским народным поверьям, аист приносит детей. Это птица, приносящая счастье. Прилет аистов в гнездо, расположенное вблизи от дома, предвещало скорое рождение в семье ребенка. Если же аисты строили гнездо на крыше, то считалось, что такой дом защищен от пожара и удара молнии. Существует множество примет, связанных с аистом: летящий аист предвещает здоровье, урожай, замужество; неподвижный – боли в ногах, смерть, засуху, безбрачие; пара аистов – замужество или роды. Убийство аиста или разорение его гнезда расценивалось как большой грех.

В русских народных сказках аист всегда является положительным героем. В одной из легенд рассказывается, почему у аистов черные крылья. Однажды в избе, где жила семья с двумя младенцами, произошел пожар. Аисты бросились в избу и вынесли детей из огня. С тех пор у аистов красные ноги, такой же клюв и черные кончики крыльев, обожженные в пожаре.

Символика аиста в западных сказках близка к ее символике в русских сказках. Для примера можно сравнить две басни: русскую «Журавль и Аист» и немецкую «Два компаньона по приключению». В басне «Журавль и Аист» Л.Н. Толстого рассказывается о том, как мужику вместе с журавлями попался аист. Он попросил мужчину отпустить его, ведь он не журавль, а Аист – священное животное. «Ты меня отпусти: я не журавль, а аист; мы самые почетные птицы...», но тот решил его убить. В басне братьев Гримм «Два компаньона по приключению» мужчина тоже хотел убить аиста, однако, когда тот ему сказал, что он священная птица, мужчина отпустил его « – *Garde-t'en bien, dit la cigogne ; je suis un oiseau sacré utile aux hommes, et personne ne me fait jamais de mal. Laisse-moi la vie, je te revaudrai cela peut-être une autre fois. – Eh bien donc, dit le tailleur, sauve-toi, commère aux longs pieds*». Эти басни подчеркивают представление народа о том, что аист является тотемным и священным животным.

Более того, немцы также считали аиста символом счастья. Они верили, что, если девушка весной впервые встретит пару аистов, непременно в этом году станет замужней, если же одного – еще будет ходить в девках. В Древней Греции, пишет Филострат, увидев первого аиста, люди преклоняли колени. Жители Марокко считали, что аисты являются людьми, которые прилетают с далекого острова в виде птиц, а возвращаясь, вновь приобретают человеческий облик.

В баснях С. Михалкова «Аисты и Лягушки» и «Аист и Лис» Лафонтена аист выступает не только как умное и рассудительное существо, но и мудрое, который дает мораль: *Не зря говорят, что аисты глотают лягушек, чтобы понапрасну с ними не спорить.*

Ворон из-за своего черного окраса и зловещего крика – птица недоброго предзнаменования, связан с царством мертвых и со смертью, с кровавой битвой (вороны обычно выклеивают глаза у мертвых, да и вообще могут питаться мертвечиной), выступает вестником зла. Умение подражать человеческой речи, а возможно, и долголетие, способствовали возникновению представлений о вороне как о мудрой вещи птице. Появление ворона на левой стороне дома было дурной приметой. Во время сева его появление предвещало неурожай, встреча двух воронов в воздухе – войну. *Ворон каркает на церкви – к покойнику на селе; каркает на избе – к покойнику во дворе; каркать как ворона «о человеке, предвещающем недобрые новости, неприятности»* [Гура 1997, с. 61-86].

Ворон – демонический персонаж русской мифологии. Он считался самой мудрой и вещей птицей. «Ворон Воронович» – он также символ глупости в русских народных сказках.

Сказка К.Д. Ушинского «Ворона и рак» очень похожа на басню «Лиса и ворона», только здесь птицу обманул рак, которым та хотела полакомиться. Рак нахваливал ворону, пока она не согласилась и не раскрыла рот. Сказка тоже очень коротенькая, и ребенку будет очень интересно ее инсценировать

В белорусской сказке ворон охраняет клады, спрятанные в земле. В

одной сказке говорится, как наследники в поисках денег выкопали могилу скупой помещицы и обнаружили Ворона на груди у покойницы, похороненной вместе с подушкой, куда были спрятаны деньги. Ворон вынимал из подушки деньги и клал ей в рот, однако людям не дал прикоснуться к деньгам. Они верят, что в гнезде Ворона хранятся невидимые богатства: золото, серебро и драгоценные камни.

Образ ворона часто связывается с символикой волка: кто поет в лесу и увидит воронов, наткнется на волка: карканье ворона, пролетающего над стадом, предвещает скорое нападение волка на стадо. Связь ворона с волком отражена в сказке «Братья-вороны», в которой братья превращаются в воронов или в волков.

В образе ворона в поэзии Лермонтова можно выявить традиционные значения, восходящие к мифологическим представлениям об этой птице. Ворон олицетворяет тишину, смерть, тление жизни:

*Видали ль вы, как хищные и злые
К оставленному трупу в тихий дол
Слетаются наследники земные –
Могильный ворон...?*

Однако в поэзии М.Ю. Лермонтова образ ворона также ассоциируется и с темой смерти, и с темой свободы и мечты:

*Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?
(«Желание»)*

Орел – крупная, сильная хищная птица. В русской культуре орел символизирует силу и смелость. Орлом называют гордого, смелого, сильного человека: *орлиный взор* «гордый, смелый». *Орлы бьются, а молодцам перья достаются. Молодец, что орел, а ума, что у тетерева. Видом орел, а умом тетерев* [Ожегов 1999, с. 1684]. Он также считает старшим и главным среди

птиц. В белорусской загадке орел наделен царскими и божественными атрибутами: «Под дубом райским, под крыжом царским два орлы орлуют, одно яйцо балуют» [Гура 1997, с. 245].

Издавна лев и орел были синонимами царской власти, царского величия. Двуглавый орел, символизирующий власть, изображен на государственном гербе России.

В словаре символов подчеркивается, что орел является властелином воздуха и одним из наиболее однозначных и универсальных символов, воплощающих мощь, скорость и другие признаки мира животных во всем своем величии. Он не только спутник всех великих богов, а часто их прямая персонификация. Так, в греческом мифе в орла превратился гнев Зевса и в таком виде терзал печень Прометея.

Из-за того, что орел может смотреть прямо на солнце не мигая, он наделен способностью переносить души на небеса, отсюда произошел и древнеримский обычай выпускать орла во время сжигания тела умершего императора. Иудейские представления, что орел может обжечь свои крылья на солнце, после чего падает в океан, дало мотив появления с новой парой крыльев, стало одним из символических мотивов христианского крещения. В средневековой христианской иконографии орел ассоциируется с вознесением Христа, с молитвами, посылаемыми к небесам, с нисхождением милости Божьей и победой над злом [Тресиддер 1999, с. 125].

Таким образом, орел имеет особое место в разных культурах, у него – некий божественный ореол, он символизирует мужество. Он олицетворяет силу, огонь и бессмертие, почитается владыкой небес. Орел является защитником от сил мрака, болезни и смерти. Еще одно мифологическое свойство Орла – его необыкновенное долголетие. Это отражено во многих пословиц и поговорок о птицах. Славянин часто сравнивал себя с ними. Например, «Эх, крылья бы мне! Птицей взвился бы да полетел».

В русских народных сказках орел изображен как могучий герой, величественный, благородный. Он строгий, но справедливый. Орел наделен

сверхъестественными способностями: борется с темными силами и обязательно побеждает их. Посредством образа орла показана главная мечта человека – летать. Так, в сказке «Деревянный орел» неживого орла одаривали особыми свойствами: *«Утка-то золотая только по воде плавает, а мой деревянный орел в облака подымается. Сел столяр на орла и повернул винтик. Поднял его орел и мигом вылетел по воздуху из царской палаты... И вдруг видит – летит по небу орел деревянный, а на нем царевич, да не один, а с девушкой-красавицей».*

Образ могучего орла нашёл свое воплощение также в ненецкой народной сказке, в которой говорится о том, как могучий орёл вернул ненцам солнце: *«А могучий орел разбил золотые цепи, освободил солнце. Стало солнце посередине неба, всем светит, всех греет».*

Образы животных часто присутствуют в произведениях русских писателей. В сказке К. Ушинского создан образ орла, который хочет подкрепиться котенком. Орел получился здесь злой, беспощадный. В результате орел наказан за пренебрежение к правилам поведения, обусловленным законами природы, а в сказке-были Л.Н. Толстого показан образ орла, для которого самое главное заключается в том, чтобы накормить птенцов, даже если у него на исходе последние силы. В данных авторских сказках образ орла реалистичный. В баснях И.А. Крылова животные выступают как иносказание о жизни общества, как воплощение некоторых человеческих черт. Более того, образы животных в его баснях не только скрывают в себе людей, но также и высмеивают отступление человека от высоких моральных норм.

Образ орла имеет особое место в творчестве М.Ю. Лермонтова. В его произведениях орел символизирует мужество, силу, огонь, бессмертие, защитника от сил мрака, болезни и смерти, почитается владыкой небес:

*В теснине Кавказа я знаю скалу,
Туда долететь лишь степному орлу.
(«Крест на скале»)*

Однако стоит отметить, что орел в лирике поэта воплощает собой не только силы жизни, но иногда смерть и мрак:

*...Как иногда орел летит,
По ветру крылья простирает,
И видя жертвы меж кустов,
Когтьми хватает вдруг, – и вновь
Их с криком кверху поднимает...*

(«Кавказский пленник»)

*... На то ль он жил и меч носил,
Чтоб в час вечерней мглы
Слетались на курган его
Пустынные орлы?*

(«Могила бойца»)

В стихах русских поэтов символика орла частью соотнесена с желанием человека быть свободным и могучим, как орел в небе. В стихотворении М. Горького мечта о счастье и свободе соотносится с образом орла.

*И мне бы хотелось, и мне бы
Туда, в небеса, за орлом!
Хочу! Но бесплодны усилья!
Я - дочь этой грустной земли,
И долго души моей крылья
Влачили в грязи и пыли...*

Люблю ваши дерзкие споры

И яркие ваши мечты

(Стихи Лизы (Орел поднимается в небо)).

И.А. Крылов часто обращается к образу орла, намекая на человеческие пороки, пытаясь обратиться к определённому человеку. Орёл присутствует в следующих баснях: «Орёл и Куры», «Орёл и Пчела», «Орёл и Крот», «Орёл и Паук» и других. Все эти басни несут аллегорическую и сатирическую форму,

в которых орел выступает как иллюстрация человеческих нравов. Кроме того, в баснях И.А. Крылова орел не одарен мифологическими способностями, но в образе орла актуализировано устойчивое значение: пороки или добродетели.

Так, в басне «Орёл и Куры» И.А. Крылов критикует неударённых и глупых людей, любящих унижать достоинства выдающихся и талантливых людей вместо того, чтобы восхищаться ими.

*«Когда таланты судишь ты,
– Считать их слабости трудов не трать напрасно;
Но, чувствуя, что в них и сильно, и прекрасно,
Умей различны их постигнуть высоты».*

А в басне «Орёл и Паук» И.А. Крылов также осуждает безрассудных людей, которые выдают желаемое за действительное и хвастаются, однако они делают карьеру только благодаря связям с влиятельными людьми.

*«Как вам, а мне так кажутся похожи.
На таких нередко Пауков
Те, кои без ума и даже без трудов,
Тащатся вверх, держась за хвост вельможы...»*

Басни «Орёл и Крот» и «Орёл и Пчела» подчёркивают стереотипное представление о том, что царь – дурак, любит хвастаться, показать гордость, высокомерность и думает только о себе. Например, в басне «Орёл и Крот» из-за своего высокого положения орел пренебрегал умными советами крота и попал в беду, а в басне «Орёл и Пчела» говорится о том, что каждый должен внести свой вклад в общее дело. пчела с гордостью говорит о своем труде на общую пользу, в то время как царь орел хвастается.

*«Пчела отвечает: «Тебе хвала и честь!
Да продлит над тобой Зевес свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищю свои работы,*

*Но утешаюсь тем, на наши смотря соты,
Что в них и моего хоть капля мёду есть».*

Таким образом, орел наделен человеческими чертами, он олицетворяет силу, благородство, справедливость, мечту о безбедной жизни, о всемогуществе и образ орла – гордой, свободной птицы – в стихотворениях объясняется ещё и свойствами характера самих поэтов, т.е. орел имеет в литературе дополнительные качества, такие как способность нести зло, высокомерие, пренебрежение к законам природы.

Голубь – символ чистоты, мира (голубка с оливковой ветвью – древний символ мира и обновления жизни). Голубь олицетворяет женственность и материнство. Голубь и голубка символизируют супружескую верность, чистую любовь. И сегодня влюбленных называют *голубкам*: *ворковать как голубки, ворковать как голубь с голубкой, ворковать как два голубка* – о людях, обычно супружеской паре, живущих дружно, во взаимной любви и полном согласии; обычно о влюбленных, разговаривающих тихо, нежно. Белая голубка – символ спасенной души, прошедшей очищение – является антитезой черному ворону.

В христианстве голубь является олицетворением Святого Духа. Во время всемирного потопа именно голубка принесла оливковую ветвь в знак мира между Богом и человеком. «В первый раз голубь вернулся ни с чем, во второй – принёс в клюве свежий масличный лист, свидетельствующий о том, что "вода сошла с земли". На третий раз голубь не вернулся». В момент Крещения Иисуса тоже было явление голубя в виде Святого Духа: «И Святой Дух в телесном виде, словно голубь, сошел на Него». Этот момент ярко отображен на фреске Киево-Печерской Лавры. Голубь появлялся на плече пророка Мухаммеда, олицетворяя сходящее на него Божественное вдохновение.

В контексте голубь несет также семантическое значение молодости и красоты. В словаре символов отмечается, что голубь является птицей не только мира, но и юности, поскольку мир на свете непостоянен и то и дело начинается вновь [Жюльен, с. 98].

В поэме «Мцыри» М.Ю. Лермонтов использует образ голубя, чтобы рисовать черты характера романтического героя Мцыри. Голубь, как и другие птицы, стремится к свободе, вольному полёту; желающий жить, а не существовать, он до последнего надеется на освобождение из монастыря. Эти черты присущи и Мцыри.

Е.Н. Нагорная отмечает, что лексема *голубь* мало востребована в прозе А.П. Чехова, что, видимо, имеет объективные языковые причины. Во-первых, лексема обладает высокой частотностью использования в прямом значении, называющем птицу. Во-вторых, категория рода у существительного *голубь*, несмотря на наличие гендерного соответствия *голубка*, чаще всего проявляет обобщенно-собирательное значение, делающее половую принадлежность птицы неактуальной. В-третьих, возглавляя словообразовательное гнездо, голубь имеет такие словообразовательные дериваты, прямые номинативные значения которых имеют стилистические ограничения, поэтому именно они активнее употребляются в качестве антропонимических метафор [Нагорная 2014, с. 127].

– Да-с! Говорить вам нечего! – кричит кто-то сердито. – Вы посмотрите, а потом и говорите! Нешто это голубь? Это орел, а не голубь! (А.П. Чехов. В Москве на трубной площади).

Около сарая стояли сыновья Жмухина: старший держал ружье, у младшего был в руках серый петушок с ярким красивым гребнем. Младший изо всей силы подбросил петушка, тот взлетел выше дома и перевернулся в воздухе, как голубь; старший выстрелил, и петушок упал, как камень (А.П. Чехов. Печенег).

На кресте голубь, выточенный из льда. Крест и голубь испускают из себя такие лучи, что смотреть больно... (А.П. Чехов. Художество).

Таким образом, голубь наделен большим символическим значением в русском фольклоре.

Сова. Славяне связывали с совой смерть, одиночество (*совушка-вдовушка*), слезы, однако фигурки в виде совы носили как обереги от

несчастных случаев: *Сова не принесет добра. Совушка вдовушка бедокурная. Сова близ дома кричит, к новорожденному. Глядит как сова, выпучив глаза. Сова кума, воробей зятек. Полюбится сова, лучше ясного сокола. Сова (лиса) спит, а кур видит. Сова о сове, а всяк о себе (заботится).* В современной культуре сова более известна как символ мудрости (в древнегреческой мифологии символом Афины была сова; Хрустальная сова – приз победителям в популярной интеллектуальной игре «Что? Где? Когда?»)

Коршун – хищная птица, олицетворение силы, однако с отрицательной коннотацией: *налететь / наброситься как коршун* «угрожать физической или моральной расправой; о человеке, нападающем на слабых и беззащитных».

Кукушка в славянской культуре олицетворяет женское начало. Кукушка – птица, которая не вьёт гнёзда, подбрасывает яйца в чужие гнёзда. Кукушкой называют мать, бросившую своих детей [Даль, URL]. У кукушки нет пары, её образ связан с мотивом одиночества, неустроенности в жизни и вечным скитанием по свету, поскольку она нигде не может найти пристанища (Живёшь кукушкой: ни кола, ни двора, ни мужа, ни семьи). Широко распространено «шуточное» гадание по первому кукованию кукушки об «отмерянном» человеку сроке жизни [Славянская мифология, URL].

Итак, в русской культуре образ птиц связывался со свободой: *вольный / свободный как птица* – о человеке, не связанном обязательствами перед другими людьми. Они обладают положительными и отрицательными качествами и их образы в сказках отличаются какой-то одной, ярко выраженной чертой характера, за которую их любит народ и делает героями сказок. Например, орел – гордость, Аист – добрый и доверчивый, Ворона – сообразительная.

В произведениях русских поэтов и писателей птицы имеют общий поэтический образ, под которым представлялись природные явления и стихии: ветры, воздух, тучи, гром с молнией, огонь, молния, солнечный свет,

небесные грозы и бури. Стихиям этим были приписаны свойства птиц, которые поражали наблюдающий ум человека быстротой своего полета и силой удара, и наоборот.

3.3. Насекомые, земноводные, пресмыкающиеся, рыбы, грызуны

Насекомые из-за своей многочисленности обычно ассоциируются с большим количеством людей: *дохнуть / гибнуть как мухи* «о людях или животных, погибших быстро и в большом количестве»; *налететь как саранча* «обычно о большом скоплении людей, способных быстро, без остатка все съесть», «о людях, прибывших куда-либо, обычно с целью наживы»; *кишет как муравьи* «о большом скоплении людей, занятых общей работой».

Насекомые присутствуют в литературе. Г.Ф Ковалев отмечает, что употребление названий насекомых для придания образности и художественности текстов – характерное явление русской литературы. Так, одно из первых собраний древнерусских афоризмов, нравоучений и коротких рассказов называлось «*Пчела*» (XII-XIII вв.). Правда, эта книга была в основном переводом с греческого, как и ее название (греч. *Melissa*).

Многие русские писатели, описывая природу, чувства человека, активно использовали энтомосемизмы в своих произведениях. Так, И.А. Крылов довольно часто использовал в своем творчестве названия насекомых. Например, известная басня «*Стрекоза и муравей*», прообразом которой стало произведение французского поэта Лафонтена «*Цикада и муравей*», в свою очередь, позаимствовавшего «сюжет» у греческого баснописца Эзопа. У Лафонтена речь идет о двух кумушках – цикаде и муравье, который во французском языке женского рода.

Чтобы точно передать содержание, И.А. Крылову нужно было бы преобразовать муравья в феминный образ, а такого слова не было в русском языке (*муравьица? муравыха?*), пришлось оставить его муравьем, то есть одним из беседующих оказался крепкий мужичок, а не кумушка. Но это еще

не все. Слово *цикада* проникло в русский язык только в XIX веке и не использовалось в народной речи. Поэтому сделать цикаду второй собеседницей народный баснописец не мог.

Поэтому-то и разговор у Крылова происходит не между двумя кумушками, а соседкой и соседом, между беззаботной «попрыгуньей» стрекозой и «скопидомом» муравьем. Понятно, почему у Крылова беседует с муравьем именно стрекоза: он не хотел, чтобы разговаривали двое мужчин – муравей и кузнечик.

В результате в басне появился странный гибрид из двух различных насекомых (в разговорном языке XVIII – начала XIX века слово *стрекоза* выступало обобщенным названием для кузнечика (*Gryllus*) и стрекозы (*Libellula*). Несмотря на то, что в басне героиней является стрекоза, она «прыгает» и «поет» «в мягких муравах», как кузнечик.

Стрекозы – насекомые, которые в траву попадают только в результате случайности, поскольку «это летучие и воздушные, да к тому же совершенно безголосые, немые красавицы. Ясно, что, написав «стрекоза», Крылов думал о дальнем родиче южной цикады, о нашем стрекотуне-кузнечике» (Л. Успенский) [Ковалев 2015, с. 234-237].

Особенно много стихов с наименованиями насекомых встречается у А. Фета: *кузнечики, мошки, пчела, жук, мотылек*. Эти энтомосемизмы вызывают ассоциации, которые передают душевные состояния художника. Например, звук, издаваемый *кузнечиком*, называется *звоном, снотворным, трескучим*:

Так резко сух снотворный и трескучий

Кузнечиков неугомонный звон.

Поэтические звуки, льющиеся вдохновенно и свободно, сравниваются с *мошкой*:

Как мошки зарёю,

Крылатые звуки толются.

Пчела у поэта поет брачный гимн розе:

И тебе, царица Роза,

Брачный гимн поёт пчела.

Вот так трогательно передано любовное чувство, в котором жук нежно зовет свою подругу:

Жук, налетевший на ель,

Хрипло подругу позвал.

Поэтический образ наступающей ночи у поэта передается с помощью *мотылька*:

Тускнеют угли. В полумраке

Прозрачный вьётся огонёк.

Так плещет на багряном маке

Крылом лазурным мотылёк.

Часто у А. Фета насекомые становятся героями целого стихотворения. В философском стихотворении «Мотылёк мальчику» поэт сравнивает жизнь человека с *мотыльком*, называя его *Дитя кудрявое, любимый нежно сын Неувядающего мая*. Не многие люди, – считает поэт, – способны испытывать такую полноту жизни, бурю эмоций, на которые способен недолговечный мотылек.

Дитя кудрявое, любимый нежно сын

Неувядающего мая,

Позволь мне жизнь упиться день один,

На солнце радостном играя.

Постой, оно уйдет, и блеск его лучей

Замрет на западе далеком,

И в час таинственный я упаду в ручей,

И унесет меня потоком.

В стихотворении «Бабочка» поэт приводит монолог *бабочки*:

Ты прав:

Одним воздушным очертаньем

Я так мила.

Весь бархат мой с его живым миганьем –

Лишь два крыла...

И вот – дышу.

Надолго ли, без цели, без усилья,

Дышать хочу.

Вот-вот сейчас, сверкнув, раскину крылья

И улечу.

Легкость парения, кажущаяся беззаботность, полнота жизни воплощена в этом образе.

Образ насекомых очень ярко отражен в сказка К.И. Чуковского «Муха-Цокотуха», где муха и комар являются главными героями.

В сказке «Муха-Цокотуха» Комар наделен храбростью, несмотря на свой маленький размер, комар очень увёртлив, к тому же он снабжён опасным оружием – острым хоботком-жалом. Именно комар спас Муху-Цокотуху от злобного паука, не побоявшись отрубить ему голову своей сабелькой. Ведь надо заметить, что все остальные насекомые, гости мухи, побоялись сразиться с пауком. В этой сказке К.И. Чуковского комар становится положительным героем, справедливо наказывающим своего врага.

Вдруг откуда-то летит

Маленький Комарик,

И в руке его горит

Маленький фонарик.

«Где убийца, где злодей?

Не боюсь его когтей!»

Подлетает к Пауку,

Саблю вынимает

И ему на всём скаку

Голову срубает!

Муха показана как гостеприимная хозяйка, которая всем нравится.

Муха, Муха-Цокотуха,

Позолоченное брюхо!

(Описание внешнего вида мухи.)

Муха по полю пошла,

Муха денежку нашла.

Пошла Муха на базар

И купила самовар:

«Приходите, тараканы,

Я вас чаем угощу!»

В данном художественном тексте отмечены особенности названных насекомых. Например, муха названа К.И. Чуковским *цокотухой* неслучайно. *Цокотуха* – ласк. тараторка, трещотка (БТС под ред. С.А. Кузнецова). Это ссылка на характерные звуки, издаваемые мухой (постоянное жужжание). Переданы и особенности строения тела мухи (*позолоченное брюхо*), указана цветовая характеристика (*позолоченное*). В сказке указан и хищник, охотящийся на муху (паук):

Вдруг какой-то старичок-паучок

Нашу муху в уголок поволок.

В данном тексте спасителем и мужем мухи становится *комар*. С научной точки зрения, *комар* и *муха* относятся к одному отряду класса насекомых.

Как мы видим, в сказке муха является положительной героиней. Это отличает ее от того образа, который сложился в представлении простого русского народа. Надоедливое жужжание и щекочущие прикосновения мух выведут из себя даже очень уравновешенных и спокойных людей. Отсюда и название мухи – «цокотуха», то есть тараторка, болтушка, говорунья, трещотка [Ватутина 2014, с. 221].

В сказке отмечают особенности поведения и других насекомых: пчел (*бабушка-пчела ... меду принесла*); внешние характеристики бабочки

(бабочка-красавица); способы движения насекомых (*Тараканы прибежали; будет, будет мошкара веселиться до утра*). Эти строки рожают у читателя ассоциации со скоплением насекомых, их быстрыми движениями.

Муха, изображенная К. Чуковским, стала своеобразной «музой» поэта С.Я. Маршака. Он даже придумал в шутку целую страну мух. Об этом вспоминал другой известный поэт В.Д. Берестов:

«Юмор Маршака не иссякал даже во время его болезни:

– Ну, что нового в Мухолатке?

Это значит, что он очень болен. Может быть, эта игра – самозащита, чтобы не потерять сознания при высокой температуре. А, скорее всего, он и в бреду продолжает творить [Ковалев 2015, с. 234-237].

В произведении «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебедь» А.С. Пушкин использует образы комара, мухи, шмеля, мошки. Вот как поэт описывает комара, в которого превратился князь:

Тут он в точку уменьшился,

Комаром оборотился,

Полетел и запищал,

Судно на море догнал,

Потихоньку опустился

На корабль и в щель забился.

Комар у поэта также небольшого размера. Передан способ передвижения этого насекомого, характер издаваемого звука (*запищал*), особенности поведения (*в щель забился*), неуязвимость: «Распроклятая ты мошка! Мы тебя!..» А он в окошко [Ковалев 2015, с. 234-237]. Комар карает нечестных людей:

И впился комар как раз тетке прямо в правый глаз

Повариха побледнела, обмерла и окривела.

Следующее превращение князя – муха.

В муху князь оборотился,

*Полетел и опустился
Между моря и небес
На корабль – и в щель залез.*

В стихотворении С. Черного «Мухи» эти насекомые несут сатирический характер. Вынесенная в заглавие форма множественного числа названия насекомого в данном случае заключает качественную оценку описанного в его содержании общества. Метафора строится на основе таких признаков, как множественность и нечистоплотность: муха как «нечистое» насекомое ассоциируется с нечистоплотным в отношениях и вкусах обществом. Сходство подчеркивается через наделение человеческих образов энтомологическими характеристиками (большие глаза как признак мухи, глагол сползлись как специфичный для описания движения насекомого), а также посредством звукописи, имитирующей жужжание насекомых (повторы звуков [з], [ж], [с]): *К глазастой художнице Ванде / Случайно сползлись в воскресенье/ Провизор, курсистка, певица, / Писатель, дантист и певица* [Черный 1996, с. 65].

Муха / мухи в русской культуре является также символом чего-либо небольшого (*делать из мухи слона* «преувеличивать»), незначительного, с чем легко справиться (*прихлопнуть как муху* «легко уничтожить что-либо») и назойливого (*жужжать как назойливая муха* «о человеке, который надоедает разговорами, расспросами, советами»). Символом назойливости является пиявка: *вцепиться / присосаться как пиявка* «о человеке, ведущем паразитический образ жизни, живущем за счет других». Мухи символизировали зло и моровые эпидемии, они также были связаны с демонами, они стали христианским символом морального и физического разложения [Тресиддер 1999, с. 114].

Муравей в русской культуре также издавна является символом трудолюбия (см. выше анализ употребления лексемы *муравей* в басне И.А. Крылова «Стрекоза и муравей»).

Если обратиться к образам земноводных, то нужно отметить, что в русском языке нашло отражение физиологическое свойство лягушки / жабы – хладнокровие: *холодный как лягушка* «о неприятно холодной коже, частях тела», «о бесчувственном человеке».

Змея наделена неоднозначной символикой: она сочетает в себе мужское и женское начало (*Жена да муж – змея да уж*) [Даль-1, с. 709], отрицательное и положительное: она ядовита и целебна. Она обладает магическим взглядом немигающих глаз, который завораживает жертву и вызывает ее оцепенение. Бытует представление о ее необыкновенной живучести: убитая змея якобы может оживать. Это представление восходит к физиологической особенности змеи – она периодически сбрасывает кожу, что сделало змею символом обновления. Готовясь к нападению, змея издает звуки, похожие на шипение (*шипеть как змея*). Под влиянием христианства змее приписывается нечистая, дьявольская природа. Змея коварна, мстительна, неблагодарна и опасна, может нанести неожиданный удар (*пригрел змею на своей груди, змея подколотная*). Иногда змее приписывается мудрость: *хитрый как змея*. [Даль-1, с. 709].

В славянской культуре змея символизирует агрессию, коварство, хитрость, тьму, зло, уничтожение и смерть. Эти культурные коннотации зафиксированы во фразеологии, где актуализируется представление данного народа о змее, сформировавшееся под влиянием христианства: она коварна, мстительна, неблагодарна и опасна, может нанести неожиданный удар (ср. *змея подколотная; лютая, как змея сыпучая; присосаться змеей подколотной; ядовитый как змея* – о злобном, коварном, опасном человеке; *выкормить змею; пригреть змею на груди* – проявлять внимание, заботу, любовь и т.п. к человеку, который впоследствии платит за это неблагодарностью [Даль-1, с. 709].

В сказках и былинах Змея выступает как посредница между миром людей, где действует герой сказки, и миром подземным, часть свойств которого она передает герою в виде чудесного дара.

Итак, в сказке «Волшебное кольцо» герой избавляет от смерти кошку и собаку, купив их у мучителей, а затем спасает змею, которая оказывается дочерью «подземельного царя». В благодарность за это царь дарит герою магическое кольцо, исполняющее желания. «Никому про кольцо не сказывай, не то сам себя в большую беду втянешь!» [Афанасьев 1984, с. 191].

В «Сказке про перстень о двенадцати винтах» прослеживается и связь змеи с огнем. Герой этой сказки также спасает из костра девушку-змею, которая оказывается также дочерью «подземельного царя». В момент встречи с героем змея горит в костре, хотя из повествования следует, что огонь скорее комфортная для нее стихия: «Среди леса поляна, на поляне огонь горит, в огне девица сидит, да такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать...» [Афанасьев 1984, с. 566]. От опасения змеи он тоже получил награду «– Ну, спасибо тебе, Иванушка! Сослужил ты мне великую службу, сослужу я тебе ещё и больше того! Пойдём, – говорит, – к моей матери; будет она тебе давать медные деньги – ты не бери, потому это угольё, а не деньги; будет давать серебряные – также не бери, то будут щепки, а не серебро; будет выносить тебе золото – и того не бери, потому что вместо золота там будет черепьё да кирпич; а проси ты у неё в награду перстень о двенадцати винтах: тяжело ей будет отдать, иначе ты не сумлевайся, потому что она за меня отдаст его» [Афанасьев 1984, с. 566].

В сказке «Царица-змея» змеиный дар играет в судьбе героя ключевую роль: полученный за спасение змеи из огня чудесный бочонок он выменивает на меч-саморуб, с помощью которого совершает героические поступки. «Меч-саморуб! Сослужи-ка службу, поруби войско вражде» [Афанасьев 1984, с. 270].

Итак, образ змеи в сказках сложился из наблюдений над ее связью с землей и, более того, даже происхождение слова *змея* основано на них. М. Фасмер отмечает, что слово «змея» этимологически восходит к слову «земля» – основному месту ее обитания. Змея как мифологический персонаж – не просто живущее в земле существо, но и обитатель и хозяин подземного

мира [Фасмер-2, с.100], то есть образ животного строится на основе его природных черт.

В.В. Красных указывает, что символика змеи используется при характеристике: 1) коварного человека, 2) человека по его отношению к окружающему миру (*не язык, а змеиное жало*); 3) человека по его поведению в определенных ситуациях, соотносимому с поведением змеи (*ну, зашипела, [как] змея*); 4) предмета, чувства, эмоции, уподобляемых змее, или ситуации, которая вызывает ассоциации с одним из проявлений змеи (*«И в сердце ее холодной скользкой змейкой заползла тревога»* [Красных 2005, с.15]).

В представлениях современного русского человека змее присущи разные символические характеристики. Среди них, например, злость, хитрость, таинство, ум, коварство. Например, в Национальном корпусе русского языка были найдены следующие примеры:

И видно стало – проглянуло в глазах, что мстительная немощность его взбесилась: этот человек оглох навсегда для всякого справедливого слова. Если ему некого будет кусать, он, как змея, будет кусать свой хвост... [В.М. Шукшин];

...надо было всё прорубать, чистить, засаживать снова. Здесь пышно распустились чёрные лопухи, тонкий крепкий вереск, ползкий и живучий, как змея; злой татарник с тяжёлыми мохнатыми цветами... [Ю.О. Домбровский];

Нашу семью покинули все. Мы жили за сорок километров от города, и когда Ланэ появился там и пришёл сначала к матери, а потом к отцу, впервые проползло по почти опустевшим комнатам таинственное и скользкое, как змея, слово "предатель" ... [Ю.О. Домбровский];

Я мог составить себе представление о том, что дед был умен и хитер, как змея, – так говорили простодушные выходцы из середины девятнадцатого столетия. Хитрость деда заключалась в том, что после прихода русских на Кавказ он оставил навсегда в покое табуны и зажил

мирной жизнью, которой никак нельзя было ожидать от этого неудержимого человека [Г.А. Газданов];

Я все ради нее делаю, а ей – не нравится. Злая как змея [Юрий Буйда].

Таким образом, символика змеи в сказках отражает ее образ в представлении славян.

Сексуальная символика *рыбы* характерна для многих культур. Из-за обильной икры и воды она является символом плодородия, и это отражено в русской народной сказке «Иван Быкович». В этой сказке царица, страдающая бесплодием, видит во сне золотоперого ерша из пруда неподалеку от дворца. В сновидении она узнает, что если съест эту рыбу, то может забеременеть. Проснувшись, она приказывает поймать ерша и отдает любимой кухарке приготовить рыбу к обеду. Царица съедает ерша, остатки ее обеда доедает кухарка, а потроха рыбы отдают корове. В результате одновременно беременеют и царица, и кухарка, и корова. В одно время они рожают трех богатырей, поэтому рыба ассоциируется с богинями луны и материнства и деторождением. В Китае рыба – эмблема изобилия и удачи [Тресиддер 1999, с. 114].

В русском языке, как и во многих других, отразилось древнее стереотипное представление о том, что рыбы якобы лишены способности говорить (рот открывают, но ничего не слышно): *нем как рыба, молчать как рыба* и др.

В сказках рыба наделена магическими силами, она выполняет любые желания. Сказка «По щучьему велению» рассказывает, как главный герой ловит щуку, хочет отнести ее домой и сварить из нее уху, но щука просит отпустить ее. Емеля жалеет пойманную рыбу и выполняет ее просьбу. Взамен она учит его волшебным словам, произнеся которые Емеля может исполнить любое свое желание.

«Отпусти меня, добрый человек, на волю; я тебя счастливым сделаю: чего душа твоя пожелает, всё у тебя будет! Только скажи: по щучьему веленью, по божьему благословенью явись то-то и то-то – сейчас явится!»

Убогий бросил щуку в колодец, пришёл в избу, сел за стол и говорит:

— По щучьему веленью, по божьему благословенью будь стол накрыт и обед готов!

Вдруг откуда что взялось – появились на столе всякие кушанья и напитки; хоть царя угощай, так не стыдно будет! Убогий перекрестился: «Слава тебе господи! Есть чем разговеться». Пошёл в церковь, отстоял заутреню и обедню, воротился и стал разваливаться; закусил-выпил, вышел за ворота и сел на лавочку» [Афанасьев 1984, с. 167].

Сюжет сказки «Золотой башмачок» практически полностью повторяет известную сказку «Золушка», только в роли хорошей феи выступает рыбка.

В сказке рыба помогает девушке. Отправляя ее в церковь, она сама берется сделать всю тяжелую работу с помощью волшебства. В церкви девушку замечает царевич. Он хитростью крадет у нее башмачок. После он находит полюбившуюся ему девушку, примерив на нее башмачок, и женится на ней.

«Она пошла за водой, сидит у колодца и плачет; рыбка выплыла наверх и спрашивает ее:

– Об чем ты, красная девица, плачешь?

– Как же не плакать мне? – отвечает ей красная девица. – ее Мать нарядила сестру мою в самое лучшее лопотье, ушла с ней к обедне, а меня оставила дома и велела вычистить две меры ржи до прихода своего из церкви!

Рыбка говорит:

– Не плачь, ступай наряжайся да поезжай в церковь; будет рожь вычищена!

Она нарядилась, приехала к обедне. Мать не могла ее опознать.

Обедня зачала отходить, девушка уезжает домой; матери тоже приходит домой и спрашивает:

– Что ты, дура, вычистила ли рожь?

– Вычистила, – отвечает она» [Афанасьев 1984, с. 292]

Однако в некоторых сказках рыба имеет отрицательную символику, как например, в сказке «Байка о щуке зубастой» и «Сказка о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове». Рыбы выступают зеркалом человеческих хитрости, жестокости, жадности и глупости. Но в конце сказки отрицательные персонажи, даже если они главные герои, всегда наказаны за свои пороки.

Таким образом, рыба в сказках выступает как помощника и взамен за доброту сказочная рыба может оказать услугу. Этот мотив рыбы нашел воплощение в сказке А.С. Пушкина «Золотая рыба»

Стихия рыбы – вода, поэтому *чувствовать себя как рыба в воде* «чувствовать себя свободно, непринужденно где-либо», *плавать как рыба* «очень хорошо плавать», тогда как на суше рыба жить не может: *как рыба, выброшенная на берег* «о человеке в состоянии болевого или эмоционального шока».

Мышь в русской культуре – символ робости и незаметности: *серая мышка* «о незаметном человеке», *притихнуть как мышка* «о робком человеке или человеке, который старается не привлекать к себе внимания», *тихий как мышка* «о робком человеке», *шнырять как мышь* «двигаться быстро, бесшумно».

ГЛАВА 4. АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАИМЕНОВАНИЙ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ И ПТИЦ В ДУХОВНОМ КРУГОЗОРЕ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

4.1. Собака и кошка

Кошка и собака – самые приближенные к человеку животные. С давних времен кошка и собака живут бок о бок с человеком: кошка – в доме, собака – во дворе, охраняя дом. Даже у самого бедного крестьянина были кошка и собака: *Богат Мирошка – а животов собака да кошка*. Поэтому эти животные наделены в русской культуре большим символическим значением, стали культурными символами.

С образом кошки и собаки связано много разных поверий. Например, по поведению этих животных, которые всегда на глазах, предсказывали погоду: *Кошка клубком – на мороз; Кошка крепко спит – к теплу, кошка в печурку – стужа на двор; Кошка скребет пол – на ветер, на метель; Кошка лежит брюхом вверх – к теплу; Кошка моется, лижет лапу – к ведру, кошка лижет хвост, прячет голову – к ненастью; Собака валяется – к ненастью; Собака траву ест – к дождю; Собака катается – к дождю и к снегу и др.* [Даль, URL]. А также: *Кошка моется – гостей замывает, зазывает; Не успела кошка умыться, а гости наехали.*

Кошка считается изнеженным животным: спит в избе на печи, где спали только старики и дети; любит молоко, сметану, сливки (*Стар кот, а масло любит; Есть и сало, да не про кота; Не все коту масленица, будет и великий пост; Лакома кошка до рыбки, да в воду лезть не хочется*); умела ластиться к хозяевам, но в то же время была «себе на уме» (*Напала на кошку спесь, не хочет с печи слезть; Загордился кот, и с печи нейдет*). Кошка капризна, могла и когти выпустить (*Ложка не кошка, рта не оцарапнет*). Тем не менее, по народным поверьям, *кота убить – семь лет ни в чем удачи не видать*.

Обязанность у кошки / кота одна – мышей ловить. Отсюда выражение *он и мышей не ловит* об очень обленившемся человеке.

Кошка, особенно черная, по преданиям, была связана с нечистой силой, отсюда поверье: *черная кошка перейдет дорогу – к несчастью*. Однако это поверье нашло языковое воплощение в русских народных сказках, так как в сборнике А.Н. Афанасьева нет ни одной кошки черного цвета. Таким образом, связи кошки с нечистой силой не было в древности славянского социума. Однако в сборнике сказок братьев Гримм мы встречаем связь с кошки с нечистой силой: «...две большие черные кошки быстрым прыжком подскочили к нему, сели по обеим его сторонам и уставились дико на него своими огненными глазами» [Гримм, 1998, с. 9]. Это говорит о том, что представление о Кошке как о не чистым животным пришло из запада.

Человека скрытного и лживого в народе стали называть кошкой [Даль, URL]. Обратив внимание на то, что кошка очень живуча и всегда падает на лапы (*Кошку девятая смерть донимает, она живуча*), человек перенес это качество на себя. Образ кошки может характеризовать человека «отличающего живучестью, умеющего приспособливаться к новым условиям, справляться с любыми ситуациями» [Красных 2004, с. 96]: *Он, как кошка, все на ноги падает; живуч, как кошка*.

Как замечает Л.Б. Кот, в наиболее популярных сравнениях кот является олицетворением похотливости, легкомыслия, весёлого нрава, нерешительности, осторожности: *как блудливый кот; как мартовский кот; урчать (мурлыкать), как кот; ступать, как кот*. Кошка обладает самыми разнообразными свойствами: живучестью, выносливостью, зоркостью, ловкостью, ласковостью, нежностью, привязанностью, подхалимством, похотливостью, коварством, ленью, осторожностью и т.д.: *видеть (в темноте) как кошка; играть с кем-либо как кошка с мышкой (мышью); ловкий как кошка; льстивый как кошка; носиться с кем-либо как кошка с котятами; красться/подкрасться (подкрадываться) к кому-, чему-либо как кошка/кошкой* [Кот, URL].

Кот является одним из самых популярных домашних животных в русских народных сказках. В сказке «Кот, петух и лиса» описывается кот, обладающий смелостью, находчивостью и силой: «Кот в поле услышал, пустился догоню, петуха отбил и домой принес» [Афанасьев 1984, с. 9]. Мотив сильного и мудрого кота мы также встречаем в сказке «Баран, козёл да кот Васька»: «А мурлышко такую речь повел:

«Ахти, белый волк, над волками князь!

Не серди нашего старшего; он, помилуй бог, сердит!

Как расходится, никому несдобровать. Аль не видите...»

«Кот вскарабкался на самую макушку ели...

Видит кот серый лоб, что дело плохо, стал кидать в волков еловые шишки да приговаривать: «Раз волк! Два волк! Три волк!

Всего-то по волку на брата. Я, мурлышко, давеча двух волков съел, и с косточками, так еще сытехонек; а ты, большой братим, за медведями ходил, да не изловил, бери себе и мою долю!» [Афанасьев 1984, с. 57].

В русской народной сказке «Кот и лиса» говорится об истории одного брошенного хозяином кота в лесу, он не пропал, а выжил и даже заставляет бояться и уважать себя всех жителей леса:

«Волк перепугался, вскочил и давай утекать.

А кот сам испугался и полез на дерево, где сидел медведь.

«Ну, – думает медведь, – увидел он меня!»

Слезать-то было некогда, вот медведь как шмякнется с дерева обземь, все печенки отбил, вскочил – да наутек.

А лисица вслед кричит:

– Бегите, бегите, как бы он вас не задрал!..

С той поры все звери стали кота бояться. А кот с лисой запаслись на всю зиму мясом и стали жить да поживать. И теперь живут».

Наиболее актуальными признаками для названия кота в русских сказках стали издаваемые им звуки – мурчание:

«Тут мурлыко вину свою приносил и прощенья просил», «...мурлышко уже добыл бересты, обернул козлу рога и велел ему с баранком стукнуться лбами» [Афанасьев 1984, с. 57].

И его наименования, которые входят качественные прилагательные, характеризующие кота по цвету шерсти:

«Кот-коток, серенький лобок! О чем ты, ходя, плачешь, на трех ногах скачешь?», «Заревели козел и баран: «Ах ты серый кот, бестолковый лоб!», «...а за ними скачет на трех ногах кот серый лоб» [Афанасьев 1984, с. 57].

«Кошка, которая гуляла сама по себе» является одним из самых популярных произведений Р. Киплинга. Автор говорит о приручении первобытными людьми полезных для них животных. Лишь одно из них остается свободным и при этом находит способ проникнуть в пещеру – кот. Он заставляет хозяйку пещеры трижды похвалить его, за что ему всегда обеспечены молоко, право греться около костра, сколько хочется.

Итак, в русских народных сказках кот наделен смелостью и бравастью.

Собака жила во дворе и выполняла в хозяйстве много функций: охраняла дом, помогала хозяину на охоте и т.д.: *При верном псе сторож спит; Его теперь собаками не найдешь*. Поэтому жизнь у собаки тяжелая (*собачья жизнь*). По мнению И.В. Захаренко, к образу собаки часто апеллируют при характеристике «человека, не сидящего на месте, постоянно занятого, загруженными делами» [Захаренко 2004, с. 154].

Собака всегда противопоставлялась кошке, у которой, как считалось, легкая, беззаботная жизнь: *Кошка да баба в избе, мужик да собака на дворе;*

Позавидовала кошка собачью житью! Собака обжора, а кошка сластёна.

Широко распространенное представление о взаимной вражде кошек и собак, о том, что они не могут жить мирно, отражено в пословицах и фразеологизмах: *Лады, что у кошки с собакой; жить как кошка с собакой* (англ. *fight like cats and dogs* фр. *Ils s'accordent comme chiens et chats*, нем. *wie Hund und Katze leben*). Стереотипное представление о постоянной вражде

этих животных переносится на отношения между людьми. Вражда кошки и собаки находит символическое воплощение в любовной магии: чтобы разлучить супружескую пару, в брачную постель молодым подкладывали кошачью шерсть, спутанную с собачьей. Однако отношение к кошке неоднозначно: *кого кошки любят, тот счастлив; кто кошек любит, будет жене любить*» [Кот, URL].

Действительность же часто противоречит этому выражению: если котенок и щенок с раннего возраста растут вместе, то они прекрасно уживаются вместе. В русском фольклоре есть сказки, в которых кошка и собака живут мирно (например, «Волшебное кольцо»). По мнению зоологов, наблюдаемая непереносимость между собакой и кошкой основана не на вражде, а на взаимном непонимании языка жестов. Жест, который у одного животного обозначает дружеское сближение, другим трактуется как враждебное отношение.

В сказке В.Г. Сутеева «Кто сказал мяу», услышав непривычный звук – мяу – Собака отправилась на поиски его владельца. Она была любознательна и добра к другим животными, однако, увидев кота, собака бросилась на него, они не понимали друг друга. Этот факт подтверждает мнение зоологов.

В.В. Першаева на основе приема экспериментального определения психологически реального значения перечисляет следующие характеристики собаки: умное, верное, преданное животное, с острым нюхом и тонким слухом, лает, быстрая, выносливая, используется на охоте [Першаева, с.53-55].

«В концептосфере носителей русского языка, прежде всего, фиксируется представление о собаке как о чрезвычайно преданном и верном, неизменном друге человека. Символические смыслы преданности отражаются в языковой памяти культуры только в выражениях и сочетаниях, где ключевое слово *собака* употребляется в номинативном смысле. Сюда можно отнести истинное суждение *Собака человеку неизменный друг*.

Человек приручил и полюбил собаку за ее исключительные качества, такие как преданность, выносливость, неприхотливость, отличный слух и острое обоняние. Эти животные могут приспосабливаться к любым условиям обитания и источникам питания (всеядное животное). Но каким бы преданным существом она ни была, символическое восприятие собаки в качестве эталона верности и преданности не находит места в языковой традиции русскоговорящих» [Маругина, с. 19-20].

Во фразеологии и поговорках это животное имеет отрицательную коннотацию: *Жил собакой, окошел псом* и др. Лексема собака используется для характеристики человеческих качеств и моделей поведения: *Собаке собачья смерть* (о плохом человеке); *голоден как собака, устал как собака злой как собака, надоел как собака, гуляет как собака, ругается как собака* и др. Сытый и довольный жизнью человек сравнивается с собакой, которая, насытившись, даже перестает подавать голос: *Брось псу кусок, так и не лает*.

«Признак, формирующий зооморфную метафору, не только не является существенным для исходного понятия, но нередко вообще не входит в его смысловую характеристику. Больше того, в отдельных случаях он даже противоречит тем массовым ассоциациям, которые вызывает то или иное слово. Например, собака издавна воспринимается как символ преданности, бескорыстной дружбы и верности, однако эти общеизвестные качества не нашли языкового воплощения – ни один говорящий на русском языке не назовет верного, преданного человека собакой, как называют хитрого лисой, упрямого ослом, коварного змеей и т.п.» [Скляревская 1993, с. 60].

По мнению Е.О. Опариной, «источником отрицательной оценки служит сама оппозиция «человек – зверь», восходящая к библейским мотивам, «где человек создан по образу и подобию Божию, а Зверь – одно из имен дьявола» [Опарина 1995, с. 143].

В категориях русской культуры негативная оценочность свойственна большинству фразеологических единиц с ключевым словом *собака*.

Образ собаки служит для характеристики широкого спектра присущих человеку негативных черт.

1) Собака – *символ свирепости, злости, агрессии.*

Стереотипное представление о данном животном связано с проявлением свирепости, злости, агрессии. Собака охраняет хозяйство, поэтому лает на чужих, может укусить и воспринимается как злая. Как следствие, переносное значение – «о злом, жестоком человеке». Образ сварливого, вечно недовольного, злобно настроенного человека отражен в пословице *Свекровь на печи, что собака на цепи.*

2) Собака – *символ послушания, покорности.*

Агрессивность собаки часто наказывалась: *Была бы собака, а камень найдется; Коли быть собаке битой, то найдется и палка.* Битая собака становилась послушной и покорной: как *побитая собака.*

3) Собака – *символ жадности, скупости, прожорливости.*

Физиологические особенности собаки отражены в пословицах: *На собаку мяса не напасешься; Сколько собаке не хватать, а сытой не бывать.* Эти качества переносятся на человека: *голодный как собака.*

4) Собака – *символ большого количества чего-либо.*

Собака была в каждом дворе, поэтому собак в деревне всегда было много: *как собак нерезаных* (просторечен. «очень много»). С этой же символикой связаны и выражения: *каждая / всякая собака знает* «все, каждый», *ни одна собака* «никто».

5) Собака – *символ пустословия.*

«Очень часто собака лает без причины, дабы «сотрясать воздух», облаивая всех прохожих подряд. Именно эти факты служат мотивировочной базой метафорического переосмысления лая собаки. В русской языковой картине мира собачий лай может ассоциироваться с клеветой, напраслиной, пустословием, ложью и сплетнями, что получило отражение в ряде пословиц. В следующих пословицах актуализируются признаки беспорядочного речевого поведения, сопряженного с пустословием, сплетнями: *Собака лает,*

от собаки слышит; Собака лает, ветер носит; Добрый пес на ветер не лает; Вольно собаке и на небо лаять» [Маругина 2009, с. 27]

6) Собака – символ верности.

Собака может испытывать чувство тоски по своему хозяину, по месту, где живет: *Своя сторонюшка и собаке мила; И собака свою сторону знает; На чужбине и собака тоскует.*

Собак на Руси в пищу не употребляли. Выражение *собаку съел* «о знающем, ловком, искусном в каком-либо деле человеке, знатоке своего дела» произошло в результате сокращения ироничного выражения: *Собаку съел, а хвостом подавился.*

Отсюда же просторечный глагол *насобачиться* «наловчиться, научиться ловко что-либо делать».

7) Собака – сторож.

Так, в соотношении с установками русской культуры, стереотипами и символами, человек, который не пользуется каким-либо предметом и другим не дает возможности пользоваться им, мыслится в образе собаки [Маругина 2014, с. 21]. Эталонным образом собаки, которая всегда была сторожем, является идиома *как собака на сене.*

«Прилагательное *собачий* десемантизируется, «утрачивает конкретное значение, при этом на первый план выдвигается сема усилительности или пейоративной оценки:

- 1) подлый, презренный, низкий (собачья измена, собачья должность);
- 2) очень трудный, тяжелый, невыносимый (собачья жизнь, собачьи условия);
- 3) очень сильный, крайний в своем проявлении (собачий холод, собачья усталость);
- 4) употр. в бранные выражения (к чертям собачьим, какое твое собачье дело?)» [Скляревская 1993, с. 61].

Проявленное в наивысшей степени свойство (способность чувствовать что-либо) употребляется в просторечии *собачий нюх* в значении «у кого-то обостренное чутье на что-либо».

«За обращением, выраженным данной метафорой, закрепился бранный характер. Стойкость отрицательной коннотации зооморфизма *собака*, возможно, связана с мифологией [Успенский, 1994, с. 65-128]. Псы ассоциировались с язычниками, иноверцами: *Собака-татарин; У татарина, что у собаки, – души нет, один пар; в скоте да в собаке души нет, один только пар*. В христианстве *собака (пес)* считалась нечистым животным, оскверняющим святыню (присутствие пса в церкви было невозможно). Такое отношение к животному проявилось в ритуальных выражениях (заклятиях, проклятиях). В границах фразеологизма *пес его знает* имя животного синонимично слову *черт*» [Нагорная 2014, с. 168-169].

Однако в некоторых случаях лексема *собака* может служить для выражения одобрения, восхищения (просторечен.): «*Как он, собака, все это ловко! – думал он, следя за движениями пальцев фармацевта, делившего какой-то порошок на доли. – И на все ведь это нужна наука!*» (А.П. Чехов. Индейский петух (Маленькое недоразумение)).

Вообще интересно употребление лексемы *собака* в качестве вокатива в частных письмах А.П. Чехова. Этим занималась Е.Н. Нагорная, которая отмечает «существенное изменение семантики анималистического вокатива, имеющего отрицательную коннотацию в системе языка, в семантической системе прозы А.П. Чехова. Писатель реабилитировал производящее значение имени *собака*, используя позитивные свойства денотата при переносе их на лицо, освободив обращение от привычной для него бранной экспрессии. Имя животного получает новую жизнь в позитивных метафорических значениях, которые обнаруживают письма писателя к жене, где зооним *собака* является одним из частотных обращений к ней» [Нагорная 2014, с. 170-171].

Милая собака, я жив и, насколько мне возможно в положении человека выздоравливающего, здравствую. Крепко тебя целую, крепко обнимаю. До свиданья, собака! (А.П. Чехов О.Л. Книппер-Чеховой, 15 декабря, 1901). Вокатив *собака* в письмах к жене «получает метафорическое переосмысление, базирующееся на самых лучших свойствах денотата, ставших основой переноса и включенных в обращение. Имя *собака*, символизирующее бесконечную преданность, доброту, неумение обижаться, счастье быть всегда рядом с хозяином и т.п., воплощало для писателя все то, о чем мечтал он в отношениях с самым близким для себя человеком. Эти замечательные свойства автор писем видел и (или) хотел видеть в жене» [Нагорная 2014, с. 170-171].

Как считает исследователь, «претензии, предъявляемые жене, всегда замаскированы шуткой, иронией, веселым тоном, что, возможно, имплицитно не столько глубину неудовлетворенности писателя характером своего брака, сколько понимание того, что иная форма супружеских взаимоотношений и вовсе невозможна для него» [Там же, с. 173].

Автор подчеркивает, что «положительная коннотация зоометафоры *собака* связана у А.П. Чехова только с образом жены. В переписке с другими лицами зоометафора употребляется в обычном для нее бранном значении. В рассказах А.П. Чехова это словарное значение широко представлено в качестве просторечного бранного обращения, выражающего крайне негативное отношение к собеседнику» [Там же, с. 176].

С точки зрения ислама, собака является символом грязи и нечистоты. Поэтому мусульманам не рекомендуется иметь собак. Например, мусульманину запрещено касаться собаки после выполнения омовения для молитвы. На овечьей шкуре Кораном молиться разрешено, а на шкуре собаки строго запрещено.

Таким образом, в символике собаки и кошки в русской культуре обязательно прослеживаются национальные специфические черты.

4.2. Корова / Бык

Корова для многих народов является олицетворением плодородия, процветания, благосостояния и терпения [Бойко2008, с. 96]. «В древности славяне не забивали коров на мясо. Коров не режут, а продают даже в случае болезни или старости. И фактическая, и условная продажа заболевшей коровы воспринимается как магическое средство, способствующее ее выздоровлению. У западных и южных славян в случае срочного (из-за болезни) забоя коровы, ее мясо хозяева не потребляли, а продавали его соседям или всем жителям села. Корова играет важную роль в погребальном обряде у восточных и западных славян. У восточных славян существовал обычай дарить корову священнику или бедняку сразу после похорон. На Украине и у западных славян верят, что крупный рогатый скот оплакивает смерть хозяина. В некоторых местах домашние животные сопровождают гроб с телом хозяина до церкви. По поведению коровы можно предсказать смерть в доме. Есть свидетельства того, что на Руси коров часто хоронили как людей» [СМЭС2002, с. 248]. Таким образом, уже в древности корова была почитаемым и священным животным.

В мордовских народных сказках корова неизменно выступает как тотемное животное, связанное с миром предков и оказывающее помощь нуждающимся в ней. Это отражено, например, в сказке «Черная корова», известной у мокшан и эрзян. Главные герои – мальчик и девочка – сироты, страдающие от жестокого обращения мачехи. Однако у них есть спаситель – корова, к которой они часто наведываются в хлев. Беды детей наступают именно потому, что они пренебрегают ее заветом, сорвав в черном лесу костяную пуговицу. Нарушение материнского запрета (корова выступает в этой сказке своеобразным проводником между миром предков, а, следовательно, умершей матери, и детьми-сиротами, нуждающимися в опеке и защите) становится причиной их дальнейших испытаний и разлада между собой, за которым последовал разрыв отношений [Тростина 2018, с. 64].

Н.Г. Складаревская дает психологически реальное значение слова *корова* в русской культуре, в которое входят семы «ласковая», «добрая», «смирная», «умная» [Складаревская, с. 62]. Однако в русской фразеологии корова иногда имеет и отрицательную коннотацию. Неторопливость коровы дала основу для развития символического значения коровы как символа неуклюжести, неловкости, неповоротливости: (этакая) корова «неуклюжая, толстая женщина»; как корова (неуклюжая); как корова на льду «о человеке, неуверенно идущем по скользкой поверхности», «о женщине на высоких каблуках» [Тростина 2018, с. 138]; *Она и красавица, и умница, и стройная, и сексуальная, а ты корова, бомбовоз в юбке!* (Татьяна Устинова); *Сдери ты с меня эту шкуру. Да не стой ты, корова лопаухая! Филька корявыми, замерзшими руками выцарапывался из тужурки* (Б.С. Житков. Виктор Вавич); *А, а! Буренка! она один раз пьяному казаку весь хохол на кичке съела, а животное добрая... питает* (Н.С. Лесков). В словаре С.И. Ожегова отмечено также выражения *корова на заборе* (о неуклюжем всаднике) [Ожегов 1993, с. 1070].

Каждое домашнее животное имело в хозяйстве свое предназначение. Это прослеживается во фразеологизмах *идет как (к) корове седло* «ничуть, нисколько, совершенно не идёт»; *как на корове седло сидит что-н. на ком-н.* (о нескладно сидящей одежде); пословице *Нищему гордость, что коровье седло*. Седло предназначено для верховой езды и надевается на лошадь. Корову же для верховой езды не используют и поэтому седло на неё не надевают. Ср. также выражение, зафиксированное у Даля: *Обул корову в лапти* «о том, что совершенно не подходит» [Тростина 2018, с. 169].

В произведениях русских писателей корова наделена человеческими чертами. Корова – это мать, которая переживает за своего ребенка и защищает его. В рассказе К.Д. Ушинского «Бодливая корова» корова героически защищает своего теленка и маленькую девочку от волка.

В произведениях С.А. Есенина и А.П. Платонова с общим названием «Корова» описывается мрачная трагедия матери. В этих рассказах авторы

подчеркивают, что у каждого есть последняя надежда и надежда является источником жизни, но у коровы отняли теленка, который является ее единственным счастьем и надеждой. Если в рассказе А. Платонова «Корова» телёнок сначала заболевает, и хозяин везёт его к ветеринару, а потом сдаёт на мясо, то в рассказе С. Есенина «Корова» героине не дали побыть с сыном, сразу после рождения теленка, его убили: «Не дали матери сына, первая радость не прок», поэтому коровы тоже умерли после смерти их телят: «Корова, не умея пережить своего горя, не ест, «забывает ходить» по пашне и погибает под колёсами поезда, как будто совершает самоубийство». Авторы обращают внимание на то, что корова является жертвенным животным, которому предстоит отдать всё ради жизни людей, однако она ничего не получает от них взамен, даже благодарности, и корова погибает по их вине. Смерть коровы наступает всегда по вине человека, и это отражено в рассказе Л.Н. Толстого «Корова»: «Когда убили Бурёнушку, сняли шкуру и разрезали на части, у неё в горле нашли стекло. И узнали, что она издохла от того, что ей попало стекло в помоях. Когда Миша узнал это, он стал горько плакать и признался матери о стакане. Мать ничего не сказала, и сама заплакала».

Подчеркиваем, что для современного русского человека корова символизирует также силу и здоровье: Корова в русском сельском менталитете еще и символ женского начала и женской силы: *Не может быть ни такого потопы, ни такого пожара <...> а где буренка, там уже и мужик притулится* (Сергей Залыгин); *Екатерина вообще никогда не болеет, корова железная* (Андрей Геласимов) (примеры были взяты из национального корпуса русского языка).

Таким образом, корова уже в древности была почитаемым и священным животным, и она считалась защитником от всякого зла, от нечистой силы, прежде всего ведьм.

Если корова – это в первую очередь дойное животное, то бык использовался главным образом для пахотных работ. Отсюда и разделение их мифологических образов. Бык связывался с тяжелыми пахотными

работами, поэтому в русской фразеологии является эталоном силы и, как следствие, здоровья: *как бык* «о мужчине, обладающем большой физической силой», *здоров как бык* «о мужчине».

В сказке Добрыня ограждает русские земли от кочевников, пропахав глубокую борозду на огнедышащем Змее, закрепив таким образом священные границы. Эта символика мотивирована отношением к быку в традиционной славянской культуре, где бык является олицетворением грубой и упрямой природной силы [Корова и бык в славянской мифологии, URL]. В народном сознании сила и здоровье взаимосвязаны. Эти символы быка нашли языковое воплощение и в современности, так как в национальном корпусе русского языка были найдены такие примеры: *И ничего у меня не болит. И вообще я здоров как бык. Весело гуляю среди каменных домов, а про себя всегда думаю: "Лес, лес! Возьми мою глоть!"* [Юрий Коваль]; *Кто его знает. Он же как бык. Здоровый, и весь лоснится. Негры, вообще, конкретные пацаны.* [Андрей Геласимов]; *уже не сдерживаясь, воскликнул Олег Николаевич. — Здоровый, как бык! Кулаки — по пуду каждый, бицепсы — с полметра. Дзюдо занимается...* [Карен Шахназаров];

Та была еще Эфа! Но я терпеливо сносил всю ее змеиную сущность и вел себя как молодой и самонадеянный бык. Я думал, что вытащу все, любой и немислимый груз, и ведь вытаскивал, любой и немислимый! Мне было все нипочем... [Александр Крамер]; *Как здоровье Бандита? — Кот здоров, как бык, — стала докладывать Лариска.* [Татьяна Сахарова]; *Добавьте сюда также мнения жен, любовниц и случайных знакомых, которые тоже ах как любят киношную романтику и крутость, и которых ух как раздражает вечно топчущийся за дверью «посторонний» — и вот, весь букет в сборе. Телохранитель должен быть резов, как лань, и силен, как бык. Отважен, как тигр, и чуток к желаниям хозяина, как он сам.* [Сергей Козлов]; *Он по-прежнему стоял на берегу в туфлях. Отец двух взрослых дочерей был силен еще как бык и опытен...* [Эдуард Лимонов]; *Просто: послали и толкнули.*

Один мощный мужик-бык... – Ленька, что ли? – спросила Лина и тут же пожалела об этом, потому что Федор сразу замкнулся [Нина Горланова]; А он вовсе не был ни трусом, ни предателем. Просто не захотел обреченно, как бык на войне, ждать смерти. Пашка из породы рабов. Ему приказали, и все – собственная воля и мозг отключены [Юрий Нагибин]; а ведь схожую историю описал в одном из своих рассказов известный советский писатель Фазиль Искандер. Его «герой» – мощный бык также сбежал из скотобойни и бросился в море. Тогда многие подумали, что это писательское воображение. А на самом деле, как же мы еще мало знаем о животных, объясняя все их поступки лишь инстинктами [В. А. Мезенцев];

Савельев помнился как цветущий, пышущий здоровьем и искрящийся оптимизмом человек. Здоровый, как бык, он мог две минуты держать на вытянутой руке двухпудовую гирю. К боли относился равнодушно, реагируя на травмы и ранения со свойственной ему иронией: «До свадьбы заживет». После появления на позициях супруги Савельеву казалось, что он приобрел боевые качества и проходимость танка [Александр Михайлов]...спрашивал я Боке. – Я, право, думал об этом, но, когда бык повернулся, дочь со слезами на глазах, молча, просила у меня прощенья. Другое средство проще и не так скучно; оно состоит в судорожном и артистическом комиссионерстве, в предложении разных разностей без внимания на запрос. Французы по большей части работали в винах и водках [А. И. Герцен] и др.

Представление русского народа о быке как символе упрямства сохранилось и в современности: Он-то был жутко красивый парень, похож на какого-то американского киноартиста. Причем упрямый как бык, неразговорчивый, ни на какие слова и шутки не отвечал и все время таскался за этой Ирой. Нет, он не идет, он упирается, как бык. Что с ним делать? Только молиться, молиться долго, может быть, десятилетие [Димитрий]; это ведь чистейшее безумие!» Бурнашов тупо, как бык на красную повязку, посмотрел на говорившего, будто не узнавая его, но внезапный поворот разговора неожиданно подкреплял его недавние претензии: [Владимир

Личутин]; *Если я захочу сходить в театр... – Так вот вы и захотите», – сказал он упрямо и угрюмо и, как бык, наклонил голову. – Так вот вы обязательно захотите* [Ю.О. Домбровский].

Исходя из примеров можно сделать вывод, что слово *бык* в русском языке имеет двусмысленную символику, с одной стороны, бык олицетворяет здоровье силу и магическую силу, с другой стороны, он символизирует упрямство и жертву. Однако более активированными символами слова *бык* являются здоровьем и упрямством, силой и как символом мужского начала.

«В народной традиции бык – особо почитаемое животное. Из древних письменных источников и этнографических материалов XIX – начала XX вв. известно, что восточные славяне, и в частности русские, использовали его как жертвенное животное. Наиболее древние сведения о жертвоприношении быков принадлежат Прокопию Кесарийскому (VI в. н. э.), который писал, что славяне жертвовали быков богу – «творцу молний». Проведя параллели с архаичными культурными традициями других народов, исследователи пришли к выводу, что связь быка с богом грозы, возможно, восходит к древней общеиндоевропейской мифологии.

Как это ни удивительно, но обряд жертвоприношения быка или других рогатых животных сохранялся, хотя и в трансформированном виде, спустя много столетий, и в некоторых местах у русских совершался еще до середины 1920-х годов. С приходом христианства обычай заклания быка стал приурочиваться к дню Ильи Пророка, заменившего бога-громовержца. Собирая в Ильин день, а в некоторых местных традициях в другой большой праздник, мужскую братчину, закалывали быка, которого, как правило, вскармливали всей общиной. После заклания мясо готовили и съедали сообща, а остатки раздавали всем желающим. Кости жертвенного быка сохраняли в уверенности, что они приносят удачу» [СМЭС 2002, с. 59].

Бык у многих народов мира является воплощением жертвенного животного (ср: *Перед иконой служат Молебн и приносят жертву. В поле приводится жертвенный бык, купленный на общественные деньги, и здесь*

его колют. Жрец берет в руки березовую ветку и читает вотскую молитву, а в это время с мясом жертвенного животного варится каша для всей деревни. По окончании языческого моления приезжает православный священник, служит молебен и освящает жертвенные яства; по окончании молебна священнику подносят на блюде голову жертвенного животного, священник кропит ее водой и делает на ней крест. [В.Г. Короленко]

А.Н. Афанасьев в сказке «Иван Быкович и Буря-богатырь» описывает сильного и бесстрашного героя. Иван Быкович воспринимается как человек, который имеет свое имя. Также бык в сказках символизирует молодость, так как для обозначения детеныша в сборнике сказок используется слово бычок: «У мужика отелилась сегодня корова и принесла бычка» [Афанасьев 1985, III, с. 65]. В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля отмечается, что бычок – малый, молодой бык, теленок [Даль, 1956, I, с. 149].

В истории бога Шивы рассказывается о том, что у него был белый бык Нанди, который символизирует бескорыстность и верность, поэтому его называли богом животных (ср: *Но оставим ненадолго тельца и обратимся к шиваизму. Один из символов Шивы – бык Нанда. Изваяние этого тельца – почти в каждом шиваитском храме. Бог ли это? И да, и нет. Для шиваитского богослова бык – только «облик игры» Шивы. На уровне богословия шиваизм очень близок к монотеизму. Разница в том, что тварных небожителей индуисты вообще (и шиваиты в частности) продолжают называть богами; но трансцендентный аспект, превосходящий всё тварное, имеет (для шиваита) только Шива; он один создает (и разрушает) вселенную во время пралайи (отдаленно напоминающей Страшный суд). [Померанц]; Казак ответил просто и, как показалось генералу, весело: — А не помаю: лежал, как божий бык... Потом все-таки рассказал, что были в сторожевом охранении и решили не дать спать австрийцам... «Мы не спим, нехай же и они не спят!» [Крюков].*

Итак, бык в сказках является олицетворением здоровья, силы, символом мужского начала, и его образ в сказках антропоцентричен.

Анализ символического значения слов *корова* и *бык* позволяет представить национальную специфику их восприятия и специфику отражения мира в русском языке через этноязыковые ассоциации (связь языка с этносом или культурой), связанные с этими животными, так как в языке отражается национальная картина мира и менталитет данного народа.

4.3. Лошадь / конь

Лошадь – один из наиболее давних спутников человека. Лошадь была в древности единственным средством передвижения (особенно на огромных просторах Руси), сопровождала воинов в бою, вместе с крестьянином пахала землю: *Лошадь человеку крылья; Казак сам не ест, а лошадь кормит; На лошадь не плеть покупают, а овес*. О многообразии использования лошади в хозяйстве можно судить по определениям, данным в словаре В.И. Даля: «По употреблению бывает: упряжная, верховая, вьючная; а первая: коренная, пристяжная, дышельная, выносная (подседельная и подручная)» [Даль, URL].

Символика лошади как помощника или волшебного средства, позволяющего герою добыть, победить, доставить, фигурирует во многих сказках.

Подмечая поведение лошади, человек издавна связывал с ней разные приметы: *Лошадь спотыкается – удачи не жди, Лошади фыркают в дороге – к радостной встрече* и др.

В языке существует несколько лексем, обозначающих это животное: *лошадь, кобыла, конь, кляча, мерин*. Например, В.И. Даль так обозначает разницу между ними: «Конь – верховая лошадь. Кляча воду возит, лошадь пашет, конь под седлом» [Даль, URL].

В народном сознании *лошадь* символизирует трудолюбие, выносливость, энергию, силу. Отсюда в языке выражения *работать как лошадь*, т. е. «усердно»; *работать / вкалывать / пахать как ломовая лошадь* (ломовая – лошадь, приспособленная для перевозки тяжёлых грузов)

«работать много, усердно, в поте лица»; *лошадиная сила* «единица измерения мощности, принятая Джеймсом Ваттом в XVIII в.».

В русском языке для лошади существует несколько лексем в зависимости от пола, возраста, физических возможностей животного, каждая из которых, соответственно, несет свою символическую нагрузку, например, в словаре Ожегова были отмечены такие устойчивые сочетания:

Тёмная лошадка (разг.) о человеке, чьи качества, возможности неясны, неизвестны.

Рабочая лошадка (разг.) о трудолюбивом человеке, безотказном работнике.

Лошадиная сила единица мощности (двигателя, машины, равная 736 ваттам).

Лошадиная фамилия (разг. шутл.) о том, что хорошо знакомо, но никак не удаётся вспомнить [по одноимённому рассказу А.П. Чехова]

Отмечаем, что лошадь как символ скорости, грации, мужества, вождения и ветра не сохранился в современности, так как в национальном корпусе русского языка нет ни одного примера со словом лошадь. Это объясняется тем, что роль лошади в жизни современного человека не как велика. Сейчас она нужна только в деревнях.

Конь – одно из самых почитаемых у славян животных, он с древних времен считался другом человека, сопровождал его в дальних походах, спасал от врага. Это отражено в многочисленных пословицах, народных песнях: *Конь мой, конь, ты мой верный друг! Конь мой вся моя надежда. Конь не выдаст, и враг не съест; Счастье на коне, несчастье под конем; Деньгами коня не купишь, а удачей. Царство без грозы, как конь без узды, Счастье на коне* [Даль-2, с. 156].

В сказках и былинах конь беспрепятственно скачет с горы на гору, через моря, озера и реки. Конь настолько силен и велик, что скрыть его мифического происхождения, сродного с обожествленными стихиями, невозможно. Конь в сказках – олицетворение природных стихий, конь –

стремительная, необузданная стихия, но во главе этой стихии находится человек. Мифические и легендарные кони часто обладают чудесными способностями: они умеют говорить, пересекать воды, путешествовать в потусторонний мир, подземный мир и на небо или нести бесконечное количество людей на спине. Конь может быть как хорошим, так и плохим. Например, в сказке «Сивка-Бурка» описывается необычный добрый и великодушный конь, у которого одна шерстинка золотая, а другая серебряная, но при этом говорится о том, что конь топчет поле с пшеницей. Иван поймал коня, но отпустил его с тем условием, что конь будет верно ему служить. Сивка-Бурка наделен сверхъестественной силой. Благодаря ему Иван удостоился стать суженым прекрасной царевны, «в одно ухо Сивки залез, а в другое вылез». Затем Иван-дурак на коне едет ко дворцу. Там Сивка-Бурка допрыгивает до окна царевны, чего не сможет сделать ни один обычный конь, и Иван достает вышитый портрет (либо кольцо) царевны.

Мотив волшебного могучего коня нашел отражение в сказках «Жар-птица и Василиса царевна» и «Сказка о молодильных яблоках и живой воде». Так, в сказке «Жар-птица и Василиса царевна» рисуется богатырский конь, обладающий необыкновенной силой, мудростью и магическими способностями и помогающий герою выполнить все поручения: «Вдруг зашумел лес, поднялись волны на море – летит жар-птица. Прилетела, спустилась наземь и стала клевать пшеницу. Богатырский конь подошел к жар-птице, наступил на ее крыло копытом и крепко к земле прижал, а стрелец-молодец выскочил из-за дерева, подбежал, связал жар-птицу веревками, сел на коня и поскакал во дворец» [Афанасьев 1984, с. 169]. В «Сказке о молодильных яблоках и живой воде» рассказывается также о магическом и богатырском коне с силой волшебника. Этого коня Баба-яга дарит Ивану-царевичу, но конь теряет часть магической силы, когда Иван-царевич не слушает его: «Конь говорит ему человеческим голосом: «Не послушался, ты, Иван-царевич, вошел в терем к девице Синеглазке. Теперь мне стены не перескочить. Иван-царевич бьет коня плетью нехлестаной». –

«Ах ты, конь, волчья сыть, травяной мешок, нам здесь не ночь ночевать, а голову потерять!» Осерчал конь пуще прежнего и перемахнул через стену, да задел об нее одной подковой – на стене струны запели и колокола зазвонили» [Афанасьев 1984, с.171].

Кроме мудрости и магической силы, конь часто обладает качествами боевого богатырского товарища и спасает своего хозяина от лютого Змея Горыныча, затаптывая его копытами, в чем прослеживается линия христианской легенды о Георгии Победоносце, которому в битве с сатаной помогал его конь. Это качество коня нашло языковое воплощение в сказках «Иван Быкович», «Тридевятое царство», в цикле сказок о богатыре и Змее Горыныче. В сказке «Иван Быкович» конь богатыря наделен большой силой, богатырский конь приходит на выручку хозяину в самый критический момент боя, когда Ивану Быковичу грозит неминуемая смерть от змееобразного чудовища. Богатырский конь, спущенный с цепи, прибегает на место битвы и бьет чудовище копытами: «ты обманом живешь; у тебя помочь есть», «а Иван Быкович тем временем вылез из земли, приловчился и отсек чуду-юду огненный палец» [Афанасьев 1984, с.137].

Может представлять как вещее животное (легенда о коне Ивана Грозного, павшем в Пскове, после чего царь якобы отказался от расправы над псковичами). Он может даже нести смерть своему хозяину, если хозяин нарушит какие-либо запреты: согласно легенде, змея, выползшая из черепа коня, убивает Олега. Данный эпизод приводится в «Повести временных лет», а позднее в переработанном виде – в «Песне о вещем Олеге» А.С. Пушкина.

С лексемой *конь* представлен целый ряд слов и выражений: *быть на коне, въезжать / въехать на белом коне, по коням!* (Кто-либо оказался в выгодном, выигрышном положении, в положении победителя) [ФСРЯ 2008, с. 205], таким образом, эти выражения дают языковое воплощение связи коня с победой, а также в словаре символов отмечено, что Христа иногда изображают верхом на белом коне (христианство таким образом связывает

коня с победой, восхождением, мужеством и великодушием) [Тресиддер 1999, с. 205].

В русском языке существует целый ряд лексем, обозначающих это животное в различных ситуациях: *лошадь, кобыла, конь, кляча, мерин*. Например, В.И. Даль так обозначает разницу между ними: «*Конь – верховая лошадь. Кляча воду возит, лошадь пашет, конь под седлом*» [Даль-2, с. 156]. Объяснение этому можно найти в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, указаны три значения лексемы «конь»: 1) «*то же, что лошадь, преимущественно о самце*»; 2) «*шахматная фигура, изображающая конскую голову на высоко изогнутой шее*»; 3) «*гимнастический снаряд для маховых упражнений и опорных прыжков, обитый мягким материалом длинный брус на ножках*» [Ожегов 1999, с. 1057]. Таким образом, ядерной семьей описываемой лексемы является «четвероногое животное из рода непарнокопытных». П.Я. Черных подчеркивает, что в других славянских языках слову *лошадь* соответствует слово *конь*, хотя корень *лош-* присутствует в некоторых лексемах, например, в украинском есть *лоша* – «жеребёнок», *лошак* – «молодой конь», *лошиця* – «кобыла» [Черных -1, с. 493]. Наличие в славянских языках слов с корнем *лош-* отмечено также в словарях А.Г. Преображенского [Преображенский-1, с. 473] и М. Фасмера [Фасмер -2, с. 525] – это значит, что слово *конь* является общеславянским по происхождению.

Мерин – кастрированный жеребец. *Врать как сивый мерин* – «бессовестно, беззастенчиво (врать)» [БФСРЯ 2006, с. 366]. В народе было распространено поверье, что *сивая лошадь* – глупая (прилагательное *сивый* «светло-серый, седой» указывает на старость животного). Крестьяне никогда не прокладывали первую борозду на сивом мерине, потому что считалось, что он ошибается (врёт), значит, может испортить борозду и, соответственно, правильность посева.

Л.А. Введенская полагает, что лексема *лошадь* не образует антонимической и омонимической пары, но вступает в синонимические

отношения с другими словами: лошадь – *буцефал* (книжн. ирон.); *сивка* (народн. поэт. крестьянск.); *савраска* (разг.); *копяга* (прост.) *лошадушка* (прост, и народн. поэт.); *скакун* – *кляча* – *лошадёнка* – *одер* – *росинант* (книжн. ирон.) [Введенская, 1995, с. 216].

В народном сознании *лошадь* символизирует трудолюбие, выносливость, энергию, силу. Отсюда в языке выражения *работать как лошадь*, то есть «усердно»; *работать / вкалывать / пахать как ломовая лошадь* (ломовая – лошадь, приспособленная для перевозки тяжёлых грузов) «работать много, усердно, в поте лица»; *лошадиная сила* – единица измерения мощности, принятая Джеймсом Ваттом в XVIII в.

Кляча – плохая, обычно старая или больная лошадь, что обусловило наличие переносного значения у лексемы *кляча* – усталый, изнуренный, физически слабый или больной человек: как загнанная кляча «уставший от постоянных трудов, забот»; «*Кляча и в золотой узде – не конь*» [Даль-2, с. 128].

Кобыла – взрослая самка лошади, переносное, разговорно-сниженное значение: крупная женщина. Слово праславянское, уходящее в индоевропейское прошлое: ст.-слав. *кобыла*, лат. *caballus*, греч. *καβαλλης* [ЭССЯ-10, с.93-94], от данной лексемы образованы слова разных языков: *кавалер, кабальеро, шевалье* (всадник). *Из кобыл да в клячи* – иронически «о человеке, променявшем лучшее место на худшее» [Даль-2, с. 156].

В русском фольклоре и народном мирозерцании *конь* также может осознаваться и как символ счастья (отсюда и *конёк* на крыше деревянного дома). Подобное значение лексемы *конь* встречается в тексте песни А. Розенбаума «Серый в яблоках конь»:

Только не видел больше ни разу
Серого в небе коня.
Видно, я счастье в яблоках сглазил,
Видно, оно позабыло меня.

От прежних магических представлений, связанных с конем и лошадыю, сохранилось устойчивое представление о подкове, приносящей счастье, удачу. Стереотипный образ лошади и коня многогранен. С одной стороны, это грациозное, сильное, свободное и быстрое животное, с длинной гривой и хвостом (отсюда и вид прически конский хвост) [Красных 2001, с.17].

С конями связано множество примет: *Конь споткнулся на пороге* – к беде, *Конь воина нюхает* – к гибели, *Больной бредит о конях* – скоро умрет, *Ржание коня* – к добру, *топтание коня* – к дороге, но при расставании – к долгой разлуке, *фыркает в пути* – к доброй встрече (или к дождю) – *распряжется дорогой* – быть беде неминучей [Даль-2, с. 156].

Устойчивые выражения, в состав компонентов, которых входит лексема *конь*, могут быть распределены по тематическим группам: быстрота, упрямство, смелость, трудолюбие.

Конь являлся средством передвижения царствующих особ и воинов во время войны, поэтому для воинов был верным другом и боевым товарищем, поэтому он символизирует мудрость, силу, проворство, быстроту, смелость, верность, храбрости и гордость, подтверждением чему служит известная поговорка: «*Рана коня вызывает у богатыря стон*», и пословицы: *Старый конь борозды не портит; Погоняй коня не кнутом, а овсом* [Даль-2, с. 156], *Конь не пахарь, не кузнец, а первый на селе работник* [Даль 1862, с. 140], *Рабочий конь на соломе, а пустоляс на овсе* [Даль 1862, с. 117]; *Весело коням, когда скачут по полям* [Даль 1862, с. 44].

Стереотипные представления сохраняются и в настоящее время, о чем свидетельствуют примеры из национального корпуса русского языка:

– *скорость*: «А в Спартаке и Титов (что с ним редко бывает) форму набрал, и Быстров бегаёт как *конь*...» (Футбол-4), «Время жизни Е. С. несётся очень быстро. Как бешеный *конь* во сне жокея-чемпиона» (А. А. Матвеева) [НКРЯ: URL];

– *сила*: «Народ, этот «*конь*, встающий на дыбы», эта стихийная сила, родственная горам и морям («толпа взволнованнее моря»), объект

религиозного культа тысяч и сотен тысяч интеллигентов...» (Алексей Макушинский), «Хомут был здоровый, ясноглазый, сильный, как *конь*...» (Захар Прилепин) [НКРЯ: URL];

– *верность*: «Воина, лежащего в беспамятстве у копыт своего верного *коня*, и плачущего голодного младенца найдут в степи мирные кочевники» (М.Б. Салимов), «завтра мой конь понесет меня навстречу первой опасности. Так что не исключено, что с тобой, мой друг, я сумею скрестить лишь литературные копыя. (Ю.И. Андреева) [16: URL];

– *мощь*: «причём – в поперечный шпагат. Вот такой здоровый *конь* был! И тут она как заорёт! А Дао-то с расправленными плечами, гордый такой, юношу с толку сбивает – мол, это ей так хорошо (Татьяна Соломатина) [НКРЯ: URL];

– *гордость*: «Она взяла в руки брусок ольхи и начала вырезать из него новый персонаж. Это будет совсем другой *конь* – гордый, страстный, непримиримый... Готовый, как и она, выступить против всего мира» (Татьяна Тренина) [НКРЯ: URL];

На коня часто проецируются особенности характера и поведения хозяина, можно говорить о некоей совокупности *хозяин и его конь*: *От хозяйского глаза и конь добреет* [Даль-2, с. 156]. *Конь тощей – хозяин скупой* [Даль 1862, с. 140]. *Считалось, что подобно тому, как конь чует могилу хозяина, погребенного несколько лет назад, трупы молодых лам давали излучение, облегчавшее телепатам выход на нужный объект* (В.В. Овчинников), *Конь был молод, красив собой, он так же, как и его молодые друзья-хозяева...* (Александр Сокуров) [[НКРЯ: URL];].

Современные русские могут обращаться к образу этого животного при характеристике: 1) крепкой и сильной физически личности, доброте и красоте, 2) девушки или молодой женщины, крупного телосложения: *Это вовсе не конь, а странный человек – так разумно смотрел и слушал он, когда люди говорили в его присутствии.* (Александр Сокуров), *выходит, была бы я здоровая, как конь, красивая, веселая и счастливая, так никакой заморский*

папа был бы не нужен, а теперь – подать его сюда! (Нина Катерли). *Говорил он красиво, вдохновенно, в пиковые моменты речи воздевая дрожащий перст к небу. Душа – это всадник, а тело – конь. Мы управляем собой, как опытный всадник управляет лошадью* (Екатерина Завершнева), *Прозвище ей даже нравилось, и нередко, позволив себе в узком кругу изрядно выпить, она любила приговаривать: – Да, да, русская женщина – конь с яйцами, ей всё по силам!* («Новый Мир», 2000) [НКРС: URL]; нет автора

Итак, в русской культуре положительная оценочность свойственна большинству фразеологических единиц с ключевым словом *конь*, и этот образ служит для характеристики широкого спектра присущих человеку положительных черт: 1) трудолюбие, 2) верность 3) опыт, 4) мудрость, 5) честность, 6) крепкое здоровье, 7) свободолюбие и 9) храбрость.

Однако в некоторых случаях лексема *конь* может служить для выражения вражды, смерти и упрямства: *Конь не выдаст, и враг не съест* [Даль-2, с. 156], *Добр конь, да норовец есть – упрямый* [Даль 1862, с. 69]. В.В. Красных отмечает, что конь амбивалентен: связан одновременно и с плодородием, и со смертью, поскольку он может нести смерть своему хозяину, если тот предаст его: змея, выползшая из черепа коня, убивает героя, когда тот наступил на череп («Песне о Вещем Олеге» А.С. Пушкина). Вместе с тем, конь и особенно всадник (герой или святой) выступают основными противниками змеи как воплощения зла (см. иконы «Чудо Георгия о змее»). Конь белый или огненный – атрибут Ильи-Пророка, разъезжающего по небу, соответственно, гром топот копыт и ржание коней. Но конь может быть олицетворением зла: всадники Апокалипсиса появляются также на конях четырех мастей [Карасик 2005, с.15].

Как видим, в славянской культуре *конь* наделен определенным символическим значением. Стереотипное представление о данном животном в русском языке можно выразить следующим образом: четвероногое животное, которому присущи *трудолюбие, верность, храбрость, мудрость и смелость*. Образ коня отражает психологию, менталитет, разнообразные

обычаи, национальные стереотипы древнего славянского мира и русского народа через фразеологизмы, сказки и пословицы, так как они являются языковым воспроизведением особенностей национальной культуры любого народа.

4.4. Прочие домашние животные и птицы

Среди других важных в народном представлении домашних животных следует отметить *овцу / барана, козу / козла*, также наделенных символическим значением.

Овец разводили из-за их шерсти. У овец гораздо сильнее, чем у других животных, развит стадный инстинкт. Причём психологический комфорт овец прямо пропорционален размеру их группы: овцы в громадных группах чувствуют себя превосходно, в малых – хорошо, а в одиночестве – плохо. Поэтому овцы всячески стараются держаться ближе друг к другу. Инстинкт следования за собратьями заменяет овцам логику. Именно такая гипертрофированная стадность вызывает у человека представление об овечьей глупости [Энциклопедия животных, URL]. Наблюдение за поведением этих животных привело к тому, что овца стала символом робости, глупости. Это отразилось во фразеологии: *как овечий хвост (дрожать, трястись)* «о человеке, находящемся в состоянии волнения, страха и испытывающем мелкую дрожь в теле»; *разбредаться как овцы* «иррациональность в поведении (обычно о людях, оставшихся без руководства)».

Образ этого животного также символизирует лицемерие: *волк в овечьей шкуре* (выражение библейского происхождения) «о человеке, скрывающем свои дурные намерения под маской добродетели».

Баран в русской культуре также предстаёт в качестве эталона непонятливости, глупости, тупости [Большой фразеологический словарь, URL; Ковшова 2012, с. 325]. Овцы (баран – самец овцы) пользуются несколькими простыми рефлексамии, изменить которые стоит больших трудов. В новой обстановке они осваиваются очень медленно. Овец и коров в

селах днём выводили на пастбище, вечером пастух пригонял их обратно. Животные обычно сами находили свой дом, и только баран считался настолько глупым, что не мог найти свои ворота, если они изменились [Энциклопедия животных, URL]. Отсюда выражения *как стадо баранов* «беспорядочной толпой, бессмысленно, не рассуждая (идти, бежать, двигаться и т. п.)», *глуп, как баран, как баран на новые ворота (смотреть)* «с недоумением, ничего не понимая, не соображая ничего; растерянно, глуповато (установился, смотрит и т. п.)».

В русских народных сказках различаются значения лексем *баран* и *овца*: «Баран разбежался, ударил со всей мочи и сшиб волка...» [Афанасьев I, с. 56], ««...поди на задний двор да заколи овцу...» [Афанасьев I, с. 270] и, более того, в этих сказках иногда мы замечаем переход слова *баран* из имени нарицательного в имя собственное, то есть барана наделяют человеческими чертами: «В одной семье было три брата: большего прозвали Бараном» [Афанасьев I: 136]. В качестве уменьшительно-ласкательного наименования данного животного используются слова *барашек*, *овечка*: «Вот медведь много раз приходил, хочется ему съесть овечку – не тут-то было!» [Афанасьев I, с. 70].

Другим важным животным в хозяйстве славян была коза. Источник заимствования слова *коза* исследователи точно не определяют, однако есть указания на связь значения между этим словом и русским словом *кожа*. У Афанасьева наиболее часто встречаемым наименованием самки и самца взрослого животного являются слова *коза* и *козел* соответственно: «Жила-была коза, сделала себе в лесу избушку и нарожала деток» [Афанасьев I: 64].

Существуют также более расширенные имена, которые были основаны на символическое значение данного животного: «он приказал добыть козу золотые рога, что в заповедных лугах гуляет...» [Афанасьев II, с. 119], «Я – коза рухлена, половина бока луплена; выйду – все бока повыбью!» [Афанасьев I, с. 75], «Сторожит ту печку коза о семи глазах» [Афанасьев III, с. 146].

В русских народных сказках мы встречаем примеры наименований коза и козел, переводящих животных в положение человека: «Козлятки впустили мать и рассказали ей, как приходил к ним бирюк» [Афанасьев I, с. 64], «В одной семье было три брата: большего прозывали Бараном, среднего Козлом...» [Афанасьев I, с. 136], «Пойдём, брат Козьма Микитич...» [Афанасьев, I, с. 58].

Подчеркиваем, что образы козы и козла символизируют плодородие, однако отмечаем, что козла связывают с нечистой и демонической силой. Христианская церковь утвердила отношение к козлу как «нечистому» животному. Нечистую силу стали изображать с козлиными рогами и копытами. Этот факт дал развитие двойного наименования мрасище-козлище, которое имеет грубую оценку животного: «...поднялся старший брат мрасище-козлище, разбежался, ударился – и ворота отворились» [Афанасьев I, с. 57].

В русских народных сказках козла и козу связывают также с жертвоприношением, это нашло языковое воплощение в сказке «Сестрица Аленушка, братец Иванушка» А.Н. Афанасьева с образом козленка связан обряд жертвоприношения, бытовавший у восточных славян, это свидетельствует то, что козел является одним из древнейших жертвенных животных: «Вот козленочек прибежал к морю, стал на берегу и жалобно закричал: Аленушка, сестрица моя! Выплывь, выплывь на бережок. Огни горят горючие, котлы кипят кипучие, ножи точат булатные, хотят меня зарезати!» [Афанасьев II, с. 251]

О козе в русской культуре сложилось представление как о животном вредного нрава, из-за которого возникают постоянные проблемы и которое должно быть наказано. Это отразилось в пословицах, например: *Захочет сена коза – будет у воза; От прыткой козы ни забор, ни запор; Если хочешь с соседом поругаться – заводи козу; драть как сидорову козу;* на козе (ни на какой козе) не объедешь / не подъедешь к кому «о том, кого невозможно убедить, уломать». *Козой* называли резвую девочку [Даль, URL].

Козел является символом потенции, жизненной силы, мужественности, но также хитрости, похоти и глупости; он олицетворяет разрушительные тенденции в мужчине. В Западной традиции козлом часто называют старого похотливого мужчину. В христианстве козел – персонификация нечистоты и низменного вождения. Козла часто используют для жертвоприношения («козел отпущения»). Козел тесно связан с Дионисом.

По сравнению с другими домашними животными, дающими шерсть или молоко (овцой, бараном и т.д.), козел считался бесполезным. Отсюда пословица *Пользы, как от козла: ни шерсти, ни молока* и фразеологизм *как с (от) козла молока*. Во фразеологизме козёл является эталоном бесполезности.

Свинья в русской культуре обычно ассоциируется с неряшливостью: *Посадишь свинью за стол, она и ноги на стол; Свинья только рыла просунет, и вся пролезет; грязный как свинья, напиться как свинья; свинячить / насвинячить* и т.д. Свинья также символ невежественности: *разбираться как свинья в апельсинах*.

Существуют различные точки зрения на этимологию слова *свинья*:

- 1) названа по плодородности;
- 2) названа по причине склонности к болоту, грязи;
- 3) звукоподражательное происхождение слова.

Мнение о том, что слово *свинья* означает взрослое животное, подтверждается примерами из сборника сказок А.Н. Афанасьева. В некоторых из них невозможно определить пол животного, названного словом *свинья*: «Шла свинья в Питер богу молиться» [Афанасьев, 1984, I, с. 41].

В русских народных сказках наименование *свинья* является эмоционально окрашенным эпитетом, появившимся в результате отрицательного отношения к данному животному.

Так, в сказке «Волк-дурень» этот факт ярко отражен: «Ах ты, свиная харя! – говорит ей волк. – Как смеешь грубить? Да я и тебя разорву и твоих поросят за один раз проглочу», «Вот когда ты принес мне какого-нибудь

кабана, так я бы разжирел, как свинья!» [Афанасьев 1984, с. 55]. Такое отношение к свинье дало развитие устойчивым сочетаниям: *жирный как свинья, мерзкий как свинья, грязный как свинья*.

Наиболее характерное символическое значение свиньи – плодовитость, именно поэтому во многих сказках она всегда выступает в сопровождении своих детенышей-поросят. Это послужило появлению и таких наименований, как *милая жена, супоросная свинья, матушка свинья* как в сказках «Буря-богатырь Иван коровий сын», «Свинья и волк»: «Здравствуй, милая жена, супоросная свинья! ...» [Афанасьев 1984, с. 52], «Матушка свинья, возьми ты от нас этого дурака...» [Афанасьев 1984, с. 136]. Это подтверждает, что в древности свинья была символом плодовитости Великой Матери.

Осел в русских хозяйствах не употреблялся. Большую роль это животное играло в Азии, где его использовали как средство передвижения. Тем не менее, в русской фразеологии осел выступает как символ упрямства: *упрямый как осел, ослиное упрямство; ослиные уши (также перен. «о недостатках, ошибках, которые не удаётся спрятать, скрыть*. В языке закрепилось также переносное значение «*о глупом упрямом человеке*».

В Африке осел очень распространен, однако его не любят. И во фразеологии осел имеет отрицательную коннотацию: характер осла дал основу для развития символического значения – символ упрямства, немужественности и злобности [URL:8]: *Degar bore kot tbat (упрямый как осел), Mbat laa (он осел) «о злом и некультурном человеке*». *Осел считается злопамятным животным и очень опасным*.

Однако в хозяйстве осел выполняет очень тяжелую работу. Это прослеживается в пословицах: *Ligueye kot tbat (работать как осел) «делать очень трудную работу, работать без отдыха*». Раньше осел являлся средством передвижения ремесленников и рабов, он был лошадкой бедняков.

Существует много пословиц с зоолексемой *осел*: *Gan yu baré bugalul mbâmsef (Большое количество хвостов не имеет значения для осла) «трудности не могут сломать сильного человека»; Mbâm su dûfé nêh tan yà*

(Если осёл жирен, это радует грифа) «если ребенок успешен – это радует его родителей, так как он будет их опорой»; *Mbâm mà, su vèhé, matà, dèf nà hêh u bâu àm* (Осел, который дает пинки и кусается, повторяет своего отца) «ребенок всегда копирует поведение родителей»; *Yuhôlu 'mbâm tahtil kô day ni gélèm* (Осел, если даже стоит на ногах, не может быть выше верблюда) «через голову не перепрыгнешь».

Слово *петух* в этимологическом словаре М. Фасмера первоначально значит «певец» от слова «петь», также петух обозначается словом *Петя*, которое является уменьшительным от имени *Петр* [Фасмер-4, с. 253].

Петух для многих народов является олицетворением света и возрождения, в Японии он является священным животным. В Древней Греции петух являлся атрибутом или спутником многих богов, включая Зевса, Аполлона, Аттиса и др. Некоторые африканские народы считают петуха прорицателем и обладателем тайных знаний и поэтому связывают его с колдунами. В буддизме петух символизирует чувственные желания и является одним из трех эмблематических животных (наряду со свиньей и змеей), сопровождающих человека в круге рождения и смерти. В христианстве петух является символом возрождения, противопоставления тьме духовного невежества [Тресиддер 1999, с. 134].

Петух уже в древнейшие времена считался воплощением огня. Славяне признавали его как лучшую умилоостивляющую жертву богу огня – Сварогу. [Грушко 1995, с. 233]. В славянской культуре он – символ солнечной защиты, так как по народным поверьям, ночные призраки исчезают с первым криком петуха. Этот мотив мы встречаем и в литературных произведениях. Например, отрывок из повести Н.В.Гоголя «Вий»: «Раздался петушиный крик. Это был уже второй крик, первый прослышали гномы. Испуганные духи бросились, кто как попало, в окна и двери, чтобы поскорее вылететь, но не тут-то было; так и остались они там...».

Петух широко представлен в фольклоре и литературе, так как он является героем басен И.А. Крылова, сказок русских писателей. В народных сказках петух имеет двусмысленную символику: с одной стороны, он олицетворяет слабость, легкомысленность, с другой стороны, он символизирует самоуверенность и смелость.

Образ мудреца-советника, помощника друзьям и бесстрашного существа отражен в сказках «Заюшкина избушка», «Петушок-золотой гребешок и чудо-меленка» и «Лиса-исповедница».

Так, в сказке «Лиса-исповедница» отражен факт того, что в сказках лиса часто становится жертвой петуха. Лиса хотела отомстить петуху, потому что он постоянно разоблачает ее и портит ее планы:

–...Ты у меня за всё ответишь; попомнишь, блудник и пакостник, про свои худые дела! Вспомни, как я в осеннюю тёмную ночь приходила и хотела попользоваться одним курёнком, а я в то время три дня ничего не ела, и ты крыльями захлопал и ногами затопал!..».

Для этого она использует свою хитрость, чтобы заманить петуха в ловушку:

«– Я тебе, Петенька, добра хочу — на истинный путь наставить и разуму научить. Вот ты, Петя, имеешь у себя пятьдесят жён, а на исповеди ни разу не бывал. Слезай ко мне и покайся, а я все грехи с тебя сниму и на смех не подыму

Петух стал спускаться ниже и ниже и попал прямо лисе в лапы.

Но когда петух понял, что пришел ему конец, он решил взять лису хитростью, позвал ее с собой печь просвиры: «Лиса распустила лапы, а петух порх на дубок» [Афанасьев, с. 15].

В сказке «Петушок-золотой гребешок и меленка» описывается петух, наделенный магической силой. Благодаря этой силе он подхватил меленку и улетел с ней к старику со старухой:

«– Носик, носик, пей воду! Ротик, ротик, пей воду! Выпил всю воду, подлетел к боярскому дому и кричит: – Кукареку! Боярин! Боярин! Отдай

нашу меленку! Боярин велел бросить петушка в горячую печь. Поймали петушка, бросили прямо в огонь, а он и приговаривает: – Носик, носик, лей воду! Ротик, ротик, лей воду! И залил весь жар в печи».

Образ бесстрашного петуха нашел воплощение в сказке К.Д. Ушинского «Петух да собака». В этой сказке рассказывается о том, как эти животные жили у бедных стариков, и они решили уйти от хозяев. Пошли петух и собака в лес. На ночь собака закопалась в листья, а петух взобрался на дерево. Утром петух, как всегда, приветливо закукарекал солнышку. А это пение услышала лисица и захотела съесть петуха и стала его в гости к себе звать. А тот говорит: «Я друга позову». Обрадовалась лиса, что обед вдвое больше будет и говорит: «Зови!». Прибежала собака и разорвала лисицу.

В сказке «Петушок с семьей» К.Д. Ушинский показывает уклад семьи и как все устроено в семье, как распределены роли между членами семьи и обращает внимание на то, что в семье должен быть мир и порядок.

Подчеркиваем, что в сказках петух часто выступает не только как герой, обладающий положительными качествами, символизирующий добро, благополучие и порядок. Ему также свойственны и отрицательные черты: наивность, непослушание, легкомысленность и слабость.

Его непослушание и нарушение запретов приводит к беде. Яркими примерам являются сказки «Умей обождать» К.Д. Ушинского и «Петушок – золотой гребешок», где петушка крадет лисица, а друзья идут вызволять:

«Запела лиса: – Петушок, петушок, Золотой гребешок, Масляна головушка, Шелкова бородушка, Выгляни в окошко, дам тебе горошку. Петушок и выставил головку в окошко. Лиса схватила его и понесла в свою нору. Закричал петушок. Кот и дрозд услышали, бросились в погоню и отняли у лисы петушка».

В сказке «Умей обождать» рассказывается о том, как курочка предупреждала петушка не есть зеленую смородину, не пить холодную воду, не кататься на тонком льду, а подождать пока смородинка созреет, водичка согреется, а река замерзнет сильнее. Но петушок не слушался и попал в беду.

Как известно, басни И.А. Крылова имеют сатирический характер. Образ петуха в них немного отличается от образа в русских народных сказках. И.А. Крылов описывает бездарного и глупого петуха. Так, в басне «Кукушка и Петух», говорится о том, как Кукушка и Петух всячески расхваливают певческие таланты друг друга. В образах Кукушки и Петуха И.А. Крылов раздумывает бездарных, ограниченных людей, хвлящих друг друга, потому что обоим это приятно и, возможно, даже выгодно, так как оба героя не обладают теми достоинствами и талантами, о которых идет речь.

«От кого чаёт, того величает.

Кабы я ведал, где ты ноне обедал, знал бы я, чью ты песню поешь.

Не люби потаковщика, люби встречника»

В басне «Петух и жемчужное зерно» И.А. Крылов показывает также глупое и ограниченное существо, которое не замечает истинные ценности вещей:

«Петух нашел Жемчужное Зерно

И говорит:

Куда оно?

Какая вещь пустая!

Не глупо ль, что его высоко так ценят? »

Таким образом, поведение петуха в баснях И.А. Крылова и в рассказах К.Д. Ушинского чем-то напоминает поступки людей.

Образ петуха также встречается в сказках других народов. Например, в калмыцкой сказке «Петух и павлин» описан хитрый павлин, который обманул доверчивого петуха и забрал его прекрасный хвост. С тех пор петухи каждый день трижды – утром, в полдень и вечером – зовут павлина, взявшего свой красивый наряд, а в татарской сказке «Шах и петух» изображен петух, который хвалился перед курами, но все равно сказка заканчивается так: «...и сварил повар из непобедимого султана вкусный суп...»

Таким образом, петух в русских народных сказках имеет двусмысленную символику: с одной стороны, он олицетворяет смелость, бесстрашие, защиту и магическую силу; с другой стороны, он символизирует слабость и трусость.

Курица в русской культуре связывается со стереотипным представлением о глупом, неловком существе, совершающем нелепые поступки: *куриные мозги* «о глупом человеке»; *как курица с яйцом (носить)* «уделять чему-либо излишнее внимание»; *Не уносится кума (баба) со сплетней, ни курица с яйцом; как курица лапой* (писать); *как мокрая курица* «о человеке в удрученном состоянии», а также «о безвольном, бесхарактерном человеке». Образ из последнего фразеологизма мотивирован реальным обликом мокрой курицы. Если у водоплавающих птиц перья покрыты специальной жировой смазкой, по которой вода скатывается, то у курицы такой смазки нет. Вид у мокрой курицы очень жалкий.

Индюк является эталоном заносчивости и глупости: *надуться как индюк* «о том, кто имеет гордый и глупый вид». Индюк также обозначает глупого, заносчивого, надменного человека.

Гусь связан с безразличием: *как с гуся вода* «нипочем, безразлично; не производит никакого впечатления, никак не действует на кого-либо». Фразеологизм возник в результате сокращения пословицы *что с гуся вода – небывалые (небылые) слова* (т.е. несправедливые упрёки, обвинения, которые легко опровергнуть) или является частью древней заклинательной формулы. Знахарки, обливая больных детей «наговорной водой», или родители, купая ребенка, приговаривали: *«Как с гуся вода, с нашего Коленьки (или Катеньки) – худоба (то есть болезнь)»*. Люди верили, что всякие напасти сбегут с ребёнка так же быстро, как сбегает вода с гусяного оперения. Критика, порицания, угрозы, наказания, не дающие никакого результата, ассоциируются с водой, стекающей с тела водоплавающих птиц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной диссертационной работе был рассмотрен круг вопросов, касающихся взаимосвязи культуры и языка, отражения антропоцентризма во фразеологии, паремиологии и в русских народных сказках. Были также рассмотрены лексемы, обозначающие диких и домашних животных как наименования, обладающие антропоцентрическим потенциалом. Целесообразность введения тотемных символов в качестве персонажей русских сказок обусловлена спецификой древнего родового уклада семьи, где еще не были развиты брачные отношения.

В соответствии с целями и задачами исследования была рассмотрена способность элементов зооморфного кода названий животных выступать маркерами антропоцентричности и антропометричности в духовном кругозоре носителей русского фольклора. Несомненно, что язык является частью культуры, поскольку он отражает национальную картину мира, выражает специфические черты национальной ментальности. Язык есть механизм, открывший для человека область сознания, а культура включена в язык, так как вся она смоделирована в фольклоре как элемент культуры. Фольклор можно трактовать как совокупность коллективных знаний, идей и представлений о человеке, его взаимоотношениях с миром и о самом этом мире, получившую реализацию и закрепление в текстах. В связи с этим в диссертационном исследовании нами проведен комплексный анализ взаимосвязи фольклора и языка. На примере наименований животных выявлено, что названия животных обладают антропоцентрическим потенциалом. Русские народные сказки, созданные в разные исторические эпохи, благодаря включению наименований животных, передают ценности жизни и играют очень важную функцию в формировании личности и ее социализации русского народа. Русские народные сказки раскрывают ценности, которые дороги не только традиционным обществам. К ним относятся благоразумие, самообладание, гостеприимство, справедливость, честность, благодарность, доброта, щедрость. Эти ценности являются

основополагающими для русского народа, любого героя сказки. Герой, лишенный одной из этих ценностей, строго наказывается. Например, в сказке «Колобок» главный герой был наказан из-за непослушания и неблагодарности.

Наше исследование показало, что модели мира создаются человеком через антропоцентрическую интерпретацию, в которой значительную роль играет антропометричность, то есть сопоставимость окружающей действительности с доступными человеческому восприятию образами и символами. Качества и черты характера человека, получившие закрепление во фразеологии, паремииологии и сказках, мотивируются самыми различными жизненными и вымышленными ситуациями, внешними признаками и поведением человека, они отражают национально маркированные реалии и национальный менталитет.

Животные издревле окружали человека и выступали как источник осмысления человеком мира. Имена, обозначающие животных, несут функционально значимые для культуры смыслы, придающие этим именам роль знаков «языка» культуры, то есть наименования животных позволяет показать национальную специфику восприятия и отражения мира любого народа.

Образы животных в русских народных сказках глубоко антропоцентричны, в сказках о животных речь идет о человеческом мире и даже об укладе семьи. Это значит, что в русских сказках медведь, волк, лиса и заяц являются не только персонажами, но и вполне определенными стратегиями поведения, действия и поступков конкретного человека, т.е. сказки о животных – это сказки о людях. И за образами животных можно угадать социальные отношения людей. Волк в отношениях с лисой почти всегда простодушен, наивен, доверчив и жалостлив. Казалось бы, лиса и волк должны были бы выполнять роль супругов, но этого не происходит. Поэтому лиса в русской сказке получила весьма характерный эпитет: «Лисичка-сестричка». Отношение зайца с лисой – отношение маленького ребенка со

злой и недостойной женщиной. Другим доказательством антропоцентризма является то, что восточные славяне видели в медведе человека – наделение медведя христианскими именами (Михаил Потапыч), но отмечено, что слово *медведь* уже в праславянском языке является ярким тотемом. Табуирование названия медведя отражает его важность для социума древнего восточно-славянского этноса. Его роль и социальное положение в сказке отражают не столько характер животного, сколько социальный статус старейшины в древней славянской родовой семье, поэтому в сказках ему отводится роль защитника и помещика, поскольку в русских сказках помещик простоват, глуповат и его легко обмануть. Лексема *медведь* имеет положительную и отрицательную коннотации и используется для характеристики крупного, сильного, пожилого, доброго и хозяйственного, но также и грузного, глуповатого, неуклюжего человека и даже дурака. Исследование показало сохранение в традиционном русском фольклоре понятий, которые были характерны для древней родовой общины, они сохранились именно как далекие следы несколько иной структуры социальных отношений древних славян. Важную роль в формировании символического значения животных в сказке сыграли религиозные верования народов и древнее стереотипное представление.

Была также рассмотрена символика птиц, отмечено, что образ птицы начал играть большую роль в славянской культуре. Символическое значение птиц в сказках не означено, так как священные и сильные птицы часто противостоят злым силам, указывают дорогу и приметы на погоду, а темные или нечистые несут плохие вести, сопровождают темную силу, несут болезни и даже смерть.

Стереотипное представление о постоянной вражде собаки и кошки переносится на отношения между людьми. Вражда кошки и собаки находит символическое воплощение в любовной магии: чтобы разлучить супружескую пару, в брачную постель молодым подкладывали кошачью шерсть, спутанную с собачьей. Однако отношение к кошке неоднозначно:

«кого кошки любят, тот счастлив; кто кошек любит, будет жену любить», также выявлено, что непереносимость между собакой и кошкой основана не на вражде, а на взаимном непонимании языка жестов. Жест, который у одного животного обозначает дружеское сближение, другим трактуется как враждебное отношение и это отражено в сказке «Кто сказал мяу». В русских народных сказках кот наделен смелостью и бравастью. Образ собаки служит для характеристики широкого спектра присущих человеку как негативных черт: *свирепости, злости, агрессии, жадности, скупости, прожорливости, пустословия*, так и положительных – верности и дружбы.

В произведениях русских писателей корова наделена человеческими чертами. Корова – это мать, которая переживает за своего ребенка и защищает его. В рассказе К.Д. Ушинского «Бодливая корова» корова героически защищает своего теленка и маленькую девочку от волка.

В русских народных сказках корова является символом материнства. Крошечка-Хаврошечка – это одна из самых популярных сказок о корове, в которой корова наделена антропоцентрическими и магическими признаками. В сказке показывают главную символику коровы – материнства. Она помогла девочке, которой было нелегко жить с мачехой и злыми сестрами, пережить все трудности и обрести счастье.

Лексема *бык* в сказках полисемантична, обозначает мужское начало, силу, мощь, но одновременно и молодость, так как для обозначения детеныша в сборнике сказок используется диминутив *бычок*: «У мужика отелилась сегодня корова и принесла бычка» [Афанасьев 1985, III, с. 65]. В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля отмечается, что бычок – малый, молодой бык, теленок [Даль, 1956, I, с. 149].

В сказках и былинах конь беспрепятственно скачет с горы на гору, через моря, озера и реки. Конь настолько силен и велик, что скрыть его мифическое происхождение, сродное с обожествленными стихиями, невозможно. Конь в сказках – олицетворение природных стихий, конь – стремительная, необузданная стихия, но во главе этой стихии стоит человек.

Мифические и легендарные кони часто обладают чудесными способностями: они умеют говорить, пересекать воды, путешествовать в потусторонний мир, подземный мир и на небо или нести бесконечное количество людей на спине. Конь может быть как хорошим, так и плохим, например, в сказке «Сивка-Бурка».

Образ петуха широко представлен в фольклоре и литературе, так как он является героем басен И.А. Крылова, сказок русских писателей. В народных сказках петух имеет двусмысленную символику, с одной стороны, он олицетворяет слабость и легкомысленность, с другой стороны, он символизирует самоуверенность и смелость.

Среди домашних животных следует отметить *овцу / барана, козу / козла*, также наделенных символическим значением. В русских народных сказках они связываются с жертвоприношением, это нашло языковое воплощение в сказке «Сестрица Аленушка, братец Иванушка».

Таким образом, зооморфный код, представленный названиями животных, обладающими большой семантической емкостью, активизирует в сознании носителей русского фольклора образы животных, птиц, насекомых, которые в свою очередь, являясь антропоцентричными, соотносятся с качествами и чертами характера человека.

ИСТОЧНИКИ

1. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки / А. Н Афанасьев: В 2 т.– М., Л.: Наука, 1984. – 507 с.
2. Ашукин Н.С. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М.: Гослитиздат, 1966. – 667 с.
3. Бидерманн Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн. – М., 1996.– 332 с.
4. Буслаев Ф.И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объяснённые Ф.И. Буслаевым. – М., 1854. –176 с.
5. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования). – М.: Индрик, 1997. – 912 с.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа. Предисл. М. Шолохова. Вступ. Ст. В.И. Чичерова / В.И. Даль. – М.: Гослитиздат, 1957. – 992 с.
7. Даль В.И. Пословицы русского народа: В 2 т. – М.: Худож. лит., 1989.
8. Энциклопедия животных. [Электронный ресурс]. – <http://www.animalsglobe>.
9. Кожевниковой Н.А., Петровой З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. Вып. 2: Звери, насекомые, рыбы, змеи / Отв. ред. Л.Л. Шестакова. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 512 с.
10. Русское народное поэтическое творчество: хрестоматия. – М.: Высшая школа, 1971. – 415 с.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

11. Андреева В. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / В. Андреева, Куклев В. – М., 2000. – 556 с.
12. Биологический энциклопедический словарь / Гл. ред. М.С. Гиляров. – 2-е изд., исправл. – М.: Сов. Энциклопедия, 1986. – 864 с.
13. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих,

В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – СПб.: Изд-во СПбГУ – Фолио-Пресс, 2011. – 704 с.

14. Большой словарь русских поговорок – [Электронный ресурс]. – <http://dic.academic.ru/contents.nsf/proverbs/>

15. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998. – 1536 с.

16. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / [под ред. В. Н. Телия]. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 781 с.

17. Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – М.: Дрофа, 1999. – 912 с.

18. Большой энциклопедический словарь. – М., 2003.

19. Быстрова Е.А. Учебный фразеологический словарь русского языка. – Л.: Просвещение, 1984. – 271 с.

20. Даль В. И. О повериях, суевериях, и предрассудках русского народа / В.И. Даль. – СПб. – П., 1880. – 164 с.

21. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. Т.2. – М., 1863. – 627 с.

22. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – СПб, 1997.

23. ЭССД – Этнолингвистический словарь славянских древностей: в 2 т. – М.: Русский язык, 1995. – 687 с.

24. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М.: Рус. яз., 2007. – 534 с.

25. Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. / В.И. Зимин, А.С. Спириин. – Ростов н/Д.: Феникс, Москва, 1996. – 554 с.

26. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. – М., 2001. – 548 с.

27. Карачарова. А. Славянские древности / А. Карачарова [Электронный ресурс]. <http://ligis.ru/librari/999.htm>
28. Козлова Т.В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных / Т. В. Козлова. – М.: Дело и Сервис, 2001. – 208 с.
29. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь / Л.А. Лебедева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 316 с.
30. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 682 с.
31. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. – М., 1984. – 265 с.
32. Мартынова А.Н., Митрофанова В.В. Пословицы и поговорки. Загадки. – 1986. – 512 с.
33. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – М.: «Русские словари», 2001. – 863 с.
34. Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: сб. образ, слов и иносказаний: в 2 т. / М. И. Михельсон. – М.: Терра, 1994. Т. 1. , – 779 с; Т. 2. – 250 с.
35. Мокиенко В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 278 с.
36. Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка / В.М. Мокиенко. – СПб. Норинт, 2003. – 608 с.
37. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л., 1977. – 283 с.
38. Морковкин В.Г. Тематический словарь. – М.: Дрофа, 2007. – 500 с.
39. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) /В. М. Огольцев. – М.: Русские словари, 2001. – 800 с.
40. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. 13-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1981. – 816 с.

41. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; РАН. Ин-т русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2000. – 939 с.
42. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов, Наталия Шведова, Изд., стереотип. – М., 2009. – 3423 с.
43. Панов Е.Н. Общение в мире животных. – М.: Знание, 1970. – 342 с.
44. Русские пословицы и поговорки / под ред. В. Аникина. – М.: Худож. лит. 1988. – 431 с.
45. Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции: Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть 1 / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М.: «Помовский и партнеры», 1994. – 224 с.
46. Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В. Тематический словарь русского языка / Под ред. проф. В.В. Морковкина / Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова, В.В. Морковкин. – М.: Рус. яз., 2000. – 560 с.
47. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. – М., Международные отношения, 2002. – 512 с.
48. Славянская мифология: Символы славян // «Культурная инициатива». – М.: Издательство «Эллис Лак», 2018. – 412 с.
49. Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 190 с.
50. Словарь иностранных слов. – 14-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1987. – 608 с.
51. Словарь образных выражений русского языка / Т.С.Аристова, М.Л.Ковшова, Е.А.Рысева и др.; под ред. В.Н.Телия. – М.: Отечество, 1995. – 368 с.
52. Словарь русских народных говоров / сост. Ф. П. Филин; Академия наук СССР; Институт русского языка. Словарный сектор. – М.; Л.: Наука, 1965-1981. – Вып. 1-39.

53. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1970-1971. Т. 1: А-Н. 1970; Т. 2: О-Я. 1971. – 856 с.
54. Словарь современного русского литературного языка / АН СССР, Институт рус. яз. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965. – Т. 1-17.
55. Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. – М.: Русский язык, 1991–1993.
56. Снегирёв И. М. Словарь русских пословиц и поговорок: Русские в своих пословицах. – М.: Терра, 1997. – 350 с.
57. Солганик Г. Я. Толковый словарь: язык газеты, радио, телевидения / Г. Я. Солганик. – М.: ООО «Изд-во Астрель», 2004. – 748 с.
58. Тресиддер Джек Словарь символов / Тресиддер Джек – М.: Индрик, 1999. – 202 с.
59. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. – М., 1964-1973. Т.1– 4.
60. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. Т.2. – М., 1986. – 671 с.
61. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. Т1 – М., 1986. – 576 с.
62. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческом словаре / В.П.Фелицына, Ю.Е. Прохоров Русские пословицы, поговорки, крылатые слова. – М., 1979.
63. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX вв.: ок. 7000 слов / Под ред. А. И. Федорова. – М.: Топикал, 1995. – 608 с.
64. Фразеологический словарь русского литературного языка: более 12000 фразеол. единиц: в 2 т. / сост. А. И. Федоров. – Новосибирск: Наука, 1995. – Т. 1: А-М. 391 с.; Т. 2: Н-Я. – 396 с.
65. Фразеологический словарь русского языка // Под ред. А.И. Молоткова, 4-е изд., стереотип. – М., 1986. – 262 с.

66. Фразеологический словарь русского языка [Электронный ресурс] – http://slovarionline.ru/frazeologicheskiy_slovar_russkogo_literaturnogo_yazyika
67. Фразеологический словарь русского языка. – [Электронный ресурс] – <http://frazbook.ru/frazeologizmy>
68. Философский словарь / Под общей ред. профессора В. Е. Кемерова. – 2-е изд., испр. и доп. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск ПАНПРИНТ, 1998. – 1064 с.
69. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. – М.: Русский язык, 1977. – 936 с.
70. Червинская. Н. М. Русская идиоматика: дикие звери. Свыше 6300 единиц / М.Н. Червинская. – Тернополь: Крок, 2010. – 314 с.
71. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. / П. Я Черных. – М.: 2007.
72. Шанский Н.М. Опыт этимологического словаря русской фразеологии / Н.М. Шанский. – М.: Изд-во «Русский язык», 1989. – 237 с.
73. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.
74. Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. – 685 с.
75. Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь – справочник / Р.И. Яранцев. – М.: Изд-во «Русский язык», 2011. – 865 с.
76. Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии: ок.800 фразеологизмов. 2-е изд., стер. – М.: Русс. яз., 1985. – 304 с.
77. Becker Charles. Proverbes et énigmes wolof / Charles Becker, Victor Martin et Mohamed Mbodj // Le Dictionnaire volof-français de Mgr Kobès et du R.P. Abiven. – Kaolack, 2000. – 26 p.
78. Diop Birago. Les Nouveaux Contes d'Amadou Koumba / Birago Diop. – Dakar, 1989. – 188 p.
79. Le Dictionnaire de L'Académie française. – France, 1798. – P.3433.

80. Diouf Jean Leopold. Dictionnaire wolof – francais et francais- wolof / Jean Leopold Diouf. – Paris : editon Karthaba, 20035. – 95 pages.

81. Les proverbes wolof [http \[Электронный ресурс\]. –http://www.auseneegal.com/-proverbes-wolof-.html?lang=fr](http://www.auseneegal.com/-proverbes-wolof-.html?lang=fr)

82. Les Proverbes africain. – [Электронный ресурс]. <http://afriquespoir.org/?q=node/102>

83. Mwamba Cabakulu. Maxi Proverbes africains, Marabout, / Cabakulu Mwamba. – 2003. – 569 p.

84. Sarr Ibrahima. Contes du Sénégal / Ibrahima Sarr et Alioune Dieng. – Dakar, 2010. –121 p.

85. Senghor Léopold Sédar. La Belle Histoire de Leuk-le-lièvre / Léopold Sédar Senghor et Abdoulaye Sadj. – Paris, 1953. –173 p.

БИБЛИОГРАФИЯ

86. Абаев В.И. Русское и украинское лудан / В.И. Абаев // Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. – М., 1963. – С. 116-119.

87. Абакумова О.Б. Коды культуры в пословицах о правде / О.Б. Абакумова. – М., 2011. – С. 169-172.

88. Алефиренко Н.Ф. Этноязыковое кодирование смысла и культура / Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания: сб. науч. трудов. Волгоград, 2002. – С. 159-167.

89. Алещенко Е.И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки): автореф. д-ра филол. наук / Е.И. Алещенко. – Волгоград, 2008.

90. Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходе к языку / В.М. Алпатов // Вопросы языкознания. № 3. – М., 1993. – № 3

91. Андреева Р.Ф. Гендерные характеристики зоометафор (в газетно-публицистическом дискурсе) / Р.Ф. Андреева, А.М. Агеева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2008. – № 2. – С. 90-93.

92. Антонова А.Б. Роль зоонимов в репрезентации понятийной, образной и оценочной составляющих концепта *drinking* // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 4. – С. 149-155.
93. Артеменко Е.Б. Язык русского фольклора и традиционная народная культура (опыт интерпретации) // Славянская народная культура и современный мир. – М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2003. – Вып. 156
94. Арутюнов С.А. О культе быка и барана на Кавказе и связанных с ним регионах / С.А. Арутюнов // Известия СОИГСИ. – Владикавказ., 2011. – С. 5-18.
95. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 400 с.
96. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М., 1999. – 896 с.
97. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. – М., 1979. – С. 147-174.
98. Астахова А.М. Импровизация в русском фольклоре / А. М. Астахова // Русский фольклор. Вып.10. – М.-Л., 1966. – С. 63-78
99. Ауэзов М.О. Эпос и фольклор казахского народа // Литературный критик / М.О. Ауэзов, Л. Соболев.– 1939. № 10-11.- 228 с.
100. Багаутдинова Г.А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты / Г.А. Багаутдинова / Дис. д-ра филол. наук. – Казань, 2007. – 333 с.
101. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. – Л., 1983.
102. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре / А. К. Байбурин. – СПб., 1993.

103. Баранов Д.А. Символические функции русской колыбели / Д.А. Баранов // Славяно-русские древности. Вып.3. Проблемы истории Сев.-Зап. Руси. – СПб., 1995. – С. 235-240.
104. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Ю.Н. Караулова, В.П. Мурат, И.В. Барышева, И.Н. Мельникова. – М.: 2002. – 448 с.
105. Березин Ф.М. История лингвистических учений / Ф.М. Березин. – М., 1975. – 304 с.
106. Битокова С.Х. Метафорическое использование зоонимов в формировании языковой картины мира // Проблемное описание и преподавание романо-германских языков. (Семантика и структура слова, предложения и текста). – Нальчик, 1996. – С 24–30.
107. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153–172.
108. Богатырев П.Г. Некоторые очередные вопросы сравнительного изучения эпоса славян // Основные проблемы эпоса восточных славян. – М.: 1958. – 20 с.
109. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – М., 2000. – 400 с.
110. Бойко Л.Г. Зооморфный код культуры в семантике устойчивых сравнений / Бойко Л.Г. // Известия ВГПУ. – № 5. – 2008. – С. 94-97.
111. Борщева О.В. Паремнология русского языка (на материале пословиц о труде) / О.В. Борщева // Известия Саратовского университета. – Саратов, 2011. – С. 7-9.
112. Бугорская Н.В. Антропоцентризм как категория современного языкознания / Н.В. Бугорская // Вопросы языкознания. № 2. – М., 2004. – С.18-25.
113. Ведерникова Н.М. Русская народная сказка / Н.М. Ведерникова. – М.: Наука, 1975. – 135 с.

114. Вепрева И.Т. Концепт здоровье сквозь призму зооморфной метафоры / И.Т. Вепрева, А.Ю. Петкау // Психолингвистика в образовании. – 2014. – №2. – С. 137-143

115. Вершинина М.Г. диалектная звуковая картина мира: зоофоносфера (на материале пермских говоров) / М.Г. Вершинина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 11-2 (29). – С.58-60.

116. Вершинина Т.С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / Т.С. Вершинина. – Екатеринбург, 2002. – 226 с.

117. Виноградова Л.Н. Ритуал и текст / Л.Н. Виноградова, Т.А. Благопожелан // Славянский и балканский фольклор. – М., 1994. – С. 168-208.

118. Виноградова М.С. Реконструкция языковой картины мира позднего Чехова (на материале художественной прозы 1898–1903 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.С. Виноградова. – Тверь, 2008. – 24 с.

119. Войтик Л.С. К вопросу о смысловой структуре слова (на материале лексико-семантической группы наименований животных): дис. ... канд. филол. наук / Л.С. Войтик. – Алма-Ата, 1974. – 180 с.

120. Выготский Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. – М.: Искусство, 1968. – 345 с.

121. Гак В.Г. Язык как форма самовыражения народа / В.Г. Гак // Язык как средство трансляции культуры. – М., 2001. – С. 54-68.

122. Голованова Е.И. Языковая картина мира vs. фольклорная картина мира: точки соприкосновения и различий / Е.И. Голованова, И.А. Голованов, И. Г. Казачук // Научный диалог. – 2012. – №8. – С. 34-45

123. Голованова Е.И. *Языковая картина мира против фольклорная картина мира: точки соприкосновения и различий* / Е.И. Голованова, И.А. Голованов, И.Г. Казачук // Научный диалог. – 2016. – № 8 (56). – С. 34-45.

124. Гордеева З.А. методика исследования зоонимов при моделировании русской языковой Картины Мира (на примере зоонима кошка) / Гордеева З.А. // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2013. – № 1 (1). – С. 71-73.

125. Григорьева Г.С. Фразеологические единицы с зоонимами в аспекте теории номинации (на материале современного англ. языка): дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д., 1985. – 220 с.

126. Гудков Д.Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики / Д.Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – 168 с.

127. Гудков Д.Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007. – 285 с.

128. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков – М.: Гнозис, 2003. – 288 с

129. Гукетлова Ф.Н. Зооморфизмы как фрагмент формирования лингвокультурологической компетенции // Вестник ПГЛУ. – 2008. – № 2. – С. 105–123.

130. Гукетлова Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков): дис. ... д-р филол. наук / Ф.Н. Гукетлова. – М., 2009. – 432 с.

131. Гукетлова Ф.Н. Образная основа внутренней формы зооморфизмов как смысловозначительный фактор мировидения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2009. – № 2. – С.121–125.

132. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию // В. Гумбольдт / В. Гумбольдт. – М., 1985. – 500 с.

133. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М., 1985. – 448 с.

134. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М., 1997. – 716 с.

135. Гусар Е.Г. Зоометафора: полихромная модель отношений он – она – они // Известия Алтайского государственного университета. – 2006. – № 4. – С. 97–100.

136. Гутман Е.А. Образные значения зоонимов в словарях / Е.А. Гутман, М.И. Черемисина // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1976. – С. 21-42.

137. Гутман Е.А. Содержание образа «лошадь» (cheval) в русских и французских текстах / Е.А. Гутман, М.И. Черемисина // В помощь преподавателям ИЯ. – Новосибирск, 1975. – Вып. 6. – С. 56-70.

138. Гутман Е.А. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языка) / Е. А. Гутман, Ф. А. Литвин, М.И. Черемисина // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977. – С. 144-165.

139. Гутман Е.А. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков) / Е.А. Гутман // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М, 1977. – 148 с.

140. Диброва Е.И. Современный русский язык. Анализ языковых единиц в трех частях / Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин, И.И. Щеболева. – М.: Просвещение: Владос, 1995. – Ч. 1. – 208 с.

141. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37-48

142. Жуковская Л.П. Поддельная докириллическая рукопись: (К вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960 № 2. С. 142-

143. Журавлев А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян / А.Ф. Журавлев. – М., 1994. – 256 с.

144. Завалишина Ю.Г. Зоонимы и фитонимы в русской и английской паремиологии в аспекте этнического менталитета: дис. ... канд. филол. наук / Ю.Г. Завалишина. – Курск, 1998. – 220 с.

145. Зайченко Н.Ф. Лексико-семантическая группа «Название животных» и ее фразеобразующие возможности в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1983. – 218 с.

146. Заки С.Г., Ковалев Г.Ф. Энтومосемизмы (названия насекомых) в художественных текстах русской литературы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – Краснодар, 2015. – №7. – С.234-237.

147. Захаренко И.В. Собака // Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь: Вып. 1. – М., 2004. – С. 152-159

148. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория / В.А. Звегинцев. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 248 с.

149. Зверева Т.Р. Концепт «эмоции» во фразеологической картине мира русского и удмуртского народов / Т.Р. Зверева / Ежегодн. Рос. психол. общества. – 2002. – Т. 9. – Вып. 4.

150. Из «Моления Даниила Заточника»: пер. с древнерус. и коммент. // Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести / вступ. ст., сост. и коммент. В.П. Аникина, Д.С. Лихачева, Т.Н. Михельсон. – М.: Дет. лит. 1979. – С. 412 -581.

151. Ильина Е.Н. Диалектные названия домашних животных как маркеры языковой картины мира / Е.Н. Ильина Е.Н., Л.В. Сабурова // Вестник Череповецкого гос. ун-та. – 2018. № 4 (85). – С. 57-65.

152. Ильясов Р.Ф. Башкирские сказки о животных // Советская тюркология. – 1981. – № 3. – С. 14-21.

153. Йылдырым А. Семантические особенности метафор-зоонимов в современном русском и турецком языках // Преподаватель XXI век. – 2012. – № 1–2. – С. 315-319.

154. Камаль-Дин З.С. Лексика "животного мира" в произведениях Крылова / З.С. Камаль-Дин // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2014. № 13. – С.220-223.

155. Каменская В.М. Аксиологический аспект устойчивых зооморфных сравнений и зооморфных паремий испанского языка: дис. ... канд. филол. наук / В.М. Каменская. – Воронеж, 2008. – 184 с.

156. Караулов Ю.Н. Три концептосферы русского языкового сознания и три «Реальности» мира / Ю.Н. Караулов // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России: материалы I конгресса Российского общества преподавателей русского языка и литературы. – Париж, МИРС, 2008. – С. 307-317.

157. Киприянова А.А. Функциональные особенности зооморфизмов (на материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков): дис. ... канд. филол. наук / А.А. Киприянова. – Краснодар, 1999. – 218 с.

158. Ковалев Г.Ф. Фольклорные и литературные корни сказок А.С.Пушкина // Афанасьевский сборник. – Вып. XII. – Воронеж, 2012. – С.316-324.

159. Ковалев Г.Ф. Роль «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля в ономастических и этимологических исследованиях // Обрії сучасної філології. Вип.3. – Луганськ, 2011 – С.53-58.

160. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М.Л. Ковшова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 456 с.

161. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1978. – 143 с.

162. Кот Л.Б. Собака и кошка глазами русского и белоруса – [Электронный ресурс]. – <http://www.pws-conf.ru/nauchnaya/lss-2007/358-lingvisticheskie-ekvivalenty-sovremennogo-mira/7962-sobaka-i-koshka-glazami-russkogo-i-belorusa.html>

163. Кошкарова Ю.А. К вопросу о взаимосвязи образов медведя и лешего в русской народной традиции / Ю.А. Кошкарова // Научные

Ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. – № 11. – Т.9. – М., Белгород, 2009. – С.97-102.

164. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. – Вып. 19. – М.: МАКС Пресс, 2001. – С.5-19.

165. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М., 2002. – 284 с.

166. Красных В.В. Кошка // Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. – Вып. 1. – М., 2004. – С. 95-101.

167. Кубасова А.О. Зоометафора в функции ласкового обращения в румынском языке // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2008 б. – № 67. – С. 136-140.

168. Кубасова А.О. Образная характеристика человека в румынском языке через сравнения с животными и зоометафоры: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.О. Кубасова. – СПб., 2008. – 24 с.

169. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова / Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141–172.

170. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века: Сборник статей. / Под ред. Акад. Ю.С. Степанова. – М., 1995. – С. 144-238

171. Кудрявцева И.А. К вопросу о семантической структуре зооморфного образа «лошадь» в немецком и русском языках / И.А. Кудрявцева // В помощь преподавателям ИЯ. – Новосибирск, 1976. – Вып. 7. – С. 60–64.

172. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – Норинт, 2008. – 1536 с.

173. Кутьева М.В. Птицы-вестники: семиотика русской культуры – испанским студентам / М.В. Кутьева // Cuadernos de Rusística Española. – 8 (2012). – 303-317. – [Электронный ресурс].

174. Лаврова О.В. Восприятие мира животных как отражение национальных менталитетоносителей русского и китайского языков / О.В. Лаврова. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. – № 3-1 (45). – С. 130-133.

175. Лазарев А.И. О художественном методе фольклора / И.А. Лазарев. – Иркутск: Иркутский университет, 1985. – 52 с.

176. Лазарев А.И. Фольклор как источник знаний о родном языке / А.И. Лазарев // Вестник Челябинского гос. ун-та, фольклор и фольклористика 2000. – С. 124-139.

177. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С.Лихачев // Русская словесность: антология / под ред. В. П. Нерознака. – М., 1997. – С. 280-287.

178. Лихачев Д.С. Культура как целостная среда / Д.С. Лихачев // Новый мир. – 1994. – № 8. – С. 3-8.

179. Львов Н. Чехов – художник слова // А. П. Чехов. Его жизнь и сочинения / сост. В. Покровский. – М., 1907. – С. 217-223.

180. Лясота Ю.Л. Роль метафорических слов и выражений в развитии словарного состава языка: на материале современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук / Ю.Л. Лясота. – Л., 1954. – 244 с.

181. Мадлевская Е.Л. Русская мифология энциклопедия / Е.Л. Мадлевская. – М., 2007. – 413 с.

182. Мазай Н. И. Род как исконное понятие русской культуры // Успехи современного естествознания. – 2005. – № 2. – С. 40.

183. Малафеева Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов с компонентом зоонимом в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук / Е. Р. Малафеева. – Челябинск, 1989. – 232 с.

184. Маругина Н.И. Концепт «собака» как элемент русской языковой картины мира / Н.И. Маругина // Язык и культура. – 2009. – № 2. – С. 11-30

185. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре / В. А. Маслова. – М.: Гнозис, 2007. – 319 с.

186. Маслова В.А. Лингвокультурология: уч. пособие / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2004. – 202 с.

187. Мехтиханлы С.Г. О фразеологических единицах русского и персидского языков с зоонимным компонентом, характеризующих человека / С.Г. Мехтиханлы // Гуманитарные исследования. Астрахань. – 2014. – № 2 (50). – С. 22-26.

188. Мечковская Н.Б. Семантическое своеобразие фразеологических сравнений: тема-рематическая неидиоматичность и градуальная мотивированность их внутренней формы / Н.Б. Мечковская // литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятое Жуковские чтения): Мат. Межд. науч. симпозиума: в 2 т. – В. Новгород, 2011. – Т. 1. – С. 28-33.

189. Мушникова Е.Н. Множественность мотивации в формировании зоометафоры / Е.Н. Мушникова // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. – 2011. – № 5. – С. 52-57.

190. Нагорная Е.Н. Зоометафора в системе языка и в дискурсе чеховской прозы: Дис. ... канд. филол. наук / Е.Н. Нагорная. – Таганрог, 2014. – 313 с.

191. Нидерле Л. Славянские древности. – М.: Изд-во Иностранная литература, 1956.

192. Никитина А.В. Образ-символ в традиционной народной культуре: Русско-славянские взаимосвязи на материале фольклора о кукушке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Никитина // Научная библиотека диссертаций и авторефератов. – СПб, 1999. – [Электронный ресурс] disserCat <http://www.dissercat.com/content/obraz-simvol-v-traditsionnoi-narodnoi-kulture-russko-slavyanskije-vzaimosvyazi-na-materiale-f#ixzz4AXNgkn7O>

193. Новикова Е. В. Зооморфные образы в немецкой языковой картине мира: учебно-метод. пособие / Е. В. Новикова. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та имени Ф.М. Достоевского), 2009. – 96 с.

194. Огдонова Ц.Ц. Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира: дис. ... канд. филол. наук / Ц.Ц. Огдонова. – Иркутск, 2000. – 162 с.

195. Опарина Е.О. Роль культурного компонента в семантике метафор / Е.О Опарина // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. М., 1995. – С. 91-94.

196. Перова С.В. Зоопаремиологический фонд в рамках этнолингвистики / С.В. Перова // Сборник работ 68-ой научной конференции студентов и аспирантов белорусского государственного университета. – Беларусь, 2011. – С.41-44.

197. Першаева В.В. Опыт экспериментального определения значения зоосемизмов в русском языке / В.В. Першаева // Аспекты лексического значения: Сб. науч. трудов. – Воронеж, 1982. – С. 53-58.

198. Петрович К.А. После Кастанеды: дальнейшее исследование / К. А Петрович. – М.: 2018. – 340 с.

199. Подюков И.А. Народная фразеология в зеркале народной культуры: учеб. пособие / И.А. Подюков. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. Ин-та, 1991. – 125 с.

200. Попова З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 62 с.

201. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И.Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8-69.

202. Потехня А.А. Из лекций по теории слов: Басня. Пословица. Поговорка / А.А.Потехня. – Харьков, 1998. –162 с.

203. Потехня А.А. Символы славянской мифологии / А.А.Потехня. – М., 1988. – 384.

204. Праведников С.П. Лексика, описывающая животный и растительный мир, в курских сказках А.Н. Афанасьева / С.П. Праведников // Курское слово. – 2010. – № 7. – С. 56-67.

205. Пузырев А.В. Образы волка, лисы и медведя в русских народных сказках как проявление генетической памяти // Язык и мышление:

психологические и лингвистические аспекты: материалы 8 междунар. науч. конф. – М., 2008. – С. 34.

206. Рамазанова Л.Г. Метафора в публицистическом тексте (на материале произведений А.Н. Толстого) / Л.Г. Рамазанова. – Махачкала, 2009. – 212 с

207. «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О.В. Рябова и А. де Лазари. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 368 с.

208. Рузин, И.Г. Философские аспекты лингвистического исследования / И.Г. Рузин // ВМУ. Сер. 7 Философия. – М., 1993 – №3. – С. 46-55.

209. Рыжкина О.А. Зооморфные характеристики группы «asinus» в русском и английском языках / О.А. Рыжкина, Ф.А. Литвин // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1976. – Вып. V. – С. 43-61.

210. Сагова М.Б. Аксиологический аспект зооморфных фразеологических единиц английского и ингушского языков / М.Б. Сагова // Вестник Университета Российской академии образования. – 2011. – № 4. – С. 101-102.

211. Салим А.И. Зооморфные образы в русских и арабских пословицах / А.И. Салим // Молодой ученый. – Казань, 2018. – № 11 (197). – С. 281-284.

212. Сегал Н.А. Зоонимичная лексика как источник метафоризации в медиа-текстах (на примере ключевой единицы лиса) / Н.А. Сегал, И.А. Сикстова // Вестник Вятского гос. ун-та. Киров. – 2017. – № 11. – С. 165-168.

213. Серебренникова Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Б.А. Серебренникова. – М., 2009. – 244 с.

214. Сибирцева В.Г. Языковая картина мира в русской загадке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Н. Новгород, 2003. – 143 с.

215. Сиссе Кумба Тотемный символ, персонаж русских сказок – медведь / Кумба Сиссе // Неофилология. – 2020. – Т. 6. – № 21. – С. 164-169.

216. Сиссе Кумба. Тотемный символ, персонаж русских сказок – медведь / Кумба Сиссе // Неофилология. – Тамбов, 2020. – Т. 6. – № 21. – С. 164-169.

217. Сиссе Кумба. Репрезентация культурного образа «семья» персонажами русских сказок (на материале образов волка, лисы и зайца) / Кумба Сиссе // Нефилология. – 2020. – Т. 6. – № 22. – С. 362-367.

218. Сиссе Кумба. Конь как культурный символ в языке русского фольклора / Кумба Сиссе // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. ВГТУ, 2020 № 1. – С. 138-143.

219. Сиссе Кумба. Медведь и Лев как культурный символ / Кумба Сиссе // Студенческая наука как ресурс инновационного потенциала развития: Материалы VII международной научной конференции – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2019. – С. 3-6.

220. Сиссе Кумба. Кошка и Собака как культурный символ / Кумба Сиссе // Студенческая наука как ресурс инновационного потенциала развития: материалы VIII международной научной конференции. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2018. – С. 25-28.

221. Сиссе Кумба. Смысл различия между западным *Лисом* и русской *Лисой* // Наш ответ коронавирусу. Сборник научных трудов преподавателей и студентов кафедры славянской филологии. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. – С. 27-32.

222. Сиссе Кумба. Корова и бык как символы зооморфного кода русской и сенегальской культуры / Кумба Сиссе // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: материалы IV Международной научно-методической конференции. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2016. – С. 409-414.

223. Сиссе Кумба. Основные образы зооморфного кода русской и сенегальской культуры / Кумба Сиссе // Студенческое сообщество и развитие гуманитарных наук в науки в XXI веке: материалы Международного студенческого форума. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2015. – С. 13-15.

224. Складская Г.Н. Метафора – «свернутое сравнение»? // Проблемы семантического анализа лексики. – М., 2002. – С. 90-92.

225. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Складаревская. – СПб.: Наука, 1993 – 152 с.

226. Соколова А.Г. Слова бегемот, кошка, лиса в толковых словарях XX в. (Лингвокультурологический аспект) / А.Г. Соколова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – Т. 1. – № 2. – С. 35-38.

227. Соколова Г.Г. Семантические категории фразеологических единиц французского языка / Г.Г. Соколова. – Л.: Изд-во Ленинград. гос. пед. ин-та, 1984 а. – 52 с.

228. Соколова Г.Г. Состав компонентов фразеологических единиц французского языка / Г.Г. Соколова. – Л.: Изд-во Ленинград. гос. пед. ин-та, 1984 б. – 56 с.

229. Солнцева Н.В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этно-семантическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Солнцева. – Омск, 2004. – 220 с.

230. Солодуб Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования: (На материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица): автореф. ... д-ра филол. наук / Ю.П. Солодуб. – М., 1985. – 31 с.

231. Солодуб Ю.П. Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значений / Ю.П. Солодуб // Филологические науки. – 1997. – № 5. – С. 43-54.

232. Ермаков. С.Э. Скрытое бытие русских сказок / С.Э. Ермаков, Д.А. Гаврилов. – М., 2019. – 228 с.

233. Сумцов Н.Ф. Заяц в народной словесности // Этнографическое обозрение. / Н.Ф. Сумцов. – 1891. – Кн. 10. – №3. – С. 69-84.

234. Сычугова Л.А. Наименования животных в семиосфере английской этнокультуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук, 1996. – 24 с.

235. Телия В. Н. Русская фразеология / В. Н. Телия. – М. 1996. – 235 с.

236. Телия В.Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки рус. культуры, 1996. – 284 с.

237. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова – М.: Слово/SLOVO, 2000. – 146 с.

238. Тимошенко И.Е. Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок // И.Е. Тимошенко – Киев, 1897. – 174 с.

239. Толстой А.Н. Золотой ключик, или Приключения Буратино / А.Н. Толстой. – М., 1935. – 128 с.

240. Толстой Я.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Я.И. Толстой. – М., 1995. – 453 с.

241. Третьи Платоновские чтения: Тезисы докладов международной научной конференции. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 1999. – 58 с.

242. Тростина М.А. Архетип коровы-кормилицы в фольклоре русских и мордвы / М.А. Тростина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – С. 62-65.

243. Трубачев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура / О.Н. Трубачев. Т.1. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 800 с.

244. Хабарова О.Г. Оценочные фразеологизмы, восходящие к образам животного и растительного мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Г. Хабарова. – М., 2004. – 24 с.

245. Химик В.В. Коммуникативно-речевые идеалы современного чиновника // Филологический класс. – 2010. – №24. – С. 45-48.

246. Ходус В.П. Метапоэтика драматического текста А.П. Чехова: лингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.П. Ходус. – Ставрополь, 2009. – 52 с.

247. Холманских И.В. Компаративные фразеологические единицы с компонентом-зоонимом: На материале русского и болгарского языков: дис. ... канд. филол. наук / И.В. Холманских. – Тюмень, 2000. – 243 с.

248. Храмова М.Н. Специфика образных представлений о животном мире / М. Н. Храмова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств – П.: 2014. – С. 12-17.

249. Червинская Н.М. Русская идиоматика: дикие звери. Свыше 6300 единиц / М.Н. Червинская. – Тернополь: Крок (Библиотека научного альманаха «Studia Methodologica»), 2010. – 314 с.

250. Чериан О.В. Зоофитоморфизмы в русском арго XIX-XX вв. (семантико-словообразовательный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Н. Новгород, 2000. – 23 с.

251. Черкашина Э.А, Лексико-тематическая группа «Животный мир» в лексике / Э.А.Черкашина // Рефлексия. Ставрополь. – 2011. № 1. – С. 56-59.

252. Шаховский В.И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации / В.И. Шаховский // Филологические науки. № 2. – М., 2008. – 416 с.

253. Шелер М. Основные тенденции и дилеммы современной буржуазной философской антропологии XX века. – М., 1986. – 296 с.

254. Юрова К.И. Предметная лексика животного мира в повести А.П. Чехова «Степь» / К.И. Юрова // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира Материалы IX Международной студенческой научно-практической конференции. Комсомольск-на-Амуре, 2018. – С. 468-471.

255. Гете И.В. Рейнеке-лис / И.В. Гете. – G.; 1793 г. – 24 с.

256. P. Paulin. Roman de Renart. – Paris, 2016.– p. 144

257. Recueil Des Fables De La Fontaine. – Paris, 1688.– p.158

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Частотность появления тех или иных персонажей
сказок о животных

ЖИВОТНЫЕ	ЧАСТОТНОСТЬ
лиса	50 %
волк	42%
медведь	28%
заяц	25%
петух	19%

Таблица 2. Антропоцентрический потенциал лексемы *лиса*
в русских народных сказках

Коннотации / Название сказки	Лиса и волк	Лиса- повитуха	Лиса, Заяц и Петух	Лиса, Медведь и Мужик	Звери в повозке
хитрость	+	+			
коварство					
лесть					
изворотливость			+		
обман	+	+			
мошенничество			+		
соблазнения.					
женщина	+	+	+	+	+
машина					

Таблица 3. Антропоцентрический потенциал лексемы *волк*
в русских народных сказках

Коннотации / Название сказки	Лиса и волк	Кум и Кума	Волк и Коза	Волк Дурень	Иван- царевич и Серый волк
бесхитрость	+	+		+	
глупость	+	+	+	+	
мудрость					+
учитель					+
сила	+	+	+	+	+
злость			+	+	
наивность	+	+		+	
жадность			+	+	
смелость					+

Таблица 4. Антропоцентрический потенциал лексемы *волк*
в русских народных сказках

Коннотации / Название сказки	Медвежье Ушко	Медведь и собака	Волк и Олень	Звери в повозке	Вершки и корешки
доброта	+	+	+	+	
защитник	+	+	+	+	
арбитр			+		
сила	+				+
смелость	+	+	+	+	
злость					
глупость					+

Таблица 5. Антропоцентрический потенциал лексемы *заяц*
в сказках (русских народных и авторских)

Коннотации / Название сказки	Лиса, Заяц и Петух	Мешок яблок	Дед Мазай и зайцы	Зайцы и лягушк,	Заяц- хвоста
трусость	+		+		
скорость					+
хвастовство				+	+
храбрость				+	
доброта		+			
хитрость					
мудрость					

Таблица 6. Антропоцентрический потенциал наименований животных:
фразеология, сказки, современный авторский текст

<i>Наименова ние диких животных</i>	<i>Фразеологизмы</i>	<i>Сказки</i>	<i>Современный авторский текст</i>
<i>Лиса</i>	хитрость	хитрость	1) хитрость 2) жестокие лидеры 2) капитализм
<i>Волк</i>	1) бесхитростность 2) хищность 3) опыт	1) бесхитростность 2) хищность 3) мудрость 4) злость	1) бесхитростность 2) злость 3) сила
<i>Заяц</i>	1) трусость 2) быстрота	1) трусость 2) быстрота 3) хвастовство	1) трусость 2) быстрота

<i>Медведь</i>	1) сила 2) хозяин леса	1) доброта 2) защитник 3) арбитр 3) сила 4) глупость	1) сила 2) хозяин леса 3) глупость
----------------	---------------------------	--	--

Таблица 7. Антропоцентрический потенциал наименований птиц:
фразеология, сказки, современный авторский текст

<i>Наименование птиц</i>	<i>Фразеологизмы</i>	<i>Сказки</i>	<i>Современный авторский текст</i>
<i>Аист</i>		приносит детей	
<i>Ворон</i>	1) осторожность 2) мудрость	связан с царством мертвых, смертью злом	смерть
<i>Орел</i>	сила, смелость	1) сила, смелость 2) благородство 3) гордость	1) власть
<i>Голубь / голубка</i>	1) чистота 2) любовь	1) чистота, мир 2) любовь	1) любовь 2) мир

Таблица 8. Антропоцентрический потенциал наименований домашних
животных: фразеология, сказки, современный авторский текст

<i>Наименование птиц</i>	<i>Фразеологизмы</i>	<i>Сказки</i>	<i>Современный авторский текст</i>
<i>Бык</i>	1) сила, здоровье 2) упрямство	1) сила 2) смелость	1) здоровье 2) упрямство
<i>Кошка</i>	живучесть, зоркость,	1) доброта 2) смелость	1) несчастья 2)

	ласковость, похотливость, ловкость; черная кошка – предвестник несчастья	3) бравость	торопливость
Лошадь / конь	трудолюбие, выносливость	1) сила 2) смелость 3) защитник	быстрота
Петух	1) гордость, 2) драчливость	1) смелость 2) самоуверенность 3) легкомысленность	
Собака	1. свирепость, злость, агрессии 2. послушание, покорность 3. жадность, скупость, прожорливость 4. большое количество чего- либо 5. пустословие 6. верность 7. сторож	1) слабость 2) верность	1) ум 2) злость 3) опасность
Корова	1) неуклюжесть, 2) неловкость, 3) неповоротливость	Символ материнства	1) здоровье 2) сила